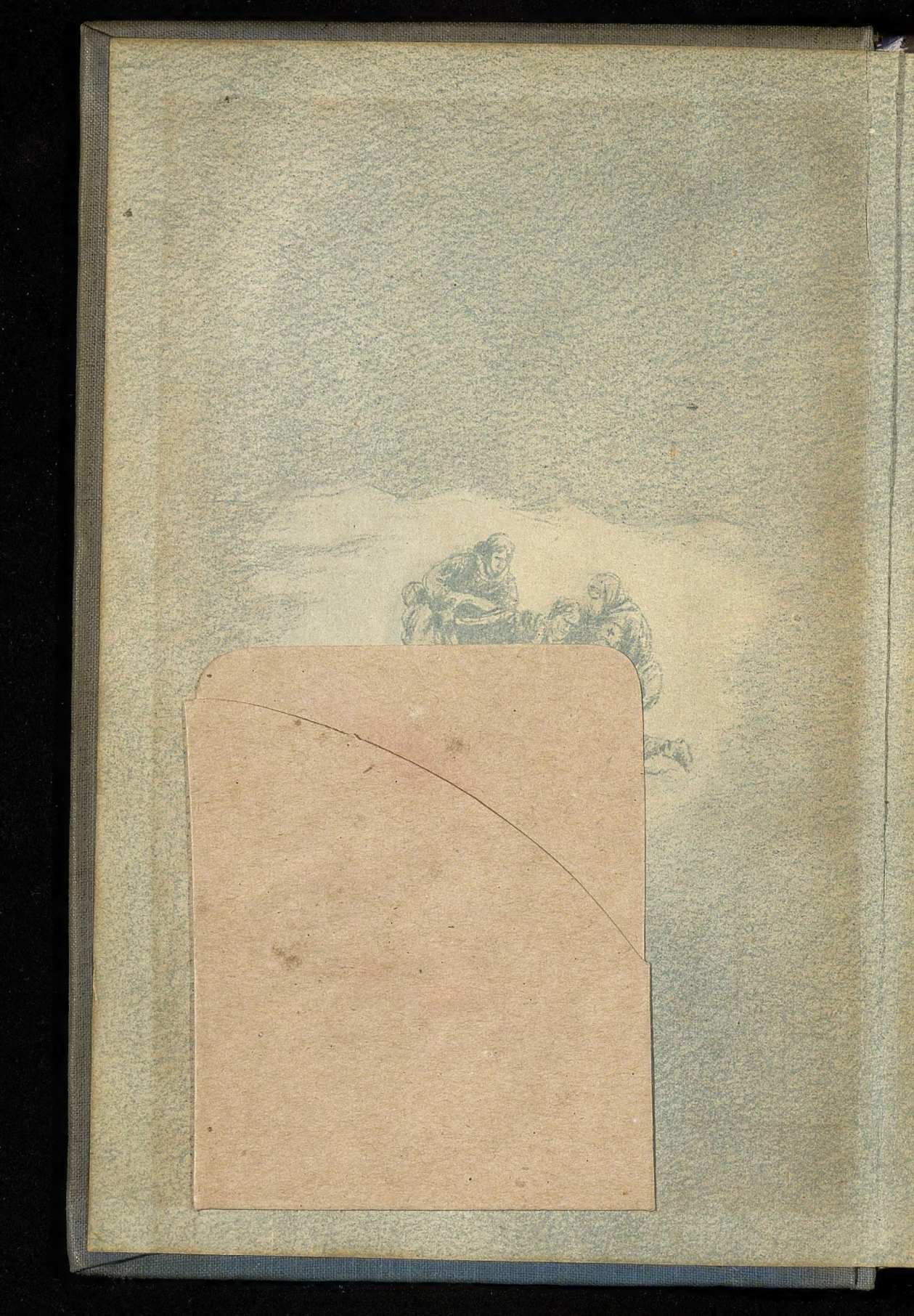
К105
824

ЖЕНЩИНА
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ЖЕНЩИНА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ



ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СССР

СЕРИЯ СБОРНИКОВ

ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1917—1922 гг.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

В ОЧЕРКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
515537

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1938

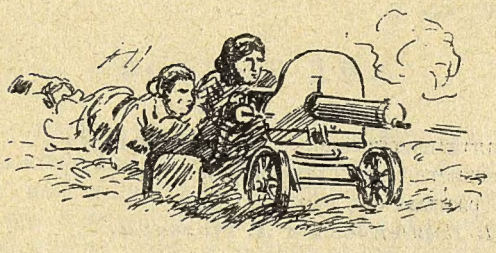
К105 824

ЖЕНЩИНА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

9(ШТ)328.6
Ж.56

ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ НА СЕВ. КАВКАЗЕ и УКРАИНЕ
в 1917 — 1920 гг.

ПОБЕДИТЕЛЬНО



Второе издание
дополненное

ПОГАШЕНО

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1938

4й экз.

9 (47)
Ж 56 Доб. 396

АННОТАЦИЯ

Сборник «Женщина в гражданской войне» создан по инициативе Алексея Максимовича Горького.

Сборник рассказывает об активных участницах гражданской войны на Северном Кавказе и Украине в 1917—1920 годах, когда народы Северного Кавказа и Украины под руководством большевистской партии Ленина — Сталина боролись против банд белых генералов — Корнилова, Деникина, Шкуро и др.

В боевой обстановке и в большевистском подполье показаны работницы городов, крестьянки Ставрополья, кубанские казачки, горянки Чечни, Осетии и Кабардино-Балкарии.

Часть очерков написана самими участницами, часть — по материалам, хранящимся в архиве секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», и по воспоминаниям товарищей, близко знавших героинь, отдавших свою жизнь в борьбе за социалистическую родину.

Сборник составили и подготовили к печати научные сотрудники секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР»
И. Разгон, В. Горбункова и ***А. Мельчин.***

З. ОРДЖОНИКИДЗЕ

БОЕВЫЕ ДНИ

Вместе с Серго Орджоникидзе мы вернулись в Петроград из далекого Якутска второго июня семнадцатого года.

Мы поселились на квартире у Петровских, и Серго сразу же с головой ушел в революционную работу. Он рано утром уходил из дома и возвращался поздно ночью. Прикреплен он был к одной из рабочих окраин города — к Невской заставе.

Однажды Серго пригласил меня на рабочее собрание. Помню, какой-то меньшевик злобно кричал ему что-то в лицо. Но Серго заставил меньшевика замолчать и начал речь.

Такие бурные собрания Серго проводил ежедневно. Большевики с боем в те времена брали трибуну.

Серго проводил собрания и митинги на крупных предприятиях и в казармах. Он вел большую организационную работу по подготовке социалистической революции.

По предложению Ленина Серго был введен в Петроградский комитет большевиков, в исполнительный комитет Петроградского совета.

В этот период, когда в России хозяйничали Керенский и десять министров-капиталистов, в Петрограде было очень туго с продуктами. Целыми днями я простаивала в очередях, доставая хлеб, масло, яйца.

Как-то под вечер я возвращалась домой с продуктами. Серго вышел мне навстречу.

— У нас гости, — сказал он.

— Кто? — спросила я.

Серго улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Сталин и Джапаридзе.

Я очень много слышала от Серго о Сталине. Серго говорил, что Сталин — лучший ученик Владимира Ильича, один из создателей большевистской партии.

Серго еще в Якутской ссылке подробно рассказывал мне, как под руководством Сталина готовил он в двенадцатом году Пражскую конференцию, как ездил в Вологду, куда царские опричники выслали Сталина.

— Сталин? — переспросила я.

С улыбкой провел он меня в комнату и представил своим гостям.

Алеша Джапаридзе был видным закавказским большевиком. Он погиб в восемнадцатом году от руки грузинских меньшевиков и английских интервентов вместе с двадцатью шестью героическими бакинскими комиссарами.

Сталин, Джапаридзе и Серго долго беседовали в тот вечер. Разговор они вели на грузинском языке, и я ничего не могла разобрать.

★

На Петроград надвигались грозные события. В июльские дни контрреволюция поднялась против нарастающей революционной грозы. Начались массовые аресты, разгром большевистских газет. Буржуазия стала требовать суда над Лениным.

Многие изменники поддержали голос буржуазии. Рыков, например, высказывался за немедленную явку Владимира Ильича на суд.

Сталин твердо встал на защиту интересов пролетарской революции.

Он говорил:

— Нет гарантии, что его не растерзают.

Серго, как и всегда, был вместе со Сталиным. Под его руководством он вел энергичную, беззаветную борьбу за ленинские лозунги партии.

Ленин на суд буржуазии не явился. Он ушел в подполье и жил сперва в знаменитом шалаше на станции Разлив, а после — в Финляндии.

Перед большевистской партией стоял вопрос о созыве VI съезда партии. Руководство этим съездом обеспечил в эти дни Сталин.

Серго по поручению Сталина должен был поехать к Владимиру Ильичу. Дело было настолько важное и экстренное, что он не успел даже предупредить меня о своей длительной отлучке.

Я помню, что утром, уходя на очередной митинг, Серго сказал мне:

— Буду в пять. Вместе пойдем обедать.

Серго был одет в черный костюм, брюки носил на выпуск. Шею он подвязывал черным галстуком. Его он привез еще из Якутска.

Он ушел. Пробило пять часов, потом восемь, десять. В очереди я наслушалась жутких рассказов об арестах, об отъезде Ленина в запломбированном вагоне.

Я очень боялась за Серго.

«Наверное, арестовали», с тоской думала я и решила поехать на Невскую заставу.

Я оставила дома записку, в которой написала, что скоро вернусь, и направилась к трамвайной остановке.

До Невской заставы было шесть верст. Я побоялась, что разъедусь с Серго, и вновь вернулась домой.

Наступила ночь. Я так и заснула, не дождавшись Серго.

Утром его опять не было дома. Я боялась выйти из квартиры, надеясь, что он вот-вот может вернуться. Но надо было итти за продуктами.

Я долго стояла в очереди и вновь слушала бесконечные разговоры о репрессиях Керенского.

Дома я застала Серго. Он сидел в пальто возле стола. Костюм его был измят, на брюках пристали сухие травинки.

— Где ты был? — спросила я у него. — Я уж думала, что ты арестован.

Серго спокойно ответил:

— Я был у Ленина.

Я искренно удивилась:

— Как? Ведь его в запломбированном вагоне увезли!..

Серго нахмурился:

— Ты где это наслушалась?

— В очереди...

Серго гневно сказал:

— Не повторяй бабьих сплетен.

Больше он ничего не стал мне говорить. Значительно позже, в двадцатом году, Серго сам описал свою поездку к Ленину.

★

Шестой съезд большевистской партии был съездом подготовки октябрьского штурма.

Политический доклад делал Сталин. Содокладчиком по вопросу явки Ленина на суд был Серго.

Он говорил:

— Им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина.

Съезд присоединился к предложению Сталина и Серго. Была сохранена гениальная голова пролетарской революции.

Вскоре после проведения выборов в Петроградскую городскую думу, в начале сентября семнадцатого года, Серго был направлен

в Тифлис. Я поехала вместе с ним. В Грузии в те дни большевики вели жестокую борьбу с грузинскими меньшевиками, возглавлявшими националистический блок. Серго принял в этой борьбе самое живое участие.

Вместе с Серго мы посетили его родину — село Гореша.

★

Серго недолго пробыл в Гореша. Партийная работа требовала его пребывания в Тифлисе, и он вскоре направился туда. Я осталась в семье его родственников.

Через некоторое время Серго вернулся из Тифлиса и объявил, что срочные дела требуют его немедленного отъезда в Петроград. Я должна была остаться в Гореша...

Из Армавира я получила от Серго письмо:

«Едем, но страшная теснота... Чувствую себя не очень важно, хотя и совершенно здоров. Как только приеду, немедленно переведу деньги, и ты немедленно выезжай».

За два дня до свершения Великой пролетарской революции Серго писал мне из Курска:

«Завтра утром буду в Москве, послезавтра в Петрограде и приступлю к делу. Сегодня я в ударе: целый день громил в вагоне одного меньшевика. Чувствую себя превосходно. Умылся в первый раз после Кутаиса».

Восемь дней после этого я не имела от Серго никаких известий. Это очень волновало меня. Из Петрограда доходили слухи о каких-то событиях, поговаривали, что власть перешла в руки большевиков, что во главе восставших стоят Ленин и Сталин...

Тридцать первого октября Серго написал мне открытку:

«Мы здесь переживаем величайшие дни мировой истории. Борьба идет самая беспощадная. В двадцати верстах от Петрограда — настоящий военный лагерь. Ночью войска Керенского разбиты наголову у Царского села — бежали. В городе спокойно. Позавчерашняя попытка меньшевиков и эсеров устроить восстание юнкеров — раздавлена. Здания, в которых засели юнкера, разрушены пушками. За Керенским идут части казаков и юнкера...»

Пятнадцатого ноября я получила от Серго телеграмму, в которой он извещал о высылке денег и просил по получении их выехать в Петроград.

Ехать в ту пору по железной дороге было очень трудно. Только в начале декабря я добралась до Петрограда и сразу же направилась к Петровскому.

Петровский мне сказал:

— Серго просил передать, чтобы ты немедленно ехала в Харьков к нему. Он назначен чрезвычайным комиссаром. Но перед отъездом тебе нужно повидаться со Сталиным.

Наутро я отправилась в Смольный. В приемной толпились матросы и солдаты с красными повязками на рукавах. Лица у всех возбужденные, серьезные.

Сталин принял меня в своем кабинете, и вместе с ним мы направились на квартиру Алилуевых. Я впервые ехала в автомобиле. Помню, как, немного не доехав до места, наша машина застряла в глубоком снегу. Мы вылезли из автомобиля и пошли пешком.

Сталин провел меня в небольшую комнату. Там стояла кушетка, письменный стол и несколько стульев.

Мы сели за стол пить чай. Сталин рассказывал мне о том, что Серго был избран членом Петроградского комитета, вел большую работу по борьбе с Корниловым и Керенским, а сейчас направлен на Украину — организовывать переправу в Россию продовольственных запасов.

Ночевала я у Петровских. Утром зашла к Алилуевым, получила от Сталина письмо к Серго. Григорий Иванович Петровский, который был народным комиссаром внутренних дел, дал мне разрешение на проезд.

До вокзала меня провожала жена Петровского. Помню, что разрешение на право проезда до Харькова Петровский мне написал на визитной карточке члена IV Государственной думы.

До Харькова я ехала двое или трое суток. Поезд пришел в Харьков в четыре часа утра.

Мимо запотевшего на морозе окна вагона несколько раз промелькнула чья-то высокая фигура. Человек был одет в черное пальто, на голове высокая серая барашковая шапка. Вглядевшись, я узнала Серго. Я стала стучать в окно, но он не услышал меня.

Носильщик в это время затягивал ремнем мой ящик и никак не мог взвалить его на плечо. Помогла носильщику и вдруг почувствовала, как кто-то схватил меня за плечи.

Я была сильно уставшей. С трудом подняла глаза и узнала Серго.

Он взглянул на меня, и радостная улыбка быстро сошла с его лица.

— Что с тобой? — живо спросил он.

— Я очень устала.

— Да, но ты совсем не живая...

★

В Харькове мы пробыли до весны. Серго руководил борьбой с германо-гайдамаками, организовывал отправку для голодающих центров хлеба и других продуктов.

Положение на Украине было очень трудным. Украинская Центральная рада заняла открыто контрреволюционную позицию: она разгоняла советы, разоружала советские войска и не пропускала их на Дон, где генерал Каледин душил трудовое иногороднее и казачье население.

Серго помогал украинским трудящимся укреплять советскую власть. Он эвакуировал в глубь России фабрики, заводы, военное снаряжение и продовольственные запасы.

Натиск германо-гайдамаков был очень силен. Первого марта пал Киев, восьмого апреля — Харьков. Пришлось отступать.

Ранней весной мы выехали в Ростов. Туда мы приехали седьмого апреля восемнадцатого года и пробыли там около месяца.

В окрестностях Ростова орудовали бандиты. Где-то поблизости были немцы, которые, нарушив условия Брестского договора, нагло занимали территорию РСФСР.

Советская власть на Дону была организована еще очень недавно. Буржуазно-помещичья контрреволюция, разбитая в открытом бою, притаилась в казачьих станицах.

Серго был назначен «чрезвычайным комиссаром юга России». Съезд советов Донской советской республики избрал Серго в состав Центрального исполнительного комитета Донской республики.

Началась полоса тяжелой организационной и военной работы.

В городе было очень неспокойно. Был сильный бандитизм. В Ростове ввели военное положение. Ночью на улицах никого нельзя было встретить кроме перекликающихся патрулей.

Через несколько дней после нашего приезда в Ростове убили продовольственного комиссара. Фамилия его, кажется, была Васильев. Помню, как он лежал в первом этаже гостиницы «Палас-отель».

Мы с Серго жили в этой гостинице. Находилась она, кажется, на Садовой. Номер у нас был маленький, напротив находился штаб. Почти ежедневно бывали тревоги. Серго будили в три-четыре часа утра, не давали даже пообедать или умыться, и, помню, бывало, он часто уходил в штаб, обмотанный полотенцем, с зубной щеткой в руках.

★

Однажды в «Палас-отель» пришла анархиствующая группа матросов. Они положили в вестибюле бомбу и послали своего представителя к Серго. Делегированный матросами представитель был здоровенным детиной в форменке и в бескозырке. Китель его был распахнут и обнажал широкую волосатую грудь. Матрос был увешан бомбами и гранатами. Крест-накрест через грудь шли пулеметные ленты. Мне хорошо запомнилось его тупое краснощекое лицо с маленькими заплывшими глазками.

Наглым тоном он обратился к Серго: требовал освободить каких-то арестованных матросов.

Серго вызвал двух красноармейцев и приказал им:

— Разоружите этого молодчика.

Красноармейцы не решились выполнить приказ Серго. Вероятно, грозный вид матроса внушил им страх.

Видя нерешительность красноармейцев, Серго крикнул:

— Немедленно разоружайся! — и выхватил у матроса гранату.

Матрос, со страхом поглядывая на него, стал снимать с себя оружие.

Серго втолкнул его в штабной кабинет и пошел вниз по широкой мраморной лестнице. Там он увидел лежащую на ступеньках бомбу. Полукругом стояли пьяные матросы.

До меня донесся резкий голос Серго. Не знаю, что он им говорил, но только через несколько минут красноармейцы внесли ко мне в комнату массу разнообразного оружия. Они сказали мне, что Серго лично разоружил матросов.

Такие случаи бывали в Ростове почти ежедневно.

Однажды мы вместе с Серго под вечер ехали на извозчике на вокзал. Улица была пустынна. Света не было.

Вдруг слышим во дворе какой-то шум.

Серго сказал мне:

— Подожди. Я узнаю, в чем дело.

Я удерживала его, боясь, что в стычке с неизвестными он может быть убит.

Серго направился во двор. Минут через двадцать Серго возвращается обратно и рассказывает:

— Понимаешь, на мирное население нападают!.. Я их разоружил.

Серго бросил в пролетку несколько револьверов и винтовок. Мы поехали дальше.

К Ростову подошли немцы. Мы должны были быть готовыми к отступлению. Жили буквально на колесах. Различные темные элементы пользовались затруднительным положением властей и занялись грабежом. Разбивали винные подвалы, громили магазины.

Двадцать девятого апреля Серго получил телеграмму от Ленина и Сталина.

Ленин и Сталин предписывали ему приостановить военные действия на германо-гайдамакском фронте. Телеграмма сообщала о том, что для заключения перемирия и определения демаркационной линии между германо-гайдамаками и российской советской территорией в Курск приехала мирная советская делегация во главе со Сталиным и предлагала то же самое сделать на других фронтах.

Перед отступлением Серго вместе с несколькими товарищами поехал в Таганрог вести переговоры с немцами о прекращении военных действий и для того, чтобы заявить протест против незаконного занятия Таганрога, являющегося частью территории РСФСР. Возле станицы Армянской он был арестован немецким патрулем и отправлен под конвоем в Таганрог.

В Таганроге Серго заявил резкий протест против нарушения немцами условий Брестского мира и ареста делегации.

Серго и его товарищам было возвращено их оружие и обеспечено беспрепятственное возвращение в Ростов.

После занятия Таганрога немцы начали подготовлять новое наступление казачьих контрреволюционных частей.

В начале мая австро-германские войска, гайдамаки и белые казаки с боем взяли Ростов.

До последнего дня мы не покидали города. В день отступления Серго вернулся с передовых позиций фронта.

Он сказал мне:

— Тебе нужно немедленно уезжать. Поезжай на станцию, там стоит наш вагон.

Хватились автомобиля. Оказывается, воспользовавшись общей паникой, шофер угнал его и продал в одной из ближайших казачьих станиц.

Я пешком пошла на вокзал. Меня сопровождали казак и калмык-красноармеец. Казак был нашим казначеем.

Поезда в день отступления уходили без расписания. Почти каждые пять-десять минут с вокзала трогались товарные поезда, битком набитые красноармейцами и мирными жителями Ростова, которые не хотели оставаться в городе, занимаемом немцами и гайдамаками.

Белые были уже совсем близко, и на вокзале, словно шмели, жужжали пули.

Отступающие лезли на вагоны, цеплялись на крышах и на буферах.

Я обратилась к сопровождавшему меня казаку:

— Где же наш вагон?

Он пожал плечами:

— Небось, угнали...

Мы пошли по шпалам. То тут, то там натыкались мы на брошенные винтовки и патронташи.

— Куда мы идем? — спрашивал у меня калмык.

Я не знала, что ему ответить. За меня сказал казак:

— Ехать-то нужно. Вот и ищем.

Хотела вернуться в город к Серго. Мне казалось, что одна я все равно не смогу выехать из Ростова.

Только подумала об этом, как вдалеке вижу его высокую, стройную фигуру. Серго шел вместе с товарищами. Лицо его было очень озабоченным.

Я пошла ему навстречу.

Серго подвел меня к товарному поезду. Он только что тронулся, и из раскрытых вагонов виднелись серые солдатские шинели. Сесть в поезд не было никакой возможности.

Серго на ходу подсадил меня на незанятую железную лесенку, ведущую на крышу вагона. Вместе со мной на этой лесенке поместились казак и калмык.

— А как же ты? — крикнула я Серго.

Он махнул рукой и ответил:

— В Батайске встретимся.

Серго остался в Ростове руководить отступлением. Вскоре к нему подъехал верхом на лошади какой-то матрос из анархистского отряда.

Он закричал:

— Это ты нас арестовывал? Давай ответ! — и наставил на него наган.

Серго не растерялся. Он выхватил у матроса оружие и крикнул:

— Не время счеты сводить: на нас немцы наступают!

В тот же день Серго сел на паровоз и поехал в Батайск. Там мы встретились и вместе разыскали свой вагон.

Из Харькова в Ростов Серго привез ценности, принадлежащие совнаркому. Вместе с ценностями, хранящимися в Ростове, за несколько дней до отступления они были отправлены эшелоном на Царицын.

В Батайске мы узнали, что конвой, сопровождавший этот поезд, решил убить всех комиссаров и завладеть ценностями. Об этом нам сообщил один служащий с разбитым в кровь лицом. Ему чудом удалось бежать от грабителей, на ходу выпрыгнув из поезда.

— Нужно немедленно догнать грабителей, — сказал Серго.

Служащий возразил ему:

— У них есть пушки, пулеметы.

— Ничего. Мы сильнее их.

Наш поезд помчался вслед за грабителями. Вскоре мы догнали их эшелон.

Серго дал им два часа для того, чтобы обдумать вопрос о сдаче, а в противном случае обещал открыть по ним стрельбу.

Грабители сдались. Серго, я, а также комиссары и красноармейцы подошли к поезду, везшему ценности. Красноармейцы вывели из вагона главарей грабежа. Двое из них бросились в ноги к Серго:

— Мы не виноваты! Прости, комиссар, прости...

Серго впервые в жизни отдал приказ о расстреле. Грабителей расстреляли тут же, на железнодорожных путях. В их сапогах нашли золото.

Эшелон вез полтора миллиона золотых николаевских рублей и другие ценности. Деньги были зашиты в небольшие холщевые мешочки.

Мы пошли по вагонам, обыскивая всех конвойных. Деньги находили всюду — в карманах, в шапках, в сапогах.

Я заметила, что под вагоном сидит какой-то мальчик. Ему было лет двенадцать или пятнадцать.

Казак крикнул ему:

— А ну, вылезай!

Мальчик нехотя вылез из-под вагона.

— У тебя золото есть? — спросила я его.

— Есть, — вызывающе ответил мальчик.

— Много?

— Все, сколько дали, я не считал.

Казак снял с мальчика сапоги и вытащил из них деньги. Я разыскала в одном из вагонов Серго и вместе с ним продолжала обход.

Один из товарных вагонов был приспособлен для перевоза лошадей. При обыске в стойлах мы обнаружили немало припрятанного там золота. Холщевые мешочки мы находили в яслях и в кучах сена.

По приказу Серго весь конвой был обезоружен. Почти все золото, похищенное грабителями, удалось разыскать.

— Где комиссары? — спросил Серго у разоруженных конвойных.

— Мы их в крайнем вагоне заперли, — сознался один из них.

Мы направились туда. Комиссары вместе со своими женами были заперты в вагоне. Глаза их были подбиты, одежды изорваны.

Они рассказали нам, что мы буквально спасли их от смерти. Главари, подговорившие конвойных ограбить эшелон, решили их расстрелять возле какого-то озера, которое находится подле Царицына.

★

Наши эшелоны прибыли в Царицын рано утром. Чуть брезжил рассвет.

Слышим, у двух вокзалов идет перестрелка. Мы выяснили, что на одном из вокзалов засели какие-то части и ведут обстрел красных отрядов.

Серго сел в автомобиль и поехал к месту столкновения.

Дня через два мятеж в городе был ликвидирован.

Жили мы в Царицыне в гостинице. Серго постоянно ездил на фронт и пропадал там иногда по два-три дня.

Царицын, оборона которого вошла в историю гражданской войны в СССР как одна из наиболее ярких, героических страниц, переживал очень трудные дни. Город был в кольце контрреволюционных казачьих восстаний; наступали немцы.

Через несколько дней Серго выступил на чрезвычайном заседании штаба обороны с планом организации борьбы с контрреволюционными бандами, которые наступали на Царицын. Он предложил объединить все советские войска под одним командованием.

В штабе Северокавказского военного округа сидело несколько контрреволюционеров. Они были назначены изменником революции Троцким.

Вскоре в Царицын приехал Сталин. По его поручению Серго продолжал свои поездки на фронт.

★

Однажды Серго вернулся с фронта радостный и возбужденный. Он рассказал мне, что ему удалось сегодня остановить отступление красноармейцев.

Бой был очень жарким. Красные бойцы не выдержали натиска белых и стали отступать. Отступление это было настолько поспешным, что красноармейцы побросали пушки, не сняв с них даже замков.

В это время к месту боя подъехал Серго.

— Куда бежите? — закричал он бойцам и заставил их повернуть обратно.

Атака белых была отражена.

Сталин поручил Серго поехать на Кубань. В те дни на Кубани и в Черноморье двигались немецкие войска. Они хотели оккупировать эту хлебную житницу.

На Дону, Кубани и на Тереке после Октябрьской революции оформилась в военную силу буржуазно-помещичья контрреволюция. Генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Каледин, Краснов и сотни мелких атаманов в течение долгого времени находили поддержку в среде казачьей контрреволюционной верхушки.

Одновременно с этим именно здесь, на Дону, Кубани и Тереке, выросли подлинно народные вожди подлинно народной армии. Достаточно указать на Буденного, Подтелкова, Кривошлыкова, Кочубея. Они нашли самую глубокую поддержку в среде трудового казачества и иногородних.

И вот, когда Сталин и Ворошилов вели оборону Царицына, не пуская белых генералов к центрам революции, Серго возглавил борьбу революционного народа на Кубани, Ставрополье и в молодой, еще не окрепшей Терской республике.

Терская республика играла огромную роль в деле укрепления советской власти на юге России. Она была организована Сергеем Мироновичем Кировым.

Но Терская республика была еще очень слабой. Киров получил ответственнейшее задание — пробраться в Москву и организовать большую экспедицию в помощь Северному Кавказу, но вместе с транспортом оружия он не смог пробиться через кольцо белых во Владикавказ и вынужден был повернуть на Астрахань.

Наш поезд с огромным риском прорвался через фронт у станицы Прохладной. Там засели контрреволюционные отряды «казачье-крестьянского» правительства Бичерахова.

Вскоре после прибытия во Владикавказ я выехала в Тифлис.

Серго остался во Владикавказе. Он часто писал мне.

В ночь с пятого на шестое августа восемнадцатого года белоказачьи отряды ворвались во Владикавказ. Ими командовали деникинские полковники Беликов и Соколов.

Вот как описывал Серго в письме ко мне это событие:

«... Положение наше сразу стало довольно неважное; во-первых, нападение все-таки оказалось неожиданным, и потому они сразу очутились в центре города, во-вторых, вся офицерская сволочь — в центре и на Осетинской слободке. С окон домов начали жарить по нас. Четыре дня мы оставались в городе. Ночью на четвертые сутки дело стало в высшей степени критическое — нас выбили из города, в наших руках остался вокзал. После некоторых колебаний мы принуждены были прибегнуть к «варварскому» средству — обстрелу центра города из пушек, что и было выполнено Автономовым. Было пущено за ночь сто двадцать снарядов. На второй день (пятые сутки) не стало воды, и нам пришлось отойти, город почти целиком остался в руках казаков, они заняли вокзал.

Защищались только две слободки — Курская и Молоканская.

На шестые сутки к нам подошло подкрепление, и вновь начали наступать. Ингуши все время помогали нам. Отбили у казаков бронированный автомобиль с двумя пулеметами и начали лупить их их же пулеметами.

Борьба стала принимать жестокий характер, но останавливались перед взрывом тех домов, из которых стреляли. Так продолжалось одиннадцать дней, после чего казаки и осетины принуждены были бежать. Грабежи в городе были очень часты — грабили осетины, грабили все те, которые просто хотели нагреть руки.

После этого при помощи ингушей мы обложили четыре станицы и разоружили их, отобрав четыре пушки, несколько пулеметов, бомбометов и около четырех тысяч винтовок.

Упорная борьба продолжается, завтра утром еду в Кабарду на съезд (3/XI). Там тоже придется разгромить несколько казачьих станиц. На днях там в станице Змейской расстреляли Пашковского, его жену и несколько товарищей. Кабардинцы возмущены этим поступком казаков и готовятся нагрянуть на них. На Кубани дела значительно поправились. Алексеевские банды разбиты (к позору грузинского п-ва — они нашли приют у них в Сухуме).

Сильно надеюсь, что в ближайшее время удастся покончить здесь.

Убийственно действует на меня то, что в этой борьбе с казачьей контрреволюцией страдают довольно сильно и ни в чем неповинные люди».

В этом же письме Серго писал:

«... Наш дорогой Ильич ранен двумя пулями. Его ранили, когда он выходил после митинга. Ранила женщина-эсерка. Пока трудно сказать, останется жив или нет, раны очень серьезны. На меня это подействовало очень сильно, ибо без дорогого Ильича мы будем сиротами. Будем надеяться, что на зло всевозможным негодяям наш Ильич останется жив...»

Вскоре бичераховский мятеж был ликвидирован.

Осенью я вернулась из Тифлиса во Владикавказ. В этот период деникинские войска все ближе подвигались к Тереку. Во Владикавказе был создан Совет обороны Северного Кавказа во главе с Серго.

В январе белыми занят Пятигорск. Вплотную к Владикавказу подступают деникинские банды Шкуро, Покровского, Улагая.

Силы были неравны. В военном отношении храбрые горцы и молодые курсанты оказались значительно слабее деникинских полчищ. Терек был отрезан от советской России, и помощи ждать было неоткуда. В эти тяжелые дни ингушский народ на митинге в Назрани, под руководством Серго, провозглашает независимую Горскую республику.

Однако все это не смогло сдержать натиска белых банд. Владикавказ и ингушские селения Долаково, Кантышево и Базоркино были заняты белыми. Часть красных войск отступила по Военно-грузинской дороге на Тифлис, часть красноармейцев и ингушские

166040

отряды, во главе с Серго и Терским совнаркомом, отступили в горы Ингушетии.

За несколько дней до отступления я вместе со своей спутницей Арусяк (сестра известного закавказского большевика Камо) уехала в селение Барсуки, где жила у ингуша Зязикова. У Арусяк был трехмесячный ребенок. Серго находился в это время в Базоркино.

У нас были с собой деньги Терского совнаркома. Мы их сложили в мешок. Эти деньги Серго держал для покупки патронов.

Мы решили, что часть денег нужно разложить по карманам.

Наш проводник — Зязиков — это видел и сказал, что никто нас не тронет, что у ингушей обычай не трогать тех, кто едет с хозяином. Мы выехали, а через два часа встретили человек двадцать всадников. Они окружили машину. На второй машине ехал Зязиков со своими двумя женами. Когда всадники окружили машину, Зязиков вышел и начал с ними говорить по-ингушски. Всадники взяли из машины мешок с деньгами, который лежал под передним сиденьем. У одного из комиссаров забрали оружие и деньги. Старик Зязиков после ограбления разводил руками и говорил, что это небывалый случай, но мы понимали, что ограбление произошло не без его участия.

За голову Серго Деникин назначил большую награду, но это его не смущало, и он сразу стал связываться через ингушей-коммунистов со стариками, которых очень уважают в Ингушетии. С ними он вел долгие беседы о революции, о необходимости немедля начать партизанскую борьбу с белыми.

На второй день мы добрались до аула Мужичий, — отсюда начинается горная часть Ингушетии.

Ночью в Мужичьем поднялась тревога: ждали деникинцев. Была метель, ветер слепил снегом глаза. Мы при свете факелов верхом пробирались горными тропинками в глубь Ингушетии.

Ребенка Арусяк держали попеременно Серго и Бетал Калмыков. Бетал в эту же ночь чуть было не погиб: его лошадь поскользнулась и стала сползать вниз по обледеневшему обрыву. Серго быстро соскочил с коня и успел схватить лошадь Калмыкова за повод. Бетал был спасен. Ночевали в хуторе Ерши, откуда направились в аул Гули, — это на границе с Чечней.

Серго мечтал как можно скорее пробраться в Тифлис. Только оттуда можно было попасть в Москву, а именно туда, к Ленину и Сталину, стремился он.

Наконец прибыли в чеченский аул Кий. Отсюда можно было через Хевсуретию пробраться в центральную Грузию. Наш отряд становился все меньше и меньше: люди заболевали, оставались в селениях. Заболел тифом Бутырин, бывший военный комиссар Терской республики. Его пришлось отправить обратно в аул Гули.

Через Хевсурский перевал пошли Серго, я и ряд партийных работников Терека.

Подъем был очень труден. С огромными опасностями добрались до первой сакли на перевале. Это была каменная башня —

166040
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
575537
ПОГАШЕНО

единственное жилье. Здесь переночевали, а на рассвете пошли дальше.

Весь день мы поднимались все выше и выше. К вечеру пришли в хевсурское селение Шатиль. Дальнейшая дорога оказалась совершенно непроходимой, и мы были вынуждены повернуть обратно.

Серго отправил всех комиссаров в район аула Пуй. Там же находились я и Арусяк.

В Гули лежал больной тифом Бутырин. Серго остался вместе с ним, и ему пришлось вспомнить профессию фельдшера.

Бутырин умер двадцать четвертого февраля девятнадцатого года.

Серго переехал в аул Пуй.

В горах он взялся за организацию партизанских отрядов. Он постоянно говорил, что нужно отвлечь Деникина от Москвы и тем самым ослабить удар на центры революции.

Большое затруднение встретилось из-за нехватки снарядов, ибо без денег нельзя было достать патронов. Плохо также была налажена связь с Кавказским бюро ЦК, которое подпольно работало в Тифлисе. Все это настоятельно требовало посылки товарищей в Тифлис. Серго решил прежде всего отправить из гор Арусяк с ребенком и меня.

Мы ехали верхом. Несмотря на запрещение Серго я взяла с собой денежные документы, револьвер с патронами и фотографию Серго с товарищами. В Длинной долине мы остановились у родственников проводников. Я ехала под видом няни ребенка Арусяк.

В Тифлисе родственники Арусяк связались с подпольным комитетом, и нас выехали встречать.

С ними мы вышли из Длинной долины. Нас усадили в арбу, а мужчины шли пешком и поочередно несли ребенка. Револьвер я держала под шкуркой барашка, в которую был укутан ребенок, а фотографии и документы обвязала вокруг себя.

В одном из аулов мы оставили арбу и чемоданы, так как дальше можно было итти только пешком. Вышли на рассвете. Был туман. Снег подтаял, и ноги скользили. Время от времени слышалась далекая стрельба. Тропинка шла то в гору, то вниз. Шли мы параллельно Военно-грузинской дороге.

Один раз я упала, выбившись из сил, но услышала выстрелы. Это придало мне силы, и я пошла дальше.

В том месте, где нужно было перейти через Терек на Военно-грузинскую дорогу, мы спрятались в пещере. На той стороне за поворотом стояла меньшевистская охрана. Арусяк кормила ребенка, я писала письмо Серго.

Все время по Военно-грузинской дороге проезжали машины, в которых сидели офицеры и женщины, скакали всадники. Но никто не обращал на нас внимания.

Нам нечего было есть. Кусок черного хлеба, который был у нас, мы отдали Арусяк, потому что она кормила ребенка. По Военно-грузинской дороге проезжала арба с дровами, в которой сидел старик-осетин с сыном.

Мы попросили его нас перевезти. Он остановился, распряг лошадь и послал сына к нам.

Юноша перевез сначала ребенка, потом женщин. Я распрощалась с проводниками и отдала им письмо для Серго.

От Казбека мы поехали на машине, но так как была грязь, пришлось снова пересесть в арбу, затем ехать на санях.

До Тифлиса мы добрались ночью. Мы были очень утомлены, но отдохнуть не пришлось, потому что утром в нашей квартире меньшевики устроили обыск. Они узнали, что в Тифлис приехали жены комиссаров.

Началась трудная жизнь. Меньшевистские сыщики могли в любую минуту меня арестовать.

Серго оставался в горах Ингушетии. Аул Пуй сделался главным местом его пребывания. Сюда стекались отряды отступающих красноармейцев, которых Серго снабжал продуктами и деньгами и переправлял в Тифлис. К нему приходили за советом и помощью ингуши.

Серго пробыл в Ингушетии до середины апреля. Он постоянно объезжал аулы, одно время скрывался от карательного отряда в пещере под аулом Датых. Серго энергично взялся за организацию партизанских отрядов.

В конце апреля девятнадцатого года Серго покинул аул Пуй и через Хевсуретию (аул Амги) попал в Тифлис.

Однажды вечером, когда я собиралась ложиться спать, пришел Камо, вызвал меня и сообщил, что его сестра заболела.

— Надо итти, — говорил он мне.

Я спросила его, спускаясь по лестнице:

— Может быть, Серго приехал?

Камо ничего не ответил.

Во дворе меня ждал Серго. Он был в черном пальто, с бородкой, небритый. Мы пошли на квартиру Камо. Серго рассказал мне о том, как он проходил через Хевсуретию в Тифлис.

Когда Серго и его спутники поднялись на перевал Хевсуретии, началась сильная метель. Проводник сказал, что итти дальше нельзя. Решили возвратиться обратно. У Серго было тяжелое состояние. Они вели с собой больного Автономова. Его завернули в бурку и на веревках начали спускать вниз. Когда они сами спустились, то Автономов был уже мертв. Три дня они пробыли в одном ауле, похоронили Автономова и двинулись дальше.

На границе с Хевсуретией стоял всегда хевсур с оружием. Когда подошел Серго со своими спутниками, их арестовали и провели к священнику, который грубо начал разговаривать с Серго и спросил его:

— Вы большевик?

Серго ответил:

— Да, я большевик, представитель советской власти, и поэтому вы должны со мной иначе разговаривать.

Священник ответил грубостью. Серго гневно сказал ему:

— Вы священнослужитель, какое вы имеете право с нами так разговаривать. Если вы нас арестовали, то передайте нас, как арестованных, грузинскому правительству.

Серго был тогда в черкеске, из оружия он взял с собой только маленький браунинг. Кроме того у Серго был перочинный ножик. Все это у него отобрали и заперли его в сарай. Незадолго до этого здесь были убиты пятнадцать отступающих красноармейцев.

Утром священник неожиданно стал приглашать Серго к себе обедать.

Серго отказался.

Очевидно, проводник Серго дал священнику взятку, и священник их отпустил.

В Тифлисе Серго наметил дальнейший путь борьбы против контрреволюционного меньшевистского правительства и выехал в Баку к Микояну. Здесь Серго провел широкое партийное совещание закавказских коммунистических организаций.

В Баку мы были всего несколько дней и выехали в лодке по Каспийскому морю на Астрахань. Заблаговременно были заготовлены продукты в армянских лавках. В одной из них был обыск, и мы остались с очень небольшим количеством сухарей, риса и хлеба. Камо достал немного черной икры. Пресную воду мы везли в бочке. Икру Камо выдавал очень небольшими порциями — как лакомство.

С нами ехало пять моряков, из которых двое были коммунистами. В солнечный ясный день мы с одним мужчиной, одетым по-летнему, подошли к лодке и начали упрашивать моряков прокатить нас.

Серго уже был в лодке.

Мы сели и выехали в море, как на прогулку. Лодка была старая, парусная.

Вскоре поднялся шторм, и нам пришлось стать на якорь. Наша пятисаженная лодка с трюмом сильно качалась. Всеми овладела морская болезнь.

Мы два раза пересекали Каспийское море, чтобы не встретиться с белогвардейскими пароходами. Лодка оказалась ненадежной, мачта трещала, скрипела.

В одном месте мы попали в мертвую зыбь, но матросы быстро спасли лодку.

Питались мы так: первые два дня почти ничего не ели. Я и Камо готовили обед — варили рис на воде, Камо раздавал икру маленькими кусочками. Если вблизи не было пароходов, мы выходили наверх и пели песни. Когда икра кончилась, помню, Камо стал на палубе и начал грызть тряпочку, в которой была завернута икра.

Я спросила:

— Что ты делаешь?

Камо ответил:

— Знаешь, Зина, хороший суп вышел бы из этой тряпки, смотри, какая жирная.

Вероятно, около Форт-Александровска нас прибило к берегу. Мы увидели рыбаков, и на маленькой шлюпке, которая была у нас кроме лодки, наши моряки подъехали к рыбакам, купили у них рыбу, банку икры.

Выехали мы тринадцатого июня, было нас тринадцать человек, и на тринадцатый день мы приехали в Астрахань.

Под Астраханью мы увидели пароход и очень встревожились, но кто-то заметил на пароходе красный флаг. Нас приняли на пароход, но везли как арестованных. Только когда кто-то узнал Серго, нас отвезли в гостиницу.

Здесь Серго впервые встретился с Сергеем Мироновичем Кировым, рассказал ему о положении на Северном Кавказе и о закавказских делах.

Через два дня мы в теплушке выехали в Москву. Моряки остались в Астрахани для связи с Баку. Впоследствии они возили литературу и выполняли отдельные поручения. Молодой штурман был захвачен и повешен белыми.

По дороге Серго отстал от нас. Он вынужден был поехать на фронт.

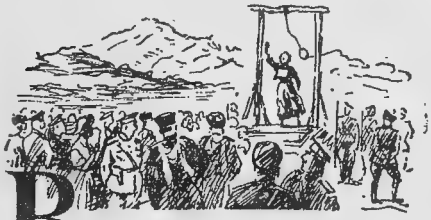
Я приехала в Москву и остановилась в Кремле на квартире Сталина.

Вскоре позвонили от Ленина.

Разговаривала Надежда Сергеевна Алилуева. У нее спросили:

— Где Серго?

Я ответила через Надежду Сергеевну, что Серго остался на фронте.



Л. АРГУТИНСКАЯ

КСЕНИЯ ГЕ

Внизу, в подъезде Гранд-отеля, громко хлопнула дверь. Ксения вздрогнула, вскочила с кресла и долго прислушивалась.

О том, что главные силы уже отошли с невинномысского фронта к астраханским степям, никто в городе не знал, даже Александр Ге — председатель ЧК.

В комнату постучался товарищ:

— Белые под городом. Сейчас выступаем с отрядом. Куда тебя направить?

Уже месяц Александр с трудом вставал с кровати. По ночам его будил удушливый кашель, а несколько дней тому назад из горла хлынула кровь.

Ксения с тревогой вглядывалась в серое, исхудавшее лицо с огромными темными глазами и запекшимися губами, и ее охватила тоска.

Александр подошел к кровати ребенка, наклонился над ним и осторожно пощупал горячий лобик дочери.

— Все то же, — тихо сказал он. — Тебе придется остаться с ней. Не выдержит иначе ребенок. Да и ты сама после родов не сможешь итти. Иного выхода нет. Я убежден, что мы отобьем белых.

Ксения прижалась лбом к его груди и услыхала сквозь одежду, как громко бьется его сердце. С трудом старалась подавить охватившее ее отчаянье.

На фронт уходили все товарищи, уходил Александр, а она оставалась одна с больным ребенком.

За окном завыл ураган, со всего размаха так ударил ставней, что зазвенели стекла. Затем стих.

Где-то далеко загудел снаряд.

В кровати заерзал ребенок. Она встревоженно подбежала к нему. Виточка лежала, закинув за голову сжатые кулачки и подняв кверху полные ножки.

Ксения осторожно прикоснулась губами к налитым розовым подушечкам ступни. Они были влажны, и от них шел еле уловимый запах детского тельца.

С радостью прислушивалась к ровному дыханию ребенка, осторожно прикрыла и долго смотрела на темные прядки волос, на маленький с горбинкой нос, как у отца.

Потом потихоньку прошла к печке, подложила дров и уселась в кресло.

Стало как-то необычайно легко. Виточке лучше, ребенок спасен. Сразу появилась уверенность в том, что теперь все будет хорошо, наши отгонят белых и Александр вернется домой.

Незаметно для себя она уснула впервые за три бессонных ночи.

А во сне ей казалось, что белые ворвались в комнату: кто-то схватил за плечи, пригибал к полу, давил тяжестью. Отбиваясь, она громко закричала и открыла глаза.

Перед ней наклонилось встревоженное женское лицо. Кто это? Ах, да, Варя-уборщица. Единственный близкий человек, который остался с ней. Долго не могла понять, что ей нужно.

— Ксения Михайловна, — торопливо говорила девушка. — Тут один боец принес письмо от товарища Ге. Просит ответ.

Ксения вскочила. Значит, Александр жив? С трудом разбирала расплывшиеся буквы на сером клочке бумаги:

«Пока что держимся. Но тяжело. Я у пулемета. Нет лент. Замерзаем. Эти три дня, как тридцать лет. У меня тоже, кажется, тиф. Отходим... Отступай с Виточкой, пока не поздно. Целую. Александр».

До боли потянуло туда, в окопы, к товарищам. Она больше не боялась за ребенка. Ведь его можно оставить на Варю. Твердо решила, что на рассвете проберется к своим.

— Варя, — обернулась она к девушке, — ты останешься с Виточкой?

— Да разве ребенка можно брать с собой в такую пургу? За Виточку не бойтесь: как свою дочку, беречь буду.

Не задумываясь, торопливо писала:

«Держись. Сдам Витю, сама с винтовкой к тебе, милый мой, победим или умрем вместе. Твоя Ксения».

Далеко в коридоре затихали варины шаги.

Ксения торопливо разливала молоко в маленькие бутылочки. Куда девалась соска? Перед уходом надо накормить ребенка.

Потом начала складывать необходимые вещи. Белье себе, Александру, кое-какие продукты.

Неожиданно в парке затрещал пулемет. Ксения схватила револьвер, подбежала к окну и напряженно вглядывалась в серый рассвет.

Разгоралась беглая ружейная перестрелка.

Ксения распахнула дверь и выскочила на занесенный снегом балкон.

По узкой улице бежала кучка людей, по временам останавливалась и стреляла в сторону наступавших офицеров. Один из белогвардейцев выскочил вперед и, присев, стал целиться в отставшего раненого бойца.

Тогда, не помня ничего и только чувствуя огромную злобу, Ксения выстрелила несколько раз. Офицер мягко опустился и приник к земле.

Где-то над головой Ксении тупо о стенку застучали пули.

В этот момент она услыхала испуганный крик ребенка. Захлопнула дверь, подбежала к дочери и, вынув из кроватки, крепко прижала к себе.

Стоя неподвижно у стены и прислушиваясь к стрельбе, Ксения поняла, что все пропало и белые заняли город.

Она слышала, как бегали в коридоре, кто-то стучал прикладами, кого-то проводили, ругаясь и крича.

Но она не знала, что в соседний номер офицеры притащили еле живого Александра Ге. Белые взяли его за городом, лежащего без сознания около пулемета.

★

В холодную, непривычно вьюжную зиму девятнадцатого года под натиском белогвардейских войск 11-я Красная армия отступала к астраханским степям, теряя по дороге тысячи больных, раненых, бросая обозы, снаряжение и лошадей, замерзая в голодных, безводных пространствах каспийских степей.

Деникинцы прорвались на Святой крест, затрудняя отступление на север и на юг. Боясь быть отрезанными, красные войска стали спешно отступать от Невинномысской к Владикавказу и Моздоку, пробираясь с боями и теряя по дороге бойцов.

Зная о прорыве, генерал Шкуро обложил со всех сторон Ки-

словодск. Красные части отступали, отдавая позицию за позицией, шли через безводную мертвую степь туда, к Астрахани, с единственной целью — вернуться назад и отбить оставленные станицы и села.

Их нагоняли вьюга и непрестанно бушующий буран и рождали по степи бесконечные могильные холмы.

Только к концу дня Варя случайно узнала, что Александр Ге арестован и находится под стражей в соседнем номере. Она бросилась туда, но часовой грубо оттолкнул ее от двери.

Ксения не думала о том, что Александр мог попасть к белым. Она была убеждена, что он успел отступить с отрядом. Целый день она обдумывала, как бы ей скрыться с ребенком, и с затаенной тревогой ожидала ночи.

— Что же теперь делать? — говорила Ксения точно в бреду.— Варя, ведь они его убьют? Они не оставят его в живых. Надо спасти его во что бы то ни стало.

Она быстро ходила по комнате, не зная, что предпринять. Было ясно: нельзя терять ни одной минуты. Надо взять себя в руки и обдумать все спокойно.

— Варя, — вдруг остановилась она. — Ты никого не видела из наших? Может, кто-нибудь не успел отступить? У тебя нет знакомых? Близких? Где твой жених — истопник?

— Уехал недавно в станицу к родным. Должен был вернуться. Да вот нет его, как на зло.

Они долго молчали. Ксения стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Она не знала, что придумать.

— А вы знаете, кого я встретила сегодня? — неожиданно сказала Варя. — Глазам своим не поверила. Старичка того, что на работу в ЧК к вам заходил. На плечах погоны, одежда генеральская.

— Какого старичка? — удивленно спросила Ксения.

— Да вот, что в заложниках сидел. Хилый такой. Невидный. Товарищ Ге его из-под ареста освободил. Так он теперь комендантом города назначен.

— Ты что-то путаешь,— недоверчиво сказала Ксения и подошла к девушке. — Петренко? Такой больной, жалкий старик. Он генерал? Его же при мне освободили.

Она вспомнила старческую фигуру. Его забрали вместе с другими заложниками после второго налета Шкуро на город. Он кашлял хриплым, лающим голосом, вежливо раскланивался и часто жаловался на свои болезни и старость. Допрашивала его Ксения в ЧК и несколько раз посылала к нему врача. Но допрос ничего не дал. Тогда решили его не задерживать.

Она также вспомнила их последнюю встречу. Это было в кабинете у Александра. Петренко вызвали и объявили, что он свободен. Мелко семеня ногами, он подошел к ней и тихо сказал:

— Если я когда-нибудь пригожусь вам, — рассчитывайте на меня.

Затем он запахнул порыжевшее пальто и поспешно вышел из комнаты. «Какой жалкий старик», мелькнуло у нее тогда в голове.

Сразу появилась надежда. Он обещал. Он поможет переправить куда-нибудь Александра.

Ксения быстро надела пальто, накинула на голову варин пуховый платок и сбежала вниз.

Спускались серые сумерки. Знакомые улицы казались чужими. Попадались солдаты и офицеры в погонах.

Она торопливо шла, изредка останавливалась и спрашивала у прохожих, где помещается комендант города.

Где-то отдаленно, за парком, прозвучал выстрел, за ним другой, третий. Громыхая колесами, по улицам проходил обоз, медленно продвигались орудия на высоких колесах, проносились кавалеристы. На тротуарах было много глазеющей публики. Слышался громкий разговор и смех. Около комендантской стояли подводы, кто-то громко вызывал квартирьеров, а сбоку, на мостовой, около костров, покуривая, столпились офицеры.

Ксения быстро вбежала по лестнице на второй этаж. Сколько раз ей приходилось бывать в этом помещении. В приемной было шумно. Около адъютанта толпились офицеры. Ксения пробралась к столу.

— Мне нужно коменданта, генерала Петренко. По срочному делу. Доложите, пожалуйста, — обратилась она к адъютанту.

— Если у вас действительно срочное дело, пожалуйста, подождите. Генерал скоро вернется.

Ксения присела на стул около двери, которая, повидимому, вела в кабинет Петренко.

Если бы офицеры не расступились, адъютант не вскочил и не застыл на месте, она не узнала бы в вошедшем генерала Петренко. Он шел к своей двери, слегка сутулясь, но бодро, ни на кого не глядя и небрежно приложив ладонь к козырьку фуражки.

Ксения встала и решительно направилась к нему.

— Я прошу вас немедленно принять меня, — сказала она, спустив платок на шею.

Он остановился, сердито посмотрел на Ксению и смутился.

— Это вы? — удивленно спросил он. — Не ожидал. — и, сделав рукой жест к двери и пряча взгляд, быстро сказал: — Прошу.

Она вошла в тот самый кабинет, где когда-то сказали генералу, что он свободен. Кто-то уже успел внести новую мебель, на полу расстелили ковры, а на обоях на том месте, где когда-то висел портрет Ленина, остался темный квадрат.

— Присаживайтесь, — сказал Петренко и, отойдя в угол, долго раздевался у вешалки.

Она украдкой разглядывала генерала. Он стал совсем иным. Куда-то пропала старческая немощь, сгорбленная, жалкая фигура и неуверенная походка. Отирая платком мокрый от снега лоб, он степенно подошел к столу и уселся в мягкое кресло.

— Не ожидал. Никак не ожидал, — снова повторил он. — Так, значит, вы остались? Не успели выбраться? Ну что ж! — растирал

он покрасневшие пальцы. — Зимой отступать с ребенком — это большой риск. Ну, а как супруг? Он тоже здесь?

Она поспешно рассказала ему об аресте Александра.

Он слушал внимательно, слегка склонив голову, и пальцами по столу выбивал какой-то мотив.

Ксения говорила, с трудом скрывая волнение. А кроме того смущал пристальный, холодный взгляд серых глаз.

Он молча выслушал и опять долго барабанил пальцами по столу.

— Вы поняли, зачем я здесь? — прервала молчание Ксения.— Когда-то вы обещали мне свою помощь. Вот я и пришла за ней.

Петренко снова изменился в лице, улыбнулся и закивал головой.

— Да, да, помню, — поспешно сказал он. — Я просто обдумываю, что надо сделать. Знаете, что? Муж ваш болен. Сейчас его не надо трогать. Пусть находится под арестом. А как только ему будет лучше, я вас переправлю в горы. Оттуда в Закавказье проберетесь.

Ксения быстро приподнялась. Ведь это была жизнь.

Он тоже приподнялся, слегка опираясь ладонями о стол, и, глядя поверх ее глаз, улыбаясь, сказал:

— Я гарантирую вам безопасность и жизнь.

Она протянула руку, он крепко пожал ее, низко наклонив голову.

Ксения вышла на улицу. Она шла, не замечая ни ветра, ни снега. Думала только об одном: теперь Александр был спасен.

Как только дверь за Ксенией закрылась, генерал встал и нажал пальцем кнопку звонка:

— Соедините меня с Пятигорском. Вызовите начальника контрразведки полковника Рязанова.

Адъютант откозырнул и, поворачиваясь, чтобы итти к двери, заметил довольный взгляд генерала.

«Песок сыплется, — ухмыльнулся он. — А туда же. Растаял от красивой бабы».

Генерал зашагал по комнате, заложив руки за спину.

— Сама пришла. Ну, что ж! — громко сказал он и довольно засмеялся.

Он долго разговаривал по телефону с начальником контрразведки, а потом позвонил в Гранд-отель и приказал привести в исполнение распоряжение об Александре Ге, которое он отдал несколько часов тому назад.

★

Какая-то темная фигура стояла у подъезда. И только приглядевшись внимательно, Ксения узнала в ней Варю.

Девушка бросилась навстречу.

— Увезли его, — плача, говорила она и все сильнее сжимала ее руку.

— Этого не может быть! — прервала ее Ксения. — Я только что была у Петренко. Он сказал, что Александра не тронут, обещал помочь.

Девушка торопливо вытерла слезы.

— Обманул он вас. Сама видела, по коридору тащили. Они его сначала под руки волокли. Потом он упал, так его прикладами. Голову разбили, по лицу кровь текла, — снова заплакала она.

— Куда повезли?

— К вокзалу. Может быть, в Пятигорск? — успокаивала Варя. — Там лучше.

Они побежали к вокзалу. На перроне было пусто. Выяснили, что последний поезд ушел час тому назад. Значит, Александра не увезли в Пятигорск? Она даже не могла себе представить, где он.

— Пойдемте. Стрелочник у меня тут знакомый. Может быть, он видел? — потянула за рукав Варя.

Ксения долго стояла у будки. Буран усилился. Ветер гремел сорванным с крыши железом, протяжно и тоскливо гудел в телеграфных проводах.

— Проезжали здесь,— сказала Варя.

— Ну? — подалась к ней Ксения.

— Туда поехали, — неопределенно махнула рукой девушка.

— Куда — туда?

— Были здесь. В степь проехали, — неожиданно сказала Варя. — Вон след от подводы. По нему и надо итти.

Ксения неожиданно для себя громко рассмеялась.

Варя испуганно оглянулась.

— Ксения Михайловна, не надо! — крикнула она. — Что вы? Может быть, ничего и нету?

Хотелось бежать, но ноги с трудом отрывались от земли. Догнать, увидеть его, может быть, в последний раз, сказать горячее, хорошее слово, помочь ему, поддержать. Упасть на землю, спрятать голову в белую, пушистую пелену и так долго-долго лежать, только прислушиваясь, как шелестят падающие снежинки.

За пакгаузом в степи налетел сильный порыв ветра. Сразу привел в себя. Ксения оглянулась назад. Сквозь мутную пелену чуть заметно мерцали станционные фонари. Впереди была серая мгла.

Они шли, зорко вглядываясь в колею. Вдруг она свернула с дороги и пошла прямо в степь. Что-то зачернело на снегу.

И Ксения поняла, что это то, о чем она себе даже не позволяла думать.

Варя пробежала вперед, как-то странно охнула и присела на землю.

Ксения пристально вглядывалась в темную кучу. Почему отдельно лежала голая нога?

«Ему холодно, он раздет, простудится», подумала она и вдруг заметила в стороне руку, затем куски тела и темные пятна на белом снегу.

Ноги подогнулись. Она с размаху упала и зарылась лицом в холодный мокрый снег.

А то, что было потом, она помнила как в тумане.

Варя пошла в сторожку за лопатой, и, когда скрылась в темноте ее фигура, Ксения на коленях подползла к разрубленному телу.

Она не помнила, как вернулась домой. Машинально подошла к столу и взяла маленькую фотографию.

Долго вглядывалась в милые, любимые глаза, в темную прядь волос, небрежно упавшую на лоб.

Машинально подошла к кроватке, нагнулась к ребенку и тут только впервые ясно поняла, что Александра больше нет, что он уже никогда больше не придет, не улыбнется так, как умел улыбаться только он один, больше никогда она не услышит его голоса, не почувствует его нежного объятия.

И, уронив голову на руки, тихо, беззвучно заплакала.

В эту же ночь пришли за ней. Сколько их было! Чего они боялись? Она молча сидела, пока шел обыск. Потом осторожно, боясь разбудить дочь, нагнулась к ней и коснулась губами щеки.

— За дочку не бойтесь, — услышала она торопливый варин шопот. — Все сделаю, что надо.

Она крепко обняла девушку.

Ксению поместили в тот же самый номер, в котором раньше сидел Александр.

Когда она шла по коридору, напротив неожиданно открылась дверь. На пороге она увидела генерала Петренко.

Ксения слегка задержалась и, глядя ему прямо в смущенное лицо, громко и отчетливо сказала:

— Какая вы гадина, господин генерал!

Сзади громко захлопнулась дверь.

★

Всю ночь до рассвета по приказанию генерала Петренко на горе, у солнечных ванн, солдаты строили виселицу, и стук топоров далеко разносился в ночной тишине.

★

В сумерках часовой приоткрыл дверь и поставил на пол судки с обедом.

— Да вы меня еще откармливать хотите? — услыхал он спокойный голос и удивленно оглядел арестованную. — Ужасно курить хочется. У вас нет папирос?

— Все кончились, — с сожалением ответил он. — Сам мучаюсь.

Дверь снова закрылась.

Ксения быстро поела. Ей теперь надо было много сил.

Она достала из кармана тысячерублевую бумажку и осторожно постучала в дверь.

— Чего вам? — удивленно спросил часовой.

— Купите мне, пожалуйста, папирос, — сказала она. — Вот деньги. Сдачи не надо. Да вы не бойтесь. Ну, куда же я денусь?

Он стоял, не решаясь принять деньги.

— Уходить мне от вас нельзя, —колеблясь, сказал он и присталь-

но всматривался в лицо женщины. Но оно было спокойно, и так же спокойно улыбались большие голубые глаза.

— Да ведь убежать-то я не могу. У меня рядом ребенок, — уговаривала Ксения. — Уж очень курить хочется. Еще утром кончились папиросы.

Часовой долго думал, а потом протянул руку за деньгами и тихо сказал:

— Вы уж того. Я мигом обернусь.

Она немного постояла около прикрытой двери. Затем осторожно выглянула в коридор. Там никого не было.

Приглушая шаги и поминутно оглядываясь, Ксения поспешно побежала к черному ходу.

На узкой маленькой лестнице было темно. Спотыкаясь о какие-то доски, она быстро спустилась вниз. На дворе стояли распряженные двуколки, у забора оседланные лошади хрустко жевали сено.

Стараясь итти по темной стороне двора, она подошла к воротам и, открыв калитку, вышла на улицу.

Кто-то крепко схватил ее за руку и повернул к фонарю.

— Вы куда это? — громко окликнул мужской голос.

От неожиданности она испуганно вздрогнула и оглянулась. Рядом стоял заведующий Гранд-отелем и пристально смотрел на нее.

— Пустите, — спокойно сказала Ксения. — Мне больно. Я вышла только в лавку за папиросами.

— В лавку за папиросами? — удивленно переспросил он. — Да вы же арестованная!

— Ну, что ж, — непонимающе передернула она плечами. — Я же не бегу. Мне просто хочется покурить. Разве это преступление?

— Идите вперед, — резко сказал он. — Я не маленький, чтобы надо мной смеяться.

Они возвращались через парадный подъезд. Их с удивлением рассматривали служители, швейцар и офицер, который спускался по лестнице.

Ксения шла, слегка улыбаясь, и никому не могло притти в голову, что несколько минут тому назад рухнул один из планов ее побега.

В двери снова щелкнул замок.

Слышно было, как в коридоре на кого-то громко кричали, взад и вперед бегали люди.

Кто-то звонко приказал: «Позвоните генералу Петренко!»

Ксения чувствовала огромный упадок сил. Теперь надо было придумывать что-то новое.

В коридоре послышались шаги.

— Пожалуйте на допрос, — остановился в дверях начальник караула.

«Надо оттянуть решение», думала Ксения, подходя к комнате следователя.

За столом сидели офицеры, лампа в синем абажуре затемняла их лица.

Ксения подошла к столу и, не дожидаясь приглашения, присела; ее видно было со всех сторон.

— Имя, отчество, фамилия? — привычно задал вопрос офицер с усиками, подстриженными по-английски, и с орденом на груди.

Ксения чувствовала на себе любопытные взгляды и спокойно разглядывала офицеров.

— Вы, кажется, дочь сенатора Карташевского? — слегка картавя, спросил следователь.

Ксения молча кивнула головой.

— И жена известного анархиста Александра Ге?

— Да, — ответила она, пристально глядя ему в глаза, — Александра Ге, которого вы вчера без суда зарубили в степи.

Следователь опустил глаза, точно не слышал ответа.

— Вы коммунистка? — в упор поставил он вопрос.

— Да, коммунистка.

— Давно?

— С семнадцатого года.

— Я не пойму, — слегка насмешливо поморщился следователь. — Дочь сенатора Карташевского, получившая блестящее светское образование, знающая несколько языков и музыку, связалась с людьми, которые разрушают все устои, губят родину! — повышал он голос. — Как вам не стыдно пачкать имя отца?

Ксения почувствовала, как кровь прилила к ее щекам.

— А мне стыдно за вас, — с трудом сдерживаясь, перебила она его. — Человек интеллигентный, а занимаетесь жандармскими обязанностями.

— Это уж слишком, — подскочил на стуле следователь. — Вы забываетесь!

Он сердито поправлял соскочившее с носа пенсне.

— Когда ваш муж уехал за границу? — вдруг переменил он тон и предупредительно предложил папиросу.

— Он эмигрировал туда еще задолго до войны. В России он играл большую роль в студенческих кружках до тех пор, пока ему не пришлось скрыться.

— Это верно, что вы прятали в доме вашего отца нелегальную литературу, когда еще были гимназисткой? — задал вопрос пожилой военный, сидящий рядом со следователем.

Ксения удивленно посмотрела на него.

— Я петербуржец, — пояснил он, — и когда-то знакомился с вашим делом. — Вы, кажется, бежали из дому в Швейцарию к Александру Ге?

— Да, — сказала она, — повидимому, вы и тогда работали в этой самой области.

— На что вы там жили? — спросил следователь. — Ваш отец помогал вам?

Она, улыбаясь, передернула плечами. Зачем она рассказывала этим людям об Александре? Нужно ли это? И сразу решила: «Конечно, нужно. Пусть все знают о нем».

— Стирала, шила, ходила на поденщину, — продолжала она. — Ге занимался всяким ремеслом: был переплетчиком, плотником, даже письмоносцем. Он работал там вместе с большевиками: сколько брошюр и листовок проходило через его руки! Я думаю, что при обысках вы находили литературу, которую мы отсылали в Россию.

— Мне жалко вас, — вздохнул следователь. — Такая красивая женщина и загубила свою молодость.

— Видимо, у нас разные вкусы, — засмеялась Ксения.

— Вы напрасно смеетесь, — прервал ее следователь. — Вам предъявлены очень тяжелые обвинения. Вы были членом ЧК. Не думайте, что у нас нет сведений. При первом наступлении генерала Шкуро вы мобилизовали на фронт всех женщин. Значит, вы играли не последнюю роль?

— Это еще ни о чем не говорит. Как вы не понимаете, что мобилизовать всех женщин нельзя. Они пошли сами, потому что не хотели допустить вас сюда. А вы уверены в том, что народ сидел и с радостью ожидал вашего прихода?

— А что вы скажете о драгоценностях, которые при обыске вы присваивали себе?

— Драгоценности? — громко засмеялась Ксения. — Почему же вы их не нашли при обыске?

Следователь долго молчал и нервно стучал по столу пальцами.

— Вы напрасно шутите, — наконец сказал он. — Или вы не понимаете своего положения? Вас могут расстрелять, если вы не одумаетесь. Надо прямо отвечать на поставленные вопросы.

— Я думаю, что вам нет смысла меня расстреливать, — медленно ответила Ксения. — Может быть, я смогу вам пригодиться?

Следователь с довольным видом откинулся в кресле.

— Ну, вот это совсем другой разговор, — улыбнулся он. — Вы можете себя спасти только одним.

Он оперся грудью о стол и слегка понизил голос:

— В ЧК были привлечены некоторые бывшие офицеры. У вас работал кое-кто из здешних жителей. Я гарантирую вам жизнь, если вы назовете их имена.

Ей хотелось вскочить и звонко ударить улыбающееся, наглое лицо. Нет, она их проучит иначе.

— У меня очень плохая память, — медленно сказала она.

— Постарайтесь, ради вашего ребенка, — убеждал он. — Кто чаще всего к вам заходил? Вы не бойтесь, это останется между нами.

Она сосредоточенно сдвинула брови и, казалось, что-то вспоминала.

— Ах да, — точно что-то припомнив, поднялась она со стула и поймала на себе радостные, торжествующие взгляды. — Чаще всего был один. Такой маленький, жалкий. Генерал Петренко.

— Это уже издевательство! — в бешенстве крикнул следователь и, вскочив со стула, уронил его на пол.

— Вы думаете, что это вам пройдет даром? Увести! — кивнул головой он страже.

За окном стояла ночь. Ксения испуганно прислушивалась. Кажется, где-то далеко закричал ребенок. Может быть, ему хуже? Может быть, он зовет ее?

*

Она присела на кровать, опустила голову на руки и так без движения просидела до утра.

Вечером ее снова вызвали на допрос.

В комнате следователя было много народу. Чувствовалась напряженная обстановка. Ксению предупредительно пропустили вперед, предложили стул, и во всей этой вежливости и некоторой суетливости она почувствовала что-то недоброе.

— Вы ничего не можете добавить к тому, что говорили? — спросил ее пожилой полковник.

Она молча покачала головой.

В комнате наступило молчание. Ксения видела, как полковник перебирал пачку бумаг, потом долго откашливался, и, когда он начал читать, она поняла, что это уже приговор.

Монотонный голос напоминал жужжание шмеля.

«Какая тоска, куда бы уйти от самой себя? Как сломить сердце, которое хотело биться и жить?»

В каждой новой фразе Ксения ожидала слово «смерть», но когда оно действительно было произнесено, она почувствовала, как что-то крепко, до боли сжало ее сердце.

Но Ксения быстро овладела собой: кругом были любопытные взгляды.

— Это все? — спокойно спросила она.

— Да, все, — растерянно ответил полковник и шумно вздохнул.

— Я могу итти? — снова спросила она, слегка улыбнулась и направилась к двери.

У двери своего номера она обернулась к начальнику караула.

— Я хочу видеть дочь, — медленно сказала она. — Захватите карандаш и бумагу.

Он принес ребенка, положил его на кровать и снова вышел. Слышно было, как с другой стороны двери кто-то стукнул прикладом.

Ксения осторожно развернула девочку и долго смотрела на маленькое пухлое тельце, на круглый подбородок с ямочками. Ребенок зашевелился, потянулся и, открыв глаза, улыбнулся, показывая красный беззубый ротик.

Ксения нагнулась к нему, с жадностью вдыхала детский знакомый запах и поспешно стала целовать мягкую, нежную кожицу, слегка вздувшийся животик и маленькие влажные ладони.

Ее душили слезы. Торопливо вытирая их, она поспешно говорила бессмысленные ласковые слова, прижимая ребенка к груди и чуть убаюкивая знакомым мотивом. Девочка засопела, зачмокала губами и, почувствовав около себя тепло, быстро заснула.

Ксения долго сидела, боясь пошевельнуться, и прислушивалась к ровному, спокойному дыханию.

Потом она встала и подошла к столу.

Захотелось, чтобы подошел кто-нибудь близкий и родной и положил свою ладонь на ее тяжелую, раскаленную голову.

Захотелось услышать что-то особенно ласковое, от чего бы перестало так болеть и биться сердце.

Взяла карандаш и начала писать письмо. Она не знала, кому именно, но хотелось думать, что оно попадет в нужные руки.

«Товарищи, если кто-нибудь из вас будет в Москве, передайте партии, как умерла за нее Ксения Ге».

Затем она подумала о ребенке. Бедная девочка! Что с ней будет без нее? Маленькая, крошечная Виточка.

Вспомнила слова Вари: «Как свою дочку, беречь буду».

Она писала ей, просила заботиться о девочке, благодарила за все. Варя не останется одна, когда придут наши.

Надо было написать и ребенку. Так нельзя было уходить, не оставив ему ни слова.

Она несколько раз начинала писать, но ей казалось, что на бумаге получается не то, что хотелось сказать громко, так, чтобы услышали все. Она рвала то, что писала, и начинала снова.

«Моя детка, моя Виточка, — торопливо бежали по бумаге мелкие, четкие буквы. — Оставляю тебе мои волосы, храни. Люби папу и маму, папу сильнее. Лучше и чище человека не было на свете. Носи всегда только имя «Виктория Александровна Ге». Папа умер восьмого, а мама одиннадцатого января. Прощай, моя любимая, моя родная, моя девочка, моя единственная, мое все. Твоя мама».

Усилием воли сдержала слезы. Когда успокоилась, завернула в письмо прядь волос и приписала сбоку:

«Я счастлива, что умираю за советскую власть».

К двери кто-то торопливо подходил. Она поспешно набросила платок на письмо.

Может быть, уже за ней. До боли забилось сердце.

Тяжело стуча сапогами, с охапкой дров вошел истопник. В дверях остановился часовой.

Ксения облегченно вздохнула и снова подошла к ребенку.

Истопник долго возился у печки, громыхая дровами.

— Спички отсырели. Ну, никак не разожгу, — вдруг сказал он и обернулся к Ксении. — Бросьте-ка мне коробочку.

И тут только Ксения узнала в нем жениха Вари.

Не вставая с места, она бросила ему спички, стараясь поймать взгляд сидящего на корточках человека, но он снова отвернулся к печке.

Дрова разгорелись, мужчина встал и быстро, пристально взглянув на Ксению, вышел из комнаты. Часовой прихлопнул дверь.

«Ведь он с какой-то целью пришел», мелькнуло у нее в голове.

Приглушая шаги, Ксения быстро подбежала к печке и пошарила руками по полу. Ладонь наткнулась на спичечную коробку.

Ксения подняла ее, машинально открыла и увидела тщательно сложенный листок бумаги.

Она осторожно оглянулась в сторону двери и быстро развернула бумагу.

«В два часа ночи через окно, что выходит на пустырь, спуститесь вниз, там я вас буду ждать».

Она с трудом перевела дыхание, еще раз перечла записку и, открыв дверцу печки, бросила бумагу в огонь.

★

На рассвете гостиницу всполошили крики караульного начальника. Он зашел в комнату Ге и увидел, что там никого не было. Только на кровати спокойно спал ребенок.

Начальник бросился к окну. В одной раме было осторожно выдавлено стекло. За окном, зацепившись за карниз, спускался толстый шнур из разорванных простынь.

Он растерянно оглядел комнату. На полу валялись мелкие клочки писчей бумаги, на столе какие-то письма.

Не было сомнения в том, что Ксения Ге бежала, спустившись через окно.

★

Ксения Ге как в воду канула.

В одном белье генерал Петренко бегал по коридору и громко ругался.

В Пятигорск полетели телефонограммы. На паровозе примчался начальник контрразведки полковник Рязанов и, дрожа от бешенства, кричал на подчиненных.

— Найти! — Он пересыпал слова площадной руганью. — Всех отдам под суд, перестреляю!

Он обещал пятьдесят тысяч тому, кто укажет, где находится Ксения Ге.

А с утра в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, в ближайших станицах вывешивали экстренно выпущенные листовки с большим женским портретом, около которого толстыми жирными цифрами выделялась обещанная награда.

С листа смотрело тонкое, красивое женское лицо с огромными, широко раскрытыми смеющимися глазами.

Люди останавливались около листовок и потихоньку передавали друг другу невероятные подробности побега.

Несмотря на все усилия и обещанную награду контрразведка за весь день не получила никаких сведений о том, куда скрылась бежавшая Ксения Ге.

До темноты Ксения пролежала в сарае, на окраине города, зарывшись в сено.

Она решила ночью пробраться в Ессентуки к доктору Слуцкому. Может быть, он поможет? Когда они приехали с Александром в Кисловодск, доктора случайно арестовали. Тогда они помогли ему. Его быстро освободили. А потом он часто стал заходить к ним.

Ведь он всегда так хорошо говорил о большевиках. Она попросит его достать подводу и переберется в Закавказье. Ведь другого выхода не было. Друзья были далеко. Кто еще захочет помочь ей в таком положении?

Когда стемнело, она надела папаху, накинула на плечи бурку, которую ей оставил жених Вари, и вышла из сарая. Кругом было тихо, только отдаленно заливчато лаяли собаки.

«Дорогой нельзя итти. Надо степью, — решила она. — А то еще встретишь кого-нибудь».

Сзади скрылись городские огни. Ночь была темная, низко над землей нависли свинцовые тучи.

Она зорко вглядывалась вперед. Каждый куст заставлял настораживаться, казалось, что за каждым холмом спряталась засада.

Пошел мелкий холодный дождь. Итти стало труднее, ноги скользили в липкой, густой грязи.

Ночь бесконечно тянулась, степь пропадала в ее темноте и только иногда зажигалась отдаленными маленькими, слабо мерцающими огнями.

Так же ночью по степи в последний раз шел Александр, спотыкаясь и падая в холодный снег.

Он не мог не знать, куда его ведут. Может быть, он звал ее, дочь, одинокий, в смертельной тоске. Кто первый замахнулся на него? Кто ударил шашкой по высокому прекрасному лбу? Кто услышал стон и последний тяжелый вздох?

Ксения почувствовала страшную слабость и зашаталась.

Одежда намокла, прилипла к телу, вызывая непрерывную дрожь.

Она немного отдохнула и пошла дальше.

Через несколько часов впереди показались огни.

«Ессентуки! — радостно подумала Ксения.— Теперь уже близко. Надо немного передохнуть, доктор достанет подводу, и дня через два меня уже не смогут догнать».

Город спал, на улицах никого не было, гулко раздавались шаги. Ксения внимательно осматривала дома. Около одного она остановилась и, немного постояв, дернула за ручку звонка. Где-то отдаленно зазвучал колокольчик, потом послышались настороженные шаги.

— Кто там? — спросил знакомый голос.

— Откройте, доктор. Это я, Ксения Ге, — тихо сказала она.

У порога, со свечой в руках, растерянно стоял доктор и расширенными глазами смотрел на женщину.

— Это вы? — точно не веря своим глазам, удивленно спросил он и посторонился, чтобы дать дорогу.

— Можете вы меня пустить к себе на несколько часов и достать подводу в горы?

Доктор смотрел испуганно.

— Но если вы боитесь, то не надо. Я бежала из-под ареста, и в таком положении трудно узнавать друзей.

— Что вы, Ксения Михайловна, — поспешно сказал доктор. — Я всегда рад вас видеть. Входите, пожалуйста.

Она очутилась в большой гостиной, с высоким до потолка трюмо и мягкой мебелью в серых чехлах. На круглых столах с плюшевыми скатертями были разбросаны журналы, повидимому, для пациентов; пахло медикаментами и кухней.

— За честь сочту, — поспешно суетился доктор. — Слышал и о товарище Ге. Какой ужас!

Ксения еле держалась на ногах.

— Садитесь, закусывайте, — поспешно говорил доктор, внося самовар. — Чай еще горячий. Вам надо отдохнуть. А я постараюсь достать подводу. Вы ведь знаете — вас усиленно разыскивают. Я очень счастлив, что вы попали ко мне.

— Что это? — удивленно спросила Ксения, перебирая газеты, переложенные доктором на другой стол.

— Это...— слегка замялся доктор. — А вы разве листовку не видали?

Она долго разглядывала портрет, черную жирную цифру и с усмешкой читала о своем бегстве.

— Я не знала, что у меня такая дорогая голова, — засмеялась она. — Пятьдесят тысяч тому, кто откроет местопребывание. Я думаю, немало найдется охотников?

— Что вы! — поспешно сказал доктор. — Они сожгут руки тому, кто их возьмет. Хотя, конечно, разные бывают люди на свете. Но вы не беспокойтесь. Солнце еще не успеет взойти, как вы будете далеко отсюда... Тут у меня знакомый есть, — довольно потирал он руки, — в один момент подводу достанем. А вы ложитесь, вот вам плед. Отдыхайте. Деньги-то у вас есть? Это ведь очень дорогое удовольствие. Надо будет сейчас же уплатить.

— Есть,— успокоила Ксения. — Не торгуйтесь. Давайте, сколько спросят. Прибавьте за скорость, — передала она доктору крупную пачку кредиток.

Внизу тихо хлопнула дверь. Ксения встала и прилегла на диван.

«Какой странный сегодня доктор! У него были такие испуганные глаза. И как она раньше не замечала, что у него маленький лоб, как у обезьяны, и волосатые пальцы».

Ей показалось, что они дрожали, когда она передавала ему деньги. Она вспомнила, как помогла доктору спасти его умирающего сына. С ее помощью он достал нужное лекарство. Разве он может забыть об этом?

Она напряженно ждала. Ведь другого выхода не было.

На стене мерно тикали часы. Немного погодя пробило двенадцать. Ксения дремала. Иногда она открывала глаза и встревоженно прислушивалась. И оттого, что весь день там, в сарае, она много думала о ребенке, он пришел к ней во сне.

— Не плачь, — успокаивала она его. — Мама не бросила тебя. Она придет за тобой.

Точно от какого-то толчка Ксения тревожно приподняла голову. С улицы доносился какой-то странный, непонятный шум. В дверях парадного осторожно повернули ключ.

И вдруг и передняя и коридор заполнились поспешным топотом ног.

Ксения вскочила.

На пороге стояли солдаты с ружьями наперевес.

— Руки вверх! — крикнул офицер, размахивая револьвером и вбегая в комнату.

За ним на мгновенье показалось лицо доктора и снова скрылось.

Высокий, стройный корнет подбежал к ней.

— Ну что ж, мне надо собираться в путь? — спокойно спросила она.

*

Они ехали на паровозе. Ксения стояла впереди, ветер обвевал горячие щеки, приятно холодил голову.

— Я еду с экстренным поездом, — шутила она, оборачиваясь к корнету Кочиони. — Мне никогда еще не приходилось ездить так торжественно. Какой огромный почетный караул!

Теперь она думала о том, как бы выдержать до конца. Надо показать, как умеют умирать большевики.

И в ее комнате и за дверью стоял караул.

Ей казалось, что никогда в жизни еще не было такого прекрасного утра. Тучи разошлись, и южное солнце яркими лучами играло на хвойной ветке, заглядывающей в окно.

Около восьми часов за ней зашел корнет Кочиони.

Приложив ладонь к козырьку, он взволнованно спросил:

— Прикажете прислать священника?

— Для чего еще? — смеясь, ответила она. — Я готова.

— Может быть, хотите попрощаться с ребенком?

Это было ее самым горячим желанием. Она все время думала об этом. Хотелось в последний раз прижаться к нежной кожице, сказать Виточке что-то очень нужное и важное... Но здесь?.. В присутствии этих людей? Чтобы они видели, с какой лаской она будет целовать маленькое, беспомощное тельце? И тогда она может сорваться.

— Нет, не надо, — твердо сказала она. — Я уже попрощалась, дайте мне папиросу.

Корнет торопливо порылся в кармане и, вытащив портсигар, дал прикурить. Она медленно раскурила папиросу и вышла из комнаты.

Они вышли на улицу. Свежий, душистый воздух ударил в лицо.

— Республика погибла, разбойники торжествуют! — громко сказала Ксения.

— Что вы? — не поняв ее, спросил корнет.

— Это слова вождя французской революции — Робеспьера. Нехорошо, корнет, не знать истории. Я вам очень рекомендую изучить ее.

Улицы были оживлены. Небольшими группами и в одиночку торопились люди к солнечным ваннам.

Ксения медленно поднималась в гору. В витрине одного из магазинов были выставлены цветы.

Она остановилась.

— Достаньте мне вон тот, маленький красный цветок, — попросила она корнета и, когда он вернулся назад, приколола цветок к своей груди.

— Как я люблю цветы, — улыбнулась она. — Цветы и дети — от них как-то теплее становится в жизни.

Он с изумлением посмотрел на нее.

— Вот и место казни, — снова сказала она. — Как хорошо кругом. Горы совсем синие. И сколько народу... Вам не хотелось бы сейчас проехаться верхом? Так быстро, чтобы дух захватило.

Корнет снова ничего не ответил.

★

Вокруг белой виселицы из свеже выструганных столбов толпился народ.

Ксению поставили на высокий помост. К ней подошел начальник пункта и приколол к груди большой белый лист с крупными темными буквами.

Она читала с удивлением:

«Ксения Ге повешена за то, что была коммунисткой!»

Кругом молча сгрудились офицеры. Казалось, что женщина спокойно, как в театре, разглядывает собравшуюся около нее толпу.

Ксения заметила, как стражник забросил конец веревки через перекладину.

Значит, приговора не будут читать. А она думала, что у нее есть еще несколько минут, в которые она сможет многое обдумать...

Она огляделась кругом.

Хотелось на всю жизнь запомнить эти синие горы, голубое безоблачное небо, уходящий вдаль бесконечный простор, без конца полной грудью вдыхать свежий, ласкающий воздух.

«На всю жизнь? — вдруг про себя усмехнулась она. — Ведь ее осталось только лишь на несколько минут. А потом жизнь пойдет обычным путем, так же будут любить и ненавидеть люди, бороться и страдать... Так же каждое утро будет всходить солнце и в тихие вечера прятаться за темнеющие горы, а ее, Ксении Ге, уже не будет в живых». «Солнце еще не успеет взойти, как вы будете уже далеко отсюда», вспомнила она слова доктора.

Кругом стояла тишина. Сотни глаз были устремлены к белой виселице; казалось, никто не дышал.

— Пожалуйста! — разбил тишину резкий голос начальника пункта.

Ксения вспомнила Александра, каким видела его в последний раз живым, мысленно улыбнулась ребенку.

Потом подошла к петле, взяла ее в руки и, закинув над головой, громко и отчетливо сказала:

— Я умираю за ту великую идею, которую когда-нибудь поймете и вы!

Каждое слово далеко разносилось в застывшей тишине.

— Не разговаривать! — истерически закричал начальник пункта.

Ксения резко откинула назад голову.

— Я не разговариваю, — отчетливо сказала она, — я только умираю за ту великую идею, которую когда-нибудь поймете и вы! — еще медленнее и тверже повторила она.

Стражник бросился к ней, но Ксения оттолкнула его и сама надела петлю на шею.

Резкий удар выбил скамью из-под ее ног.

★

Три дня налетавший ветер на горе качал обезображенное женское тело.

На четвертую ночь рабочие, подпоив охрану, выкрали холодный труп.

Где похоронили Ксению Ге — контрразведка ни от кого не могла узнать.

Т. РЕЗАКОВА

В ГОРАХ КАВКАЗА

С начала четырнадцатого года, кончив во Владикавказе гимназию, я начала работать в редакции местной либеральной газеты «Терек». Там я познакомилась с Сергеем Мироновичем Кировым и его женой Марией Львовной.

Когда я пришла в редакцию, Киров сидел за столом, на котором лежал огромный ворох газет. Встретил он меня очень приветливо и, повидимому, был доволен, что нашел в моем лице себе помощника. Сергей Миронович был на хроникерской работе, писал рецензии. Человеком был он всесторонне развитым и мог вести в газете целый ряд отделов. Когда заболевал тот или иной сотрудник, он заменял его. Встречалась я с Кировым сначала в редакции «Терека», а позже и в домашней обстановке. Я всегда с гордостью вспоминаю период совместной работы с Сергеем Мироновичем. Мое стремление отдать свои силы обществу, проявившееся еще во время работы в ученическом литературном кружке, я вскоре практически осуществила под руководством Кирова.

В конце шестнадцатого или в начале семнадцатого года к нам во Владикавказ приехал какой-то профессор, прочитавший лекцию на тему: «Почему многоплеменные народности России имеют право

быть недовольными своим бесправным положением». Лекция была по тем временам довольно смелая. На другой день Киров долго делился с нами своими впечатлениями о лекции и написал о ней в газету яркую рецензию.

Сергей Миронович был удивительно скромен и даже несколько застенчив с окружающими, но во время бесед всегда поражал своей блестящей находчивостью и искрами светлого, яркого юмора.

Киров любил красивую, волнующую музыку. Как-то он написал рецензию на «Кармен», в которой подчеркнул, что, когда многие оперы устареют, «Кармен» еще долго будет волновать свежестью красок и своим реализмом.

Он был исключительно чуток к сослуживцам. Заболела я как-то бронхитом, не было возможности сообщить о себе. Киров прислал курьера с запиской, в которой справлялся, чем я больна, не нужно ли мне чего-нибудь. Если случалось остаться мне без помощника, Киров всегда подойдет и поможет. (Работали мы все в одной редакционной комнате.)

Он очень любил горный туризм. В десятом и двенадцатом годах он был на Казбеке и Эльбрусе.

В годы империалистической войны бывали дни, когда Киров напоминал скованного горного орла. Он чувствовал нарастание революции, он рвался к большому революционному делу.

У Сергея Мироновича была поразительная черта, которая врезалась мне в память на всю жизнь. После душной обстановки в гимназии, где вся атмосфера давила свободную мысль, я вдруг встретила в лице Сергея Мироновича человека, который как-то совершенно незаметно давал возможность развиваться моей инициативе, энергии, самодеятельности. Часто наводящим вопросом он старался дать толчок к непосредственной творческой работе.

Сергей Миронович был большой конспиратор, и трудно было в те годы распознать, что он старый революционер. Можно было только догадываться. Сергей Миронович был необыкновенно дисциплинирован. Мы, близко соприкасавшиеся с ним, не подозревали, что этот скромный сотрудник редакции, не переставая, ведет огромную подпольную партийную работу.

В пятнадцатом году, когда к нам во Владикавказ приехал Николай II, сотрудница газеты — корректор, — которая работала вместе со мной, решила посмотреть царя и стала просить Сергея Мироновича отпустить ее. Сергей Миронович сказал, что, дескать, срывать работу ни в коем случае нельзя, и острил по поводу такого «рьяного» желания сотрудницы. Она расплакалась и все-таки ушла.

Царь проезжал мимо нашей редакции медленно на машине. Мы, работники редакции, и рабочие типографии выбежали в подъезд посмотреть на царя. Сергей Миронович в этот момент, находясь у громадного окна ротационного отделения, заложил руки в карманы и спокойно смотрел в окно. Потом он, смеясь, рассказывал мне:

— Я смотрю в окно на царя, а он на меня смотрит. Я сделал каменное лицо и выдержал его взгляд. Царь пристально посмотрел на меня и проехал мимо.

После Февральской революции как корреспондент газеты я бывала на всех собраниях, которые происходили в городе. Мне приходилось посещать собрания объединенной социал-демократической организации, эсеров, кадетов и пр. Об эсеровских и кадетских собраниях я всегда информировала Сергея Мироновича. Он очень интересовался ими и в результате моих сообщений организовывал специальные собрания, на которых проваливались эсеровские начинания. Ему удалось разбить эсеровское влияние среди печатников.

Киров рассказывал в редакции, как ему приходилось ездить в горные аулы. Всегда с болью он говорил о нищете и земельном голоде среди горцев. Сергей Миронович широко развернул в газете экономический отдел, где уделял большое внимание аграрному вопросу среди кавказских народностей.

После разгрома белогвардейцами городского совета Сергей Миронович седьмого января восемнадцатого года уехал в Пятигорск и вернулся оттуда уже весной вместе с делегатами второго съезда народов Терека. В это время он был руководителем большевиков и организатором советской власти на Тереке.

Период гражданской войны закалил в нас волю и усилил бдительность в отношении окружающих. В той чрезвычайно напряженной обстановке, какая была на Кавказе, нам приходилось быть особенно настороже, ибо контрреволюционные элементы не останавливались перед прямой провокацией против советской власти.

После того как Киров и другие партийные работники уехали из Владикавказа в Моздок, а затем в Пятигорск для подготовки и организации советской власти, нам, части членов партийной организации, пришлось работать в подпольных условиях. Собирались мы на заседания городского комитета у члена комитета, рабочего, товарища Никитина, жившего с большой семьей на Воронцовской улице в подвальном помещении. Никитин был небольшого роста, худой, жизнерадостный, очень энергичный и привлекал своей скромностью и чуткостью. В числе партийных работников на заседаниях бывал и товарищ Серобабов, который еще до революции был связан революционной работой с Кировым.

Серобабов был железнодорожный рабочий, ходил всегда в кожаной куртке. У него были русые волосы, открытое, прямое лицо.

Положение в городе было очень тяжелым. Власть находилась в руках контрреволюционного так называемого терско-дагестанского правительства, не пользовавшегося авторитетом у широких масс. Вечером жутко было ходить по улицам. На Александровском проспекте раздавались выстрелы кутивших в подвальных кафе осетинских офицеров, которые терроризировали весь город.

До осени семнадцатого года социал-демократическая партийная организация во Владикавказе была объединенной. В конце концов

нам удалось завоевать большинство организации, и у меньшевиков осталось только человек восемь интеллигентов.

В октябре семнадцатого года я вступила в партию и с этого момента всецело ушла в партийную жизнь. Я бывала на всех собраниях, совещаниях, конференциях, съездах. Партийные собрания были тогда для меня теоретической школой.

Сергей Миронович обратил особое внимание на выдающегося руководителя чеченской бедноты Асланбека Шерипова. Он любовался яркими выступлениями в Терском народном совете этого пламенного чеченского революционера. Сергей Миронович часто говорил о том, что он очень ценит Шерипова. И действительно, Асланбек Шерипов производил неизгладимое впечатление своей революционной принципиальностью и ненавистью ко всем контрреволюционным элементам, провоцировавшим национальную вражду трудящихся Терека.

Сергей Миронович относился с большим уважением к Якову Львовичу Маркусу, который являлся членом Терского народного совета и народным комиссаром просвещения. В годы империалистической войны, будучи студентом-экономистом, Яков Львович иногда нелегально приезжал во Владикавказ, посещал редакцию «Терека» и бывал у Сергея Мироновича. Он имел ученый вид, всегда с книгами подмышкой. Мягкий и чуткий, Яков Львович скоро завоевал доверие трудовой интеллигенции. Помню его боевое выступление на собрании учителей, где Маркус сумел создать актив и привлечь его к широкой творческой работе. Впоследствии, в момент наступления Деникина, он сумел сплотить учителей для обороны города.

В апреле восемнадцатого года Сергей Миронович уехал в Москву к Ленину за помощью. После его отъезда нами руководил председатель Терского совнаркома товарищ Ной Буачидзе.

★

В жаркий июльский день я встретилась с Маркусом. Он рассказал о своей встрече с чрезвычайным комиссаром юга России товарищем Орджоникидзе, только что приехавшим во Владикавказ.

Более всего Яков Львович был потрясен железной волей этого человека. Приехав к нам, Серго Орджоникидзе стал действовать по-большевистски. Он твердо поставил вопрос о необходимости изменения политического курса.

Я часто встречала Серго на партийных собраниях, у отдельных товарищей, в доме краевого комитета. В беседах с товарищами он был очень оживлен, но в первые дни, когда приехал, вспоминал с большой грустью о смерти Буачидзе, незадолго до его приезда предательски убитого. Любил вспоминать детские годы, которые он проводил вместе с ним. Они вместе учились, и Серго об этом времени вспоминал с большой теплотой.

Часто мне приходилось слышать Орджоникидзе. Очень хорошо его помню на четвертом и пятом съездах народов Терской области.

К рядовым партийцам он относился чрезвычайно тепло и чутко. Я в то время работала (это было осенью восемнадцатого года) в газете «Горская беднота». В тот вечер Серго много рассказывал о своей эмигрантской жизни, о Пражской конференции, о встречах с Лениным. С какой-то особой задушевностью вспоминал период подготовки Пражской конференции.

Во время августовских боев, рано утром, прибегает взволнованная хозяйка и говорит:

— Знаете, город занят белыми.

Это было неожиданностью для меня. Только что накануне я была на открывшемся четвертом съезде и поздно вернулась. Я вышла на улицу. Как раз наша улица — Офицерская — стала в то время фронтовой полосой. Она была занята красноармейцами. По соседству, на улице Толстого, цепью залегли казаки. Семь дней тянулся бой. Я все же решила отправиться в центр — связаться с товарищами. Когда я очутилась недалеко от штаба, на Александровском проспекте, мне стало известно, что в штабе находятся белогвардейцы. Моей целью было пробиться к товарищам. Я помчалась по Александровскому проспекту. Из штаба раздавалась пальба белогвардейцев, несмотря на то что на улицах было очень много публики.

Очутившись на квартире Кирова, у Марии Львовны, я застала ее дома с сестрой — врачом. Мария Львовна мне сказала:

— Вы знаете, Тамара, сейчас у меня будет обыск. Меня предупредили.

Прошло несколько минут, и к нам ворвалась целая ватага офицеров и студентов. Внешне они вели себя как будто бы вежливо, но после мы недосчитались многих вещей.

Рылись они тщательно, хотя все время извинялись перед нами. Особенно усердно проверяли комнату Марии Львовны — разыскивали ее брата, народного комиссара просвещения Якова Львовича Маркуса, настойчиво расспрашивали, где он. Расположение квартиры Кирова, помещавшейся во втором этаже, было такое: в первой комнате находился кабинет Сергея Мироновича, а в следующей комнате была спальня и столовая. Перед кабинетом расположена небольшая передняя, в которой Мария Львовна хранила очень много профсоюзной литературы. После тщательного и безрезультатного обыска белогвардейцы, выйдя в переднюю, залихватски заявили Марии Львовне:

— А эту литературу вы можете убрать. Она вам больше все равно не понадобится.

И стали спускаться по лестнице.

У Марии Львовны настроение было очень подавленное, так как не было никаких вестей от Сергея Мироновича.

Я осталась у нее. Бой в городе продолжался, дрались за каждый уголок, за каждый дом. Белым удалось захватить членов партийного комитета Никитина и Серобабова. Они расстреляли их. Оставаться в квартире было невозможно, потому что рвущиеся снаряды сотрясали здания. Пришлось перейти в подвал. Наконец

мы решили подняться обратно. Поднявшись, мы увидели из окна балкона пылающие дома на Александровском проспекте. Шли самые решающие бои. К счастью, Орджоникидзе привел ингушей и вместе с рабочими Курской и Молоканской слободок вытеснил, наконец, белых из города. После августовских боев еще два месяца ушло на борьбу с Бичераховым. Только к концу ноября Терская область была очищена от контрреволюционеров.

★

Мне часто приходилось бывать в здании Терского народного совета. Иногда я и другие товарищи присутствовали на заседаниях совета. Я была тогда корреспондентом газет «Горская беднота», «Трудовой казак» и целого ряда других.

В феврале девятнадцатого года, когда к Пятигорску стал приближаться Деникин, значительное количество учреждений было уже эвакуировано во Владикавказ. Там тоже чувствовалась опасность, но тогда еще казалось, что Владикавказ мы все-таки сумеем отстоять. Я и невеста Маркуса Нина Андреевна решили уйти на фронт. Мы узнали, что деникинцы движутся по направлению к станции Даргкох.

Отправились в городской совет и получили там необходимое обмундирование: красноармейские серые шапки с наушниками, мужскую теплую одежду, теплое белье. Особенно ободряюще на нас действовал Маркус, всячески приветствовавший наши начинания.

Я пришла домой к своим, распрощалась с ними и снарядилась в путь. Собрали все свои узелочки и пошли на вокзал. На станции мы увидели груды всякого обмундирования.

Штаб во главе с Серго в это время находился в Беслане, куда должен был двигаться и наш поезд. Ждали распоряжения штаба. Второго февраля неожиданно приезжает взволнованный Бутырин — председатель совнаркома Терской республики — и говорит, что положение на фронте критическое, штаб приходится перевести из Беслана в Базоркино и нужно подумать, как организовать эвакуацию города и, в частности, как переправить семьи. Советует нам присоединиться к ним. Он приехал из штаба, из Беслана, куда приближались белые.

Войска генерала Деникина в это время находились в Даргкохе. Им удалось прорваться через мост под Даргкохом. Они ринулись вперед к Владикавказу.

Единственная возможность для нас была ехать через Базоркино в плоскостную Ингушетию.

Эвакуация была спешной. Бутырин усадил нас в машину, на которой приехал сам. На колени ко мне сел сынишка Бутырина Витя, рядом поместилась Нина Андреевна. Пришел прощаться с нами Маркус.

— Мы остаемся здесь, и если придется эвакуироваться, то двинемся по Военно-грузинской дороге, — говорил он. Это был мой

последний разговор с ним. Во время отступления по пути в Тифлис он погиб вместе с редактором газеты «Терская правда» Ильиным.

Остановились мы в ингушском селении Назрань. Несколько дней не знали, что делается на фронте. Однажды вечером пришел хозяин сакли и сказал, что нам нужно двигаться в горную Ингушетию, так как плоскость накануне занятия деникинцами. Это было как раз в день приезда к нам Бутырина. Мы должны были выехать ночью. Бутырин очень заботился о нашей экспедиции. Он приехал к нам вечером.

Ингуши кормили нас лепешками на бараньем сале и бараньими супами. Перед отступлением из Владикавказа, когда началась эпидемия тифа, я все время боялась заболеть. Иногда мне казалось, что я уже больна. Как-то я съела лепешку и после этого почувствовала себя очень плохо. Решила пить только чай. Когда мы садились на арбы, чтобы ехать в сторону селения Сурхохи, я была уже по-настоящему больна.

Бутырин успокаивал нас и предупредил, что мы остановимся в селении Галашки, где у него был знакомый ингуш Ини. Этот Ини был вместе с ним на фронте, у него мы и должны были жить. Он был предан советской власти.

Выехали мы ночью на двух арбах. Бутырин должен был двинуться другим путем.

В Галашках нас встретили очень приветливо. Я была в полубессознательном состоянии. Ночью раздался стук в дверь, вошел Бутырин. Он сказал, что его около дороги ждет группа товарищей. Когда он прощался со мной, я ему сказала:

— Яков Петрович, мы никогда с вами уже не увидимся. У меня, наверное, тиф, и я не выдержу.

Яков Петрович ободрил меня:

— Мы еще поживем. Вы выздоровеете, не надо отчаиваться.

Состояние у меня было очень тяжелое. Единственным медицинским предметом у нас был термометр. Температура у меня была 39 градусов.

Мне очень хотелось уехать на плоскость, так как я знала, что там есть больница. Очень тяготило, что я, больная, стесняю товарищей. Я стала справляться у домочадцев Ини, не собирается ли кто поехать на плоскость, и была очень рада, когда узнала, что сам Ини едет в Назрань. Он собирался выехать на третий день после нашего приезда. Несмотря на уговоры друзей я поехала, наивно думая, что деникинцы не будут трогать женщину. Закуталась в ингушскую шаль, села на арбу с добродушным Ини, и мы тронулись.

В Назрань приехали в сумерки. Въехали во двор прежнего хозяина и вдруг видим на крыльце нескольких казачьих офицеров и казаков, среди которых был хозяин сакли. Хозяин, увидев ингуша с «ингушкой», сидящих на арбе, подбежал к нам и стал разговаривать по-ингушски с Ини. Узнав о цели нашего приезда, он стал убеждать меня немедленно вернуться обратно, так как здесь мне угрожает опасность. Ини круто повернул арбу и, проехав через полотно

железной дороги, помчался к домику своего брата, который здесь жил.

Мы подъехали к сакле брата Ини. Это была одна комната с нарами, на которых лежала груда пожитков. Над печкой висел котелок, в котором что-то варила древняя старушка. Меня положили на нары, я ничего уже не сознавала. Смутно помню суету вокруг себя, помню, как складывали вещи в арбу и хозяин все время приговаривал:

— Ничего, Марушка, скоро поедем.

Когда все вещи были уложены, меня посадили. Уселись брат хозяина, старушка и сам Ини. По пути нам попадались такие же беженцы-ингуши, которые не захотели оставаться на плоскости, захваченной деникинцами. На обратном пути, в Сурхохи, у нас была короткая остановка. Несмотря на то, что я была в полубессознательном состоянии, я все-таки чувствовала, что воздух очень разрежен. Лесистые горы таяли в тумане, и мне было очень трудно дышать. Впоследствии я рассказывала детям Бутырина, как интересную сказку, о том, как я ехала по высоким горам, окутанным туманом.

Когда мы приехали обратно в Галашки, товарищи мои очень сокрушались по поводу моего предприятия. Как было приятно очутиться на нарах около горячей печки! Там я пролежала около трех недель. Через два дня после моего приезда хозяин предупредил нас, что белогвардейцы требуют выдачи большевиков, находящихся в горной Ингушетии, и поэтому советовал на некоторое время уехать в глубь гор. Пришлось срочно укладываться. Товарищи решили, что я останусь здесь. Если будет угрожать опасность, меня выдадут за члена семьи хозяина.

Они уехали. В течение нескольких дней я не знала, что со мной будет. Надо сказать, что такое же напряженное состояние было у всей семьи хозяина. Ни одна женщина не знала русского языка. Мы изъяснялись жестами, и иногда очень комично получалось. Мужчины знали русский язык. В эти дни за мной ухаживала жена хозяина. Как-то принесла она мне кислое молоко, но я не могла его выпить и решила, что лучше пить горячую воду. Я лежала все время около печки и пила горячую воду. Надо мной шутили и говорили, что у меня температура никогда не снизится. Впоследствии я узнала, что у меня был брюшной тиф. Вскоре температура спала, и я себя почувствовала гораздо лучше.

Мы очень интересовались судьбой группы комиссаров во главе с Серго и были почти уверены, что они приближаются к Тифлису. В один прекрасный день заходит к нам в комнату семья хозяина, останавливается, скрестив руки, все смотрят пытливо на нас и покачивают жалостливо головами. Это взволновало нас — не случилась ли какая-нибудь беда, потому что эти непосредственные люди так образно и красноречиво выражали то, чего не могли сказать словами. Наши опасения через несколько дней подтвердились. Вскоре приехал Серго Орджоникидзе с проводником. Мы в этот момент обедали. Я уже поправлялась, начала ходить.

Наскоро закончив свой обед, мы вышли все на крыльцо. Серго рассказал нам о смерти Бутырина. Он вместе с нами тяжело переживал смерть своего друга и тепло заботился о его детях. Ему удалось в начале апреля переправить их всех через горные перевалы в Тифлис.

В начале апреля девятнадцатого года была организована и наша переправа через горную Ингушетию. Мы отправились верхом на лошадях, хотя никто из нас никогда верхом не ездил.

Перед отъездом к нам прибыл товарищ, командированный Кавказским краевым комитетом партии для переправы в Тифлис работников, находящихся в горной Ингушетии. По пути к нам самотеком присоединялись красноармейцы, отдельные советские работники. Народу набралось довольно много.

На перегоне между Галашками и селением Мужичьем мы увидели несущегося на лошади всадника в тулупе, весело приветствовавшего нас. Это был Орджоникидзе.

В Мужичьем мы отдыхали.

Серго начал проявлять свои хозяйственные способности и вступил даже с нами в соревнование — кто лучше изготовит яичницу. Разбив яйца на огромной сковороде, он приготовил прекрасную яичницу и был страшно этим доволен.

Снова сели на лошадей и двинулись дальше. Когда мы выехали за околицу Мужичьего, нас было человек сорок. До Ассиновского ущелья ехали по очень узкой тропинке, внизу под нами расстилалась пропасть. Серго выстроил нас за околицей, осмотрел всех и ободряюще сказал, чтобы мы не боялись и смело двигались вперед. В ответ на это я нерешительно заметила:

— Вряд ли я доеду.

— Ну что вы, Тамара! Вы же замечательная наездница!

До Эгикал Серго ехал впереди нас. Потом распрощался, сказав руководителю, который приехал от краевого комитета, чтобы он зорко следил за детьми Бутырина.

По пути к селению Эгикал местные жители, увидев такой многочисленный отряд, всполошились и решили, что это движутся казаки. Собрались даже стрелять. Но, увидев детей и женщин, горцы поняли, в чем дело.

Приняли они нас очень приветливо. В ауле было три высоких старинных башни. Подъехали мы к одной из них. Нас встретила многочисленная семья. По виду они очень похожи были на русских. В этой семье было много дочерей. На ночлег мы расположились на полу. На другой день предстоял трудный путь через перевал.

Меня заинтересовал балкон, устроенный в этой башне. Сын хозяина повел меня, Нину Андреевну и еще нескольких человек на этот балкон. С нами была дочка хозяина. Все они с большим любопытством смотрели на нас, потому что в этих диких ущельях им не приходилось видеть русских женщин. По-русски никто из них не говорил.

С балкона открывался прекрасный, величественный вид на снеговые горы. Я разговорилась со стариком, который был с нами. Ингуш стал рассказывать:

— Землю нам на плоскости дали большевики, и мы ее начали обрабатывать.

— А живете там?

— Нет. Я век свой здесь прожил, здесь и останусь. Я привык к горным вершинам, здесь и умру, хотя буду обрабатывать землю на плоскости.

Меня поразило, насколько они сжились с этими дикими горными вершинами, где даже трава не росла.

Утром, часов в шесть, мы поднялись и поехали дальше. Дорога была чрезвычайно живописна. Когда мы подъехали к перевалу, пейзаж резко изменился. После хвойного густого леса мы очутились у подножья высокого малопроходимого перевала. Зато перевал этот был более безопасен: здесь можно было перейти грузинскую границу, минуя казачьи посты.

Перевал был покрыт снегом. Мы стали подниматься. Подъем был настолько крутой, что пришлось слезть с лошади. Я почувствовала, что не смогу совершить это путешествие. Я не одна была в таком положении. Многие, перенесшие тиф, тоже были не в состоянии одолеть этот перевал, в том числе Автономов, один из командиров Северокавказской армией, его личный адъютант, постоянно следовавший за ним, и брат его — комсомолец. У Автономова был крайне истощенный вид, — видно, очень пошатнулось его здоровье после перенесенного им тифа. Мы встретились с ними у перевала.

Когда я стала подниматься на перевал, то начала задыхаться. Я категорически заявила товарищам, что дальше не двинусь:

— У меня нехватает сил, останусь здесь на снегу.

Товарищи стали уговаривать меня, что дадут мне проводника, тем более что я не одна и есть еще несколько слабосильных, в том числе и Автономов. Договорились, что мы, слабосильные, остановимся на несколько дней у нашего проводника, жившего в Мерцхальском обществе в стороне от Пуя. Попасть туда было очень трудно. Мы вернулись обратно, остальные двинулись вперед.

Нам дали молодого проводника, и мы сели на лошадей. Автономов с братом и адъютантом поехали впереди, а я с проводником сзади. Когда я приехала в селение (названия его не помню), Автономовы уже сидели в сакле. На другой день предполагалось возвращение хозяина-проводника. Но прошел день-два, а его все не было. Это озадачило нас — не случилось ли чего-нибудь. Сакля стояла на высоком уступе горы, и отсюда очень хорошо был виден весь перевал. Вдруг на горизонте мы увидели фигуру, которая спускалась по скалам. Это был кузнец Степан, один из уехавших вперед товарищей. От него мы узнали о беде, которая постигла наших спутников: их захватили грузинские меньшевики и деникинцы.

— Когда мы стали спускаться с горы, — рассказывал кузнец, — нас было довольно много. По дороге встретились грузинские

милиционеры. Они вообразили, что движется целое войско. Еще раньше в пути был спор, как лучше итти. Было два проекта: итти частями отдельно, чтобы не бросаться в глаза, или двигаться всем сразу. Решили итти всем вместе. Это и испортило все дело. Грузинские милиционеры начали стрелять и дали знать по телефону в селение Казбек. Оттуда прислали отряд во главе с разъяренным начальником поста. Он стал производить расправу. Женщины были отправлены в крепость.

Кузнец не знал, что произошло дальше. Об этом я узнала потом. Нам рассказали, что когда их вели под конвоем через мост, то некоторые бросились в воду. Им удалось спастись от расправы, и они вернулись обратно в горы.

Отношение наших хозяев к нам было очень хорошее. Автономов с адъютантом жили в одной комнате, а я, его брат и хозяйка с ребенком — в другой. Здесь мы пробыли дней пять.

Молодая жена проводника решила, что ее муж погиб, и, пока он не вернулся, она каждый день выходила к горе, становилась на колени, покачивала головой и стонала. Но хозяин благополучно к нам вернулся.

Он подробно рассказал, что произошло. Узнав, в чем дело, мы решили связаться с остальными товарищами. Гегечкори жил в Алкуне, Серго был в Датыхе. Мы выехали туда рано утром и разъехались с Серго: оказывается, он, узнав, что мы здесь находимся, приехал сюда, но уже не застал нас. Мы разделились: я, Автономов со своим адъютантом и с присоединившимися к нам красноармейцами поехали в Мужичий, а брат Автономова направился в Галашки. Приехали мы в Мужичий к вечеру. На другой день в Мужичий приехали два комиссара из селения Датых. Один из комиссаров был болен. Температура у него оказалась очень высокой. По нашему совету он решил остаться здесь и застрял на целых два месяца. Мы стали за ним ухаживать.

У нас часто бывал Саша Гегечкори. Он приезжал в фаэтоне. Ходил с костылем. Рассказывая, как во время отступления его оперировали, он махнул рукой и добавил:

— Совершенно зря. При других обстоятельствах я, может быть, не лишился бы ноги.

Он очень тяготился своим беспомощным состоянием. Иногда он пробовал ходить сам на костыле от крыльца до забора. Когда мы хотели ему помочь, он отказывался:

— Я сам попробую.

Иногда оставался ночевать у нас. Приезжал он со своим проводником. В Мужичьем бывал у нас и Серго Орджоникидзе. Он приезжал из Датыха в сопровождении подростка-ингуша по имени Измаил. Орджоникидзе путешествовал по аулам с этим мальчиком. Сюда же приезжал из Чечни командир партизанского отряда, которому Серго давал руководящие указания.

У Орджоникидзе всегда были с собой свежие газеты, которые он нелегально получал из Владикавказа. Он неизменно носил

с собой вчетверо сложенную карту горной Ингушетии, по которой прекрасно ориентировался. Серго оживленно рассказывал нам о ходе боевых операций и с большим увлечением по-военному объяснял положение на фронте. Он был проникнут уверенностью в конечной победе Красной армии и томился вынужденным бездельем в диких горных ущельях. Он хотел защищать революцию с оружием в руках. Эту мечту свою Серго вскоре осуществил, пробравшись через Тифлис и Баку в советскую Россию.

В июне девятнадцатого года к нам прибыл товарищ из Тифлиса, сопровождавший два месяца тому назад группу товарищей. Мы отправились тем же путем, как и раньше. На этот раз благополучно перешли перевал. Достигнув вершины перевала, я по совету проводника легла на бурку и скатилась по снегу с горы. Катилась я, таким образом, метров десять-пятнадцать. Внизу стояли Бетал Калмыков, спустившийся с ингушами, два терских комиссара и два проводника. До перевала провожали нас братья Гандаровы.

Спустившись вниз, заночевали в пастушеских кошах, завернувшись в бурку, которую нам дал Саша Гегечкори. Благополучно миновали грузинские посты и на телеге доехали до станции Казбек. Это был тот период, когда Деникин, охваченный головокружением от своих успехов, стал игнорировать своего союзника — меньшевистскую Грузию. Меньшевистское правительство Грузии начало заигрывать с рабочими.

Нам удалось проехать через станцию Казбек.

Мы ехали в очень напряженном состоянии. Благополучно доехали до Пассанаура, а дальше уже было легче ехать. В Тифлис приехали, когда Серго там уже не было.

*

В Тифлисе я вела подпольную партийную работу, жила в семье своего дяди, рабочего-железнодорожника. Квартира находилась в рабочем районе — Нахаловке. В смысле конспиративности она была очень удобна: меня здесь никто не знал.

Когда я приехала в Тифлис, часть членов краевого комитета находилась в метехской тюрьме. Сразу же после приезда я включилась в работу. Здесь выходила полулегальная большевистская газета «Волна». Но осенью во время разгрома большевистской партийной организации была закрыта и газета «Волна». Я случайно избежала ареста: в тот момент, когда представители охранки заняли подъезд, меня предупредили, и я вышла через черный ход.

Приходилось много разъезжать по западной Грузии для связи с организациями на местах. Однажды, когда я приехала на станцию Поти, на вокзале встретили товарищи — предупредили, что явка провалилась, и поручили меня старику-крестьянину, который должен был проводить меня на подпольное собрание. Шли мы вдоль реки Рион по тропинке; была уже ночь. Пришли в какой-то лес, где на опушке стоял небольшой домик. Там я встретилась с членом краевого комитета Георгием Стуруа. Здесь собрались моряки

и солдаты из гарнизона. Выяснилось, что меньшевики готовились напасть на большевиков. Собрание было очень дружным и горячим. Моряки и солдаты клялись, что их рука не поднимется против большевиков. В это время произошел интересный случай. Вдруг кто-то постучал в окно. Оказалось, это был милиционер. Товарищ Стуруа вышел на улицу и стал объяснять милиционеру настоящую суть меньшевизма. «Большевики, — говорил Стуруа, — борются за дело всего трудового народа, и если милиционер пойдет и выдаст, то этим самым принесет вред только себе».

Милиционер расчувствовался, обнял Стуруа и стал клясться, что он ни в коем случае не выдаст, что он заглянул просто как блюститель порядка. После его ухода Стуруа дал нам последние директивные указания и посоветовал немедленно разойтись, не особенно доверяя милиционеру. Мы быстро разошлись, и я вернулась обратно в Тифлис.

Во время поездок я обычно переодевалась до неузнаваемости. У меньшевиков был необыкновенно развит шпионаж. Шпики подсаживались в вагонах к пассажирам и начинали расспрашивать, кто, куда и зачем едет. Мне удавалось сходить за учительницу.

Мне часто приходилось провозить с собой литературу и деньги. Накануне моего ареста в газете появилась сенсационная статья о разгроме краевого комитета. Была арестована часть членов краевого комитета. В статье, между прочим, сообщалось о курьере, который развозил огромные деньги. Прочитав эту статью, я сказала нашим:

— Ну, теперь мне надо быть наготове.

Старалась скрыть всякие следы, но совсем не думала, что меня могут обнаружить. Нашли же меня только благодаря тому, что один из арестованных товарищей забыл уничтожить мой адрес.

Как-то я вернулась домой поздно ночью и легла, как всегда, спать с племянницей на кушетке. Вдруг послышался отчаянный стук в дверь. Мы открыли. Появились начальник охранки Кедия, начальник уголовного розыска и двое вестовых. Мне было предложено немедленно одеваться и следовать за ними. Я протестующе заявила, что одеваться при них не буду, пускай выйдут в коридор. Они вышли за дверь, и я стала одеваться. Разговаривали они по-грузински, а семья моего дяди прекрасно знала грузинский язык.

Начали производить обыск. Особенно искали «миллионы», о которых писала газета. Розыск «миллионов» не увенчался успехом. От меня контрразведчики ничего не смогли добиться. Я от всего отрекалась и утверждала, что все это недоразумение. Продержав в охранке около месяца, меня, наконец, выпустили на свободу. Освободив меня, грузинская контрразведка все же продолжала следить за мной. Вероятно, они надеялись напасть на след. Первые месяцы я держалась очень осторожно, хотя иногда ухитрялась, набросив на себя шаль, незаметным образом улизнуть из квартиры. Мне часто приходилось бывать у сестры Степана Шаумяна. Она приходила ко мне на свидание даже тогда, когда я находилась в охранке. Нужно

было сообщить ей фамилию одного товарища, приехавшего из Москвы по поручению Центрального комитета. Я шопотом ей сказала.

Я продолжала держать связь с некоторыми товарищами и выполняла отдельные поручения. Мы готовили выступление Первого мая. В этот день я была на Головинском проспекте и видела избиение участников демонстрации. На бульваре среди деревьев стоял, опираясь на палку, сам Жордания и любовался этой дикой расправой.

Второго мая я была у одного из членов Кавказского краевого комитета. Меня направили во Владикавказ, где в то время уже была советская власть. Мне были переданы письма для посылки в Москву Ленину, затем несколько батумских газет с воззванием от совета профессиональных союзов и от партийных организаций против меньшевистского правительства Грузии. Я очень радовалась, что, наконец, попаду на советскую территорию. Весь день я испытывала большой подъем. Была в транспортном отделе, брала билет. Как потом оказалось, за мной все время усиленно наблюдала охранка.

Надо сказать, что второго мая было наше выступление в юнкерском училище. Меньшевикам удалось разгромить его. Начался террор и аресты. Вещи у меня уже были уложены. Газеты я спрятала в корзинку, а письма прикрепила вокруг тела под платьем. Вечером, когда мы мирно сидели за столом, раздался стук в дверь, явилось несколько охранников из особого отряда. Предложили следовать за ними. Увидев корзинку, в которой был мой багаж, они стали в ней рыться. Газеты были найдены.

— Вы думали, вас пропустят с этим через границу? — иронически спросили меня охранники.

В это время как раз был заключен договор между советской Россией и Грузией, по которому меньшевики должны были прекратить свои репрессии по отношению к большевикам.

Я предстала пред очи все того же Кедия. Он вынужден был теперь разговаривать со мной другим языком и только сказал:

— А мы вас видели сегодня путешествующей в транспортный отдел. Вы, повидимому, собираетесь ехать?

— Да, я еду к своим родным.

— А все-таки жаль, что мы вас тогда выпустили. Ну, что ж, счастливого вам пути. Только больше к нам не возвращайтесь.

С таким напутствием меня отпустили. К счастью, личный обыск, чего я очень боялась, не производился.

Отправилась я на почтовой машине, которая курсировала до Казбека. Газеты я все-таки с собой взяла, запрятав их под одежду. Тут мне повезло. На границе был только поверхностный осмотр, и, таким образом, я провезла все, что мне было необходимо. От Казбека до Владикавказа мы ехали уже на арбах, и я всю дорогу беседовала с возницей-грузином на ломаном грузинском языке, немного научившись этому языку в Тифлисе.

Приехав во Владикавказ, я с головой окунулась в кипучую работу. С большим увлечением стала работать в газете «Горская бед-

нота» как член редколлегии, выпускающий и корреспондент. У меня была налажена связь с сельскими партийными организациями.

Кроме печатной газеты «Теркавроста» издавала и световые газеты. К этому делу были привлечены школьники, работавшие в свободное после учебы время. Среди них были очень талантливые дети. Они прекрасно рисовали и печатными буквами писали телеграммы.

Особенно широко пришлось нам развить свою деятельность во время борьбы с бандами Булак-Балаховича, Антонова, имама Гоцинского и во время советизации Грузии. Работа была очень живая. Мы снабжали газетами несколько агитпунктов. Летом световая газета демонстрировалась на белой стене дома, находившегося против нашей редакции. Перед этим экраном всегда толпилась масса народу. Часто можно было видеть среди толпы всадников, которые останавливались и читали новости дня.

«Горская беднота» была центром, вокруг которого объединились все окружные организации. В период учредительного горского съезда издавался бюллетень с рисунками самих делегатов. Он тут же на съезде распространялся. Съездом руководил Сергей Миронович Киров. На этом съезде товарищ Сталин выступал с декларацией о создании автономной Горской республики. Горцы, делегаты съезда, с глубоким волнением слушали речь народного комиссара по делам национальностей. Радостно было видеть то удовлетворение, которое испытывали горцы, получившие из рук советской власти подлинную свободу, за которую они столетие боролись с царизмом.

Иногда мне приходилось пробовать свои силы и в отношении передовых статей во время отсутствия редактора. Один из таких номеров я робко показала Сергею Мироновичу во время его проезда через Владикавказ — он ехал в Ригу на мирные переговоры с Польшей. Совершенно неожиданно для меня Сергей Миронович похвалил мою статью, опытным глазом журналиста осмотрел каждую колонку и остался доволен газетой.

В первые годы революции я воспитывалась под непосредственным влиянием выдающихся революционеров — Сергея Мироновича Кирова и Серго Орджоникидзе, память о которых останется у меня на всю жизнь. У меня был практический опыт в работе, но нехватало теоретических знаний. Я стремилась ехать учиться в Москву. В конце июня двадцать первого года я и ряд других горянок поехали учиться в Москву.

Перед отъездом я принимала участие в первом съезде горских женщин.

На первых порах горцы не могли свыкнуться с мыслью освобождения женщин. Часть девушек-горянок приходила в сопровождении многочисленных родственников. Можно было наблюдать такую картину: впереди идет молодая девушка, а сзади нее целый хвост родных — брат, отец, даже дед. Большинство делегаток — пожилых женщин — выступало с боевыми речами. Для многих из них это был необыкновенный сдвиг. Немало женщин до этого времени

вообще не покидало своих аулов, некоторые первый раз ехали на поезде.

После этого съезда я и часть делегаток, руководящих работников, отправились в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Моя мечта — продолжить свое образование — осуществилась. Советская власть открыла для женщин дорогу к высшему образованию, к новой, светлой жизни.

А. АНДЖИЕВСКАЯ

МАТЬ

В феврале семнадцатого года рабочие Пятигорска собрались на митинг. Ждали выступлений представителей всех партий. К эстраде подошли и мы, тогда еще молоденькие работницы курортных предприятий Пятигорска. Мы читали книжки, не любили пустых разговоров и несмотря на восемнадцати-двадцатилетний возраст были «страшно серьезными девушками».

На эстраде толпились ораторы. Эсеры и меньшевики бросали громкие слова о войне до конца. Потом заговорил измученный, бледный солдат в больничном халате. Он первый бросил лозунг «долой войну» в лицо эсерам и меньшевикам, распинавшимся за войну до победного конца. Не успел он закончить свою громовую речь, как со всех сторон понеслись выкрики:

— Демагог! Большевик!

Его манера говорить показалась мне тогда какой-то неестественной: его необычную горячность и темпераментность я приняла за искусственность, его революционный пафос — за театральность.

Сейчас же после митинга я познакомилась с товарищем Анджиевским. Я откровенно высказала Анджиевскому свое впечатление от его речи. Он был поражен моим заключением и ответил:

— Если бы вы пережили столько, сколько пережил я, вы бы поняли, насколько я был искренен.

Бурные выступления товарища Анджиевского, его горячий протест против войны и растущее влияние среди солдат обеспокоили военные власти.

Было решено поскорее направить Анджиевского на фронт. Но как только об этом узнали солдаты, они заявили:

— Худо будет тому, кто попытается убрать от нас товарища Анджиевского.

Командование 113-го полка решило произвести перевыборы полкового комитета, председателем которого был Анджиевский.

Но Анджиевский снова был избран. Тогда было решено расформировать большевистски настроенный полк и распустить его по домам. Эта мера имела много шансов на успех: власти знали, что солдатам давно надоела война и они с радостью бросят винтовки, чтобы разойтись по домам. Для революции это был, как тогда говорили, «нож в спину». Без организованного, спаянного, большевистски настроенного коллектива немыслимо было бороться за революционные лозунги. Это понимали все большевистски настроенные солдаты, это понимал, разумеется, и Анджиевский. И вот был собран митинг 113-го полка. Командование выступило со своим заманчивым предложением: распустить солдат по домам. Наступил страшный момент. Солдатская масса колебалась. Многие были согласны принять это предложение. Уже неслись со всех сторон одобрительные выкрики.

И тогда, собрав все свои силы, всю свою волю, выступил Анджиевский.

Он говорил солдатам, что предложение офицеров — провокационное. Он доказывал, что солдаты должны остаться:

— Если вам недороги кровью добытые завоевания революции, тогда бросайте винтовки...

Слова Анджиевского, как раскаленные угли, падали в сердце каждого.

И полк отказался разойтись. С митинга, происходившего на площади Константиногорской слободки за вокзалом, солдаты с триумфом пронесли Анджиевского на скрещенных винтовках по главной улице через весь город.

В уменье жить интересами масс, ощущать и глубоко, искренно переживать ее страдания заключался секрет обаяния Анджиевского. Он неустанно агитировал и беседовал с рабочими. Я была старательной ученицей Анджиевского. Мы читали с ним Ленина. Мы поклялись жить и умереть за пролетарскую революцию. Вскоре я стала его женой.

В конце октября в Петрограде власть перешла в руки советов. Я помню, как Анджиевский с группой товарищей пришел с этой новостью на заседание городской думы. Из думы мы ночью помчались в 113-й полк и созвали митинг. Криком радости и торжества отвечали солдаты на долгожданную весть о свержении ненавистного Временного правительства.

Когда мы вернулись в думу, эсеры уже создали «комитет спасения». На другой день в газетах появились большие статьи меньшевика Лунина и правого эсера Леонида Орлова, направленные против Анджиевского и против меня.

Я работала в это время в самом гнезде меньшевиков — в профсоюзе торгово-промышленных служащих.

На экстренном совещании в союзе меньшевики и эсеры собирались вынести противобольшевистскую резолюцию, осуждающую переворот. Но в союзе мной уже был создан актив женщин, сочувствующих большевикам. Это были молодые девушки. Анджиевский

учил нас, как мы должны выступать и что мы должны противопоставить меньшевикам, засевшим в профсоюзах.

На одном из собраний, когда меньшевики хотели протащить свою резолюцию, я выступила и заявила: «Все, что говорят меньшевики,— ложь! Происшедший переворот — не узурпация, а взятие власти по праву, так как только рабочие могут быть истинными защитниками рабочего дела. Кто будет голосовать за меньшевистскую резолюцию, тот будет голосовать за буржуазию!» Меня поддержала наша женская группа, и мы, сорвав голосование резолюции, ушли с собрания.

На другой день в газете появилась статья, в которой какой-то меньшевик бил тревогу о том, что политика большевиков начинает проникать в профсоюзы, где они вербуют сторонников не только среди мужчин, но и среди женщин. Называлась моя фамилия, и говорилось, что я срываю решения профсоюзных организаций.

На следующий день, когда мы пришли в профсоюз платить членские взносы, нас встретили очень враждебно. Нам не подали руки, не приняли членских взносов и, наконец, сообщили, что мы исключены из профсоюза. Выслушав это известие, мы, уходя, заявили:

— Скоро наш профсоюз станет большевистским!

Наша женская большевистская группа еще интенсивнее развернула агитацию. Помню, мы разносили большевистские газеты и листовки, прислушивались к разговорам в массах, разоблачали клевету и разъясняли большевистскую политику.

В начале восемнадцатого года Пятигорский совет принял резолюцию о переходе всей власти к советам. Был создан большевистский исполком во главе с Анджиевским. Авторитет большевиков был уже велик. Громадный трехэтажный дом у базара — бывшая гостиница Сеферова, куда переехал большевистский совет, — был битком набит народом. Люди обращались сюда по всем вопросам.

Начиналась ожесточенная борьба с контрреволюцией, которая разными способами пыталась подорвать советскую власть.

★

Фронт!.. Но, пожалуй, не менее опасным было и положение в тылу. Немало пришлось нам пережить в связи с авантюрой командира одного из отрядов — Нижевясова. Сначала Нижевясову верили. Когда же нижевясовцы, вернувшись с фронта, привезли с собой самовары, граммофоны и другие вещи, отношение к ним сразу изменилось. По этому поводу происходили специальные совещания и в комитете и в исполкоме. К нижевясовцам были посланы товарищи от большевистского комитета, но и они не могли добиться оздоровления. Разложение зашло уже слишком далеко.

Мы стали получать анонимные письма. В них сообщалось о зверствах и грабежах нижевясовцев. На Горячей горе находили убитых и изнасилованных девушек. Нижевясов все чаще и чаще не подчинялся исполкому. Кроме того выяснилось, что им был составлен список членов исполкома и комитета партии, которые «подлежат уни-

чтожению». Мы постановили принять решительные меры против Нижевясова.

Об этом решении уведомили Владикавказ. Анджиевский и я поехали в Кисловодск. В Кисловодске Анджиевский сделал в партийном комитете доклад о нижевясовщине. После этого немедленно мобилизовали членов профсоюзов и партийцев и выпустили листовку к населению, объявлявшую Нижевясова предателем революции.

Я осталась в Кисловодске, а Анджиевский поехал дальше.

Он вернулся в Пятигорск на другой день. Но еще до его возвращения Нижевясов был разоружен, а затем расстрелян председателем совнаркома Терской республики товарищем Буачидзе, прибывшим с броневиком из Владикавказа.

Партийный комитет командировал нескольких коммунистов в Москву к товарищу Ленину. С восторгом рассказывал Анджиевский о своей беседе с Владимиром Ильичем.

Ленин слушал очень внимательно и задал ряд вопросов: как у вас с продовольствием? Какие меры проводятся по организации советов? Как работает партийный комитет? Каковы взаимоотношения с горским населением?

И тут же в связи с ответами Ленин давал конкретные указания, как надо поступать, — делая главный упор на продовольственном вопросе и на взаимоотношениях с кавказскими народностями.

Гражданская война на Тереке требовала новых подкреплений. Нужно было отбить наступление Шкуро. В начале августа восемнадцатого года я вместе с Анджиевским пошла с отрядом на фронт под Ессентуки. Фронт находился сейчас же за Скачками. В отряде была санитарная группа человек в двадцать. Я была в этой группе.

Из Пятигорска мы вышли утром. Стояла ясная погода. Настроение у всех было бодрое, боевое. Мы шли с пением революционных песен. Пение часто прерывалось смехом и шутками.

Фельдшеры на ходу обучали нас, как надо сделать перевязку и подавать первую помощь. Дойдя до позиций, отряд рассыпался цепью по полю.

Разведка сообщила, что белые уже недалеко. Наши залегли в кустарнике. Вскоре начался бой. Противника не было видно — он скрывался в кустах.

К вечеру бой стал более ожесточенным. С передовой линии сообщили, что у нашего отряда нехватает патронов. Возчики, которые перевозили патроны, отказались ехать на передовые позиции.

— С телегой по топким местам не проехать, — заявили они.

Я пристыдила товарищей:

— Можно и на руках донести несколько ящиков.

Я взялась уже за ящик, но товарищи запротестовали, так как скоро я должна была рожать. Мой пример подействовал на возниц, и патроны были доставлены.

Бой продолжался всю ночь. В самом начале боя был убит товарищ Анисимов — наш командир отряда. Командование принял на себя Анджиевский.

В результате боев, продолжавшихся несколько дней, Шкуро был отброшен и фронт перенесен к Беслану.

Наши дни были полны тревог. Шла мобилизация коммунистов. Создавались рабочие дружины. Целые ночи напролет мы просиживали в комитете, ожидая прихода коммунистических отрядов из Минеральных вод, Георгиевска и Железноводска. Анджиевский выходил им навстречу по шоссе за гору Машук.

В эти дни комитет почти не расходился. Я предложила организовать коммунистическую швейную мастерскую и столовую для обслуживания бойцов. В магазинах производилась реквизиция швейных машинок. Жены коммунистов и коммунистки шили обмундирование и белье для бойцов. С большим трудом добывали нитки и материал.

В конце августа снова наступили тревожные дни. К нам прибыл отряд Ильина. Это был один из тех отрядов, которые возникали стихийно и действовали, не признавая главного командования. Мы ликвидировали и этого бандита.

Но все это были мелочи по сравнению с сорокинщиной.

В октябре восемнадцатого года, оголив фронт, Сорокин начал стягивать 11-ю армию к Пятигорску. В ней свирепствовал сыпной тиф. В Пятигорск шли не только больные, но и здоровые части. Здесь они тотчас же заражались тифом. Для больных нехватало коек, нехватало помещений. Народный дом, исполком и другие учреждения были забиты больными с фронта. В эти тяжелые для революции дни Сорокин показал себя в полной своей неприглядности. В его штабе происходили пьяные оргии, сведения о них доходили до партийного комитета и ЦИКа Северного Кавказа. Напившись, Сорокин брал отряд и с музыкой разъезжал по городу. Сорокинцы ватагой заходили в Народный дом и в рестораны, били посуду, не платили, безобразничали. Неоднократно Сорокина призывали к порядку товарищ Рубин и другие члены ЦИКа, которым он должен был непосредственно подчиняться.

Большим ударом для всех нас была зверская расправа Сорокина с членами ЦИКа товарищами Абрамом Рубиным, Семеном Дунаевским, Борисом Рожанским, Михаилом Власовым, Виктором Крайним и его шестнадцатилетним братом — Абрамом Крайним. Только после уничтожения Сорокина — этого врага революции — мы смогли приступить к реорганизации наших отрядов.

В последующие месяцы кольцо фронтов становилось все у́же. Нехватало продовольствия. Сыпняк косил людей. Тифозные валялись в коридорах, на полу, даже во дворах на земле. Тиф распространился и среди населения. Борьба с сыпняком затруднялась недостатком лекарств, продовольствия и медицинского персонала.

Положение на фронте ухудшалось. Недели за две до ухода из Пятигорска была прервана наша связь с центром через Святой крест. С фронта поступали противоречивые сведения. Неясным было наше положение. Со ставропольского фронта шли сообщения

о том, что белые приближаются. Зашевелилось контрреволюционное казачество, начались кулацкие восстания.

До самого последнего момента мы оставались в Пятигорске, ожидая подкреплений, надеясь, что кольцо белых будет прервано и мы сумеем пробраться в центр. Наконец мы убедились, что у нас остается один путь для отступления — через станицы на Владикавказ.

Перед нашим уходом из Пятигорска я работала в качестве народного заседателя в ревтрибунале. У меня скоро должен был появиться ребенок, но я буквально до последнего дня ходила в ревтрибунал.

Помню, разбиралось дело о фальшивомонетчиках. Я почувствовала сильные схватки и побежала домой.

Роды наступили в тот же день. Родилась девочка.

Началось отступление. Меня с ребенком усадили в фаэтон. Это было пятого или шестого января. Со мной ехали сестра Анджиевского и мой шестнадцатилетний братишка Ваня. Анджиевский с членами исполкома и коммунистическим отрядом отступал из Пятигорска последним. Для подпольной работы в Пятигорске были оставлены товарищи.

В станице Зольской нас догнал Анджиевский. Мы поехали дальше.

Жуткую картину представляло наше отступление. С нами двигалась армия тифозных. Люди шли, закутанные в одеяла, шатаясь и падая. Многие, упав, уже не вставали. Тифозные подходили к нашему фаэтону и требовали освободить его, но, видя больную женщину с грудным ребенком, молча отходили. Сотни людей стонали, плакали, бежали, боясь попасть в лапы белобандитов. Каждый знал, что идет он на смерть, что, вероятно, умрет в дороге, но сознание, что умрет он среди своих товарищей и друзей, подкрепляло и утешало. На снегу валялись люди в серых шинелях и одеялах. Добравшись до станицы, товарищи выпрашивали у казаков подводы и ехали подбирать упавших.

В станицах мы останавливались лишь на самое короткое время, так как белые преследовали нас по пятам. Так мы добрались до Прохладной. Здесь остановились в казачьей избе победнее. В таких избах нас принимали обычно хорошо и делились всем, что у них было. Казачка-хозяйка истопила печку, потом обегала соседок и достала какую-то посуду. Нагрев в ней воды, она сама искупала моего ребенка. Купала его, плакала и приговаривала:

— Бедное дитятко, куда же ты едешь, что с тобой будет?

Анджиевский старался нас ободрить. Он говорил:

— Ничего, крепче будет!

Наутро в Прохладной мы сели в теплушку и поехали на Владикавказ. Вскоре белые окружили город. Встал вопрос об эвакуации. С поездом, в котором везли документы советов и ценности, отправили меня с ребенком, с братишкой и с заболевшей тифом сестрой Анджиевского Надеждой. Запрошенная по прямому проводу стан-

ция Беслан ответила: «Путь на Грозный свободен, высылайте поезд». Мы отправились в семь часов вечера двенадцатого января. Впереди шел броневик, сзади — другой. В Беслане поезд остановился.

— Почему стоим?

— Неизвестно.

Начальник станции сказал, что путь занят.

Потом узнали, что броневик, шедший впереди, был свален какими-то бандами. Ночью послышалась отдаленная орудийная канонада.

— Товарищи, вставайте! А не то белые возьмут нас голыми руками! — крикнула я.

Вдруг осколок снаряда попал в наш вагон. Он угодил в единственно целое окно. С треском полетели во все стороны стекла, щепки.

Все вскочили и выбежали из вагона. Я передала братишке ребенка:

— Ступай на станцию, я сейчас вытащу Надю и больного товарища.

Брат не расслышал, что я сказала, и побежал за красноармейцами на станцию Назрань.

Я потащила больную Надежду на станцию прямо по земле, потому что у меня нехватило сил поднять ее. Потом побежала за больным товарищем.

Оставив их на станции, я бросилась искать своего ребенка. Я обошла все помещение станции. Комнаты были переполнены больными. В зловонных лужах, в испражнениях лежали тифозные. Среди них были и мертвые.

Я расспрашивала, не видал ли кто-нибудь мальчика с ребенком, но никто мне не ответил.

Тогда я выскочила на перрон и тут же наткнулась на офицера. Он вытащил шашку и, размахивая ею, закричал на меня:

— Ты кто такая? Откуда?

— Я пассажирка.

Он схватил меня за руку и стал грозно допрашивать:

— Что ты здесь делаешь?

— Я ищу моего ребенка! Пустите!

Но он не поверил и не пускал меня. Мне было тогда двадцать один год. У меня были длинные косы. Я мало была похожа на мать.

— Какой ребенок? Что вы мелете? — сказал офицер и потащил меня в помещение станции. Он втолкнул меня в комнату телеграфистов и сказал им:

— Смотрите за ней, она — безумная.

Уходя, он запер дверь на ключ.

На столе бешено трещали аппараты, видно, кто-то усиленно пытался связаться со станцией, но телеграфисты не подходили к столу, а стояли поодаль и смотрели в окно. Не разобравшись, кто находится в комнате, я сказала:

— Товарищи, подойдите к аппарату, скажите Владикавказу, что белые уже в Беслане, что наш поезд разбит.

— Мы не товарищи! — отозвались они. — Замолчите, не то мы вас заставим замолчать!

И один из них схватил винтовку.

Тут я увидела, что это предатели. Что мне было делать? Я достала револьвер, подаренный мне Анджиевским, и приготовила его на случай, если придется покончить с собой.

Я мучилась. Мысль о ребенке не давала мне покоя.

Бой кончился. Белые забыли обо мне. Я видела в окно, как они выстроились перед станцией. Их командир благодарил станционное начальство. Из его речи я поняла, что нас предали. Оказывается, разведка белых приходила накануне в Беслан и договорилась с железнодорожным начальством о задержке поезда с ценностями до прибытия их отряда.

Белые пошли на Владикавказ. Предварительно они расстреляли нескольких стрелочников и сторожей, на которых станционное начальство указало как на большевиков.

Вечером, оставшись в дежурке одна, я вылезла незаметно в окно и снова пошла искать ребенка. Но никого кругом не было. Значит, их убили! Убили и Ваню и мою девочку!

Я бродила всю ночь, разыскивая детей среди валявшихся повсюду трупов. Всех пересмотрела. У вагона в деревянном ящике я нашла трупик новорожденного ребенка. «Может быть, так вот и девочка моя лежит где-нибудь в поле замерзшая», подумала я, содрогаясь.

На другой день я заболела грудницей. Жар, бред, страшные боли. В бреду я все время видела своего ребенка в снегу. Он кричит, но я боюсь взять его руками, чтобы не обжечь, мне казалось, будто руки мои в огне. Я пыталась наклонить грудь, чтобы накормить его, не дотрагиваясь до него руками. Какое это было мученье!

Девочку свою я так и не нашла. Единственное, что меня поддерживало, были слухи о том, что Владикавказ держится, не сдается. Я старалась помочь нашим. Проследила, где у белых протянуты провода полевых телефонов, и перерезала их.

★

Все мы с тревогой следили за судьбой Владикавказа. Мы видели пылающие аулы, подожженные белыми. С группой товарищей я пробралась во Владикавказ. Вскоре город занял Шкуро. Владикавказ был полон офицерья. Начались аресты.

Рано утром послышался в коридоре звон шпор. Потом постучали в дверь. Женщина, у которой я жила, ушла на рынок, я осталась одна. Вдруг в комнату вваливается целая толпа офицеров с криком:

— Руки вверх!

Ничего не найдя, они повели меня под конвоем в контрразведку. Там стали допрашивать, но я не хотела отвечать.

— Ничего, мы тебе развяжем язык, — сказали палачи.

Меня посадили в комнату для смертников. Допросы производили ночью. Доводили до обморока моральными пытками. Все добивались, где Анджиевский. На последнем допросе я потеряла сознание. Тогда белые, надеясь, что Анджиевский придет ко мне, отправили меня домой. Я же получила в это время точные сведения, что Анджиевский отступил вместе со всеми на Тифлис.

В полночь белые врывались ко мне в комнату, и начинался обыск. Эти обыски доводили меня до исступления. Я обязана была каждый день являться в контрразведку. Однажды, когда я пришла туда, ко мне подошел делопроизводитель — очевидно, это был наш человек — и тихо сказал:

— Немедленно удирайте, иначе вас повесят.

Я пробралась в Тифлис, а затем в Баку и разыскала там в подполье Анджиевского. Всюду шли обыски. Мы переезжали с одного места на другое. Семнадцатого августа Анджиевский уговорил меня пойти в кино.

Я очень не хотела итти, у меня было тяжелое настроение. Я сидела в кино, почти ничего не видя, и не могла говорить. Анджиевский, наоборот, был очень оживлен и много говорил.

Когда мы вышли после сеанса и перешли улицу, за углом уже ждал автомобиль и человек двенадцать из английской полиции, одетых в шотландские костюмы. Они бросились на нас и схватили Григория. Я громко закричала, надеясь на помощь людей. Но Анджиевский сказал:

— Аня, умей держать себя на улице!

— Ты не понимаешь, что происходит! — ответила я.

— Прекрасно понимаю, но умей держать себя.

Народ, действительно, собрался, но держался поодаль, очевидно, боясь что-либо предпринять. Нас втолкнули в автомобиль и повезли в английский штаб.

Меня раздели, расплели косы, разрезали каблуки — искали бриллианты. Обыскивал меня кабардинский князь Кубатиев из Кисловодска. Я не помню всего. Я была больна, в жару. Иначе, вероятно, я сошла бы с ума.

Анджиевского немедленно посадили на пароход «Крюгер» и отвезли в Петровск. В Петровске гнусно издевались над ним. Его водили по улицам в цепях, с плакатом на спине, на котором было написано: «Вор, убийца, грабитель».

В Пятигорске его посадили в камеру и в нее напустили воды. Держали его все время в цепях. Потом его судили и приговорили к повешению.

Тридцать первого августа он был повешен. Белые спешили покончить с ним. Он был для них опаснейшим врагом.

Меня освободили после его казни. Когда я пришла домой и узнала о смерти Анджиевского, я упала без сознания. У меня отнялись рука, нога и половина лица.

Как только начала выздоравливать, я попросила партийный

комитет, чтобы меня послали на фронт. Меня отправили под Дербент, где я и находилась до прихода советских войск.

В двадцатом году я с товарищами поехала в Пятигорск. Снова искала свою девочку. Там мне сказали, что братишка мой жив и находится в Ставрополе, работает в комсомольской организации. Ваня узнал, что я в Пятигорске, приехал и рассказал мне о ребенке.

... Выскочив из вагона на станции Беслан, он побежал по направлению к Назрани. Там он зашел с ребенком к одной ингушке, у которой был свой грудной ребенок. Она накормила мою девочку и вымыла ее. Ваня с ребенком пошел дальше. Одна сестра милосердия уговорила его отдать ребенка ей. Она сказала, что едет сейчас во Владикавказ и передаст девочку мне. Ваня узнал, что сестра милосердия отнесла ребенка к той же ингушке и у нее оставила.

Я решила поехать к ингушке. Партийный комитет дал денег на поездку. Приехав к женщине, я увидела на руках у нее ребенка и бросилась к нему. Мне показалось, что девочка похожа на Анджиевского. Но ингушка сказала, что это ее собственный ребенок, а моя девочка заболела и умерла тридцать первого августа. Это был день смерти Анджиевского.

Я решила, что ингушка меня обманывает, и предложила ей денег. Но она покачала головой и сказала:

— Мулла покупал твою девочку, давал барана, кур, но я не отдала. И никому не отдала бы, если бы она была жива.

— Как же не отдала бы? Ведь я мать!

— Нет, я мать. Я ее выкормила. Она мне дочь, мы сделали ее магометанкой. Мы назвали ее Марджан. За это аллах наградит нас, мы будем все в раю — и мы, и ты, и твой Адам.

Она показала мне пеленки и одеяльце девочки. Потом повела на могилку. Я плакала на могилке — не знаю — своего или чужого ребенка.

МОЛОДЫЕ ГЕРОИ[1]

Процесс 17-ти... Под таким заголовком рассказывает № 146 подпольного «Одесского коммуниста» о кошмарной расправе с девятью юными товарищами, павшими жертвой издыхавшей белогвардейщины.

---

[1] «Правда» № 88 от 25 апреля 1920 года.

После долгих месяцев самого дикого произвола вначале немцев, затем французов, англичан, греков и, наконец, скоропадчины и петлюровщины в Херсон явилась долгожданная Красная армия. Восторг — неописуемый. Как и в первые дни революционного подъема, люди, совершенно незнакомые, целуются на улицах, поздравляют друг друга. Но время не ждет. Впереди — колоссальная работа по восстановлению разрушенного и укреплению советской власти. Коммунистический союз молодежи выдвигает ряд юных, полных жизненной энергии и энтузиазма работников.

Но недолго длились радостные дни. Наступил август. Черные тучи нависли над Херсоном. После целого месяца отчаянного сопротивления наши войска, отрезанные от центра и окруженные со всех сторон противником, должны были оставить город. Все причастные к советской власти эвакуировались. Перебрались в Николаев, а затем в Одессу и юные коммунисты. Здесь, в царстве черносотенной своры, они опять принялись за подпольную работу. Но слишком смелы были действия юных подпольщиков, и белогвардейская лапа их скоро настигла. Арестовали семнадцать человек.

Все издевательства и пытки озверевших белогвардейцев ни к чему не привели: сверхчеловеческой силой воли товарищи сдерживали рвавшиеся из груди крики и на все вопросы отвечали молчанием. Суд продолжался двое суток. В субботу, 4 января ст. стиля, он закончился вынесением девяти товарищам смертного приговора (через повешение), а остальных приговорили к каторге. Осужденные держали себя спокойно, бодро и стойко.

В последнем слове товарищ Ида еще раз указала, что она вполне сознательно делала то, в чем ее обвиняют, зная, что по головке ее за это не погладят, но прощения или помилования она просить не собирается. Пусть только остальным невиновным смягчат участь, а о себе она не хлопочет.

— Только и всего? — насмешливо спросила товарищ Ида, выслушав приговор. — Знайте же, хотя бы вы каждый день убивали по десять человек, наши товарищи каждый день берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы ее спели нам.

— Неужели вы думаете, — подхватил товарищ Борис, — что бессмысленным убийством десятка человек, почти детей, вы совершили великое дело? Лучшие наши товарищи, старые партийные работники, целы и ни на минуту не оставляют работу. Вы ничего не добились, лишний раз доказав свое бессилие.

Много им говорить не дали. Через 24 часа должна была совершиться казнь. Осужденные держали себя геройски, даже стража плакала, видя, как радостно встречали смерть эти юные революционеры.

Пятого вечером их должны были прикончить. Караул — и первый и второй — отказался вести на расстрел. Они прожили еще ночь. В понедельник, шестого января, в девять часов вечера, за ними

пришло несколько пьяных грузин, которые предварительно зверски поиздевались над осужденными и избили их до потери сознания. Потом потащили их в погреб, и в тот момент, когда красные войска победоносно вошли в город Херсон, началась страшная расправа над девятью юными коммунистами. Многие умерли не сразу. Их добивали в пьяном озверении прикладами. Когда же после расправы несколько стражников полюбопытствовало взглянуть в погреб, страшная картина смерти поразила даже их, видавших виды.

Девять человек с размозженными черепами сидели и лежали в разных местах. Товарищ Безбожный с невестой лежали, обнявшись, в одном углу, товарищ Ида, крепко сжимая руку Бориса,— в другом; подле них лежали разбитые винтовки. Кровавая расправа кончилась геройской смертью этих молодых, но стойких и страстно преданных делу коммунистов. А на следующий день в подпольной газете «Одесский коммунист» появились следующие посмертные письма убитых, которые мы приводим целиком.

I

«Девять коммунистов, осужденных 4 января 1920 года военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал! Осужденные:

Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дуниновский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барк».

II

«Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, т. е. неделю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били, не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в уголовном розыскном, ночь со вторника на среду провел в Петропавловском участке. Приблизительно до полудня был спокоен, т. е. думал, что меня отпустят скоро; через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часу; били резиной, ногами, крутили руки и ноги, одну ногу вытянули к лицу, другую к затылку, поднимали за волосы, клали на пол и танцовали по телу, били в лицо, зубы, но так, чтобы не осталось повреждений. Наконец, взбешенный моим молчанием, Иваньковский, первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок. Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал. Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватали и снова били. На рассвете меня опять

вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работающих со мной. Снова били долгое время и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием. Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался, после чего Иваньковский, махнув рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок. Фактически я уже распрощался с жизнью, и, если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок, выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перспективы на воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало. Без борьбы я не сдамся, без борьбы я не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой.

Прощайте, Ваш Зиг».

III

«Дорогие товарищи!

Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд скорый, но неправый, меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдав. Будьте счастливы и ведите дело до конца, что мне, к сожалению, не удалось.

Пишу в то время, когда осталось 24 часа жизни. Только что окончилось заседание военно-полевого суда, которое присудило меня и других товарищей к смертной казни через повешение. Настроение очень веселое, бодрое, ибо знаем, за что умираем. Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отомстят, кому следует. Писать больше не хочется. Привет всем. Оставайтесь счастливы.

Борис (Туровский)».

IV

«Милые родные, через 24 часа меня повесят в назидание потомству. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж? Глубоко убеждена, что процесс семнадцати человек имеет большее значение для революции, чем смерть девяти человек из их числа. Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на политические темы. После двух недель ареста сразу почувствовала себя свободной. Только жалею и тужу, что осудили многих слишком строго. Мне двадцать лет, но я чувствую, что за это время стала гораздо старше. Мое желание в настоящий момент, чтобы вы все, мне близкие, отнеслись к моей смерти так, как отношусь я, — легко и сознательно. Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Краснощекина».

V

«Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через восемь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так. Жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом. Целую мою старенькую мамочку — товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы все, приговоренные, держим себя прилично, бодро. Сегодня читали в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина, и начнется живая, созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней. Ну, прощайте, будьте счастливы.

Дора Любарская».

VI

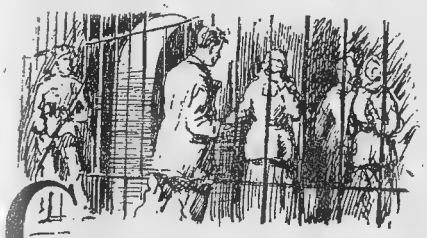
«Дорогие товарищи, еще несколько часов осталось жить. Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству.

Яша Безбожный».

VII

«Дорогие товарищи! Еще 24 часа осталось жить, но мы и не унываем и не падаем духом. Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует. Надеемся, что наша смерть не пройдет даром. Рабочий класс увидит воочию, что принесла им Добровольческая армия. Прощайте.

Поля Барк».



А. СОЛОГУБ

«НЕВЕСТА»

Записала и обработала Ида Брук

С Владикавказом связано все мое безрадостное детство и моя счастливая революционная молодость.

С десяти лет я стала батрачить. Трудно вспомнить все места, где приходилось работать из-за куска хлеба.

Вначале я работала на огородах, потом два года заворачивала конфеты, позже поступила в мастерскую к портнихе разогревать утюги. Мыла на заводе бутылки.

Много мест пришлось переменить, но везде было одно и то же, — всюду эксплоатировали мой труд.

Рано выйдя замуж, я была придавлена нуждой и заботами. Мужа — маляра — забрали на империалистическую войну, и я осталась с тремя детьми без средств к существованию.

Работая восемнадцать часов в сутки, бедствуя, голодая, я не имела возможности прокормить семью.

После Февральской революции жены фронтовиков выбрали меня контролером по выдаче пенсии и топлива.

Под руководством товарища Якова Львовича Маркуса и Марии Львовны (жены тов. Кирова) вступила я на путь политической борьбы. Всюду агитировала за прекращение войны; требовала возвращения мужей с фронта, увеличения пайков и денежного пособия.

Я так же, как и другие, выступала на митингах. Каждое слово выступавших глубоко западало в сердца слушателей.

В восемнадцатом году я вступила в большевистскую партию. Выполняла все поручения партийного комитета. Была связисткой отряда Гегечкори. Доставляла отряду патроны. Позже с коммунистическим отрядом ушла на фронт красной сестрой.

В феврале девятнадцатого года во время наступления деникинцев на Владикавказ я была на передовой линии фронта. Восемь суток продолжался бой. Красным пришлось, напрягая последние силы, бороться с хорошо вооруженным, превосходящим их численно противником.

Дрались до последнего патрона — надо было дать возможность раненым красноармейцам и партизанам отступить в Тифлис.

На Степной улице и в Курской слободке шел решительный бой. Наш броневик «Товарищ, вперед» был сбит снарядом. Командиру броневика осколком снаряда раздробило челюсть. Несмотря на тяжелое ранение он успел дать последнее распоряжение — взорвать броневик, чтобы белогвардейцы не смогли его использовать.

Я была на месте взрыва. Подбежав к броневику, увидела истекающего кровью, потерявшего сознание командира.

Не знаю, как хватило сил поднять и на руках отнести его в военный госпиталь. Я понимала, что считанные минуты оставались до взятия города белогвардейцами, но командиру необходима была медицинская помощь, и там ему ее оказали.

В город вошли деникинцы. Я спрятала забинтованного командира в помещении, отведенном для умерших от тифа бойцов 11-й армии.

Вместе с другой медицинской сестрой, рискуя каждую минуту быть пойманными, мы перенесли его в больницу Туганова.

Там, как и везде, было небезопасно. Каждый день контрразведка выводила оттуда раненых и расстреливала их. Я боялась за жизнь командира. Ему было необходимо лечение, но я решилась вывести командира из больницы: надо было во что бы то ни стало его спасти. Другого выхода не было.

Была морозная, слишком светлая ночь, чтобы можно было пройти по улицам никем незамеченным.

Я надела на командира все, что у меня было, и, закрыв ему лицо, вела его по молчаливым улицам. Он задыхался в бинтах и платках, намотанных на него.

Наконец мы пришли на квартиру доктора Островского. Там командир пролежал трое суток. Больше доктор не мог его держать у себя. Пришлось поместить его под чужой фамилией в другую больницу.

Все же двадцать пятого апреля он был взят из больницы контрразведкой и посажен в одиночку. Военный суд приговорил его к повешению. Но товарищи, оставшиеся во Владикавказе, устроили ему побег и спасли его.

Я собирала голодных и больных красноармейцев, прятала их, кормила, носила пищу находящимся в больнице.

Контрразведка меня искала.

Пришлось бежать в горы и дальше — в меньшевистскую Грузию.

В Грузии я работала в подполье, получая средства на существование от Закавказского краевого комитета.

Время было тяжелое. Члены подпольного комитета были арестованы и посажены в Метехский замок. Каждый день я подходила к замку, построенному на высоком обрыве. В отчаянии бродила вокруг него, но ничего не могла сама придумать для освобождения арестованных.

Внизу беспрерывно шумела Кура... Ворота замка были наглухо заперты.

Наконец мне удалось пробраться в замок. Я успела поговорить с Филиппом Махарадзе, который сказал мне:

— Вы должны освободить находящегося в замке товарища Сидорова...

Назавтра я объявила тюремному начальнику, что я — невеста Сидорова.

В богатом наряде, беспрерывно рыдая, я умоляла грузинских меньшевиков о встрече с моим возлюбленным женихом.

После долгих просьб мне, наконец, разрешили свидание с Сидоровым.

Я сильно тревожилась. Сидоров меня совершенно не знал. Он мог, чего доброго, отказаться от какой-либо невесты и этим сорвать весь план своего освобождения и вместе с тем погубить меня. Смутно помнила я лицо Сидорова по Владикавказу и боялась не узнать его.

Наконец меня позвали. За решеткой стоял вызванный Сидоров.

Когда ему сказали, что его ждет невеста, он понял, что к нему кого-то послали от партийного комитета.

В комнате в ту минуту находились четыре женщины. Он не знал, какая же из них прислана к нему. Минуту он стоял в замешательстве за решеткой. Часовые ждали... Но я, узнав его, первая под-

бежала к решетке. Сидоров протянул руку и крепко сжал мою, надеясь получить от меня какую-нибудь записку.

От всего пережитого за минуту до этого я залилась подлинными слезами. Встреча показалась искренней и горячей. Все шло как нельзя лучше. Часовые отошли. Мы остались с глазу на глаз. Я спросила:

— Есть ли у вас у самого какой-либо план?

— Бежать отсюда нельзя, — ответил он. — Добейтесь встречи с министром грузинского правительства Карцевадзе. Во время его приезда во Владикавказ для заключения продовольственных договоров я его спас. Просите его о моем освобождении.

Свидание кончилось. Время уже истекло. Обещав Сидорову все сделать, я ушла.

На следующий день, одевшись получше, подходила я к Головинскому проспекту, где находилось здание грузинского правительства.

С большим трудом удалось добиться приема у министра. Он сам вспомнил все детали помощи, оказанной ему Сидоровым, и обещал все сделать для его освобождения.

Оказалось, что когда Карцевадзе как представитель Грузии в восемнадцатом году приехал во Владикавказ для заключения продовольственных договоров, его и офицера-секретаря окружили красногвардейцы и хотели расстрелять. В это время случайно подоспел Сидоров, выяснил недоразумение и помог грузинам благополучно добраться домой.

Трудность освобождения Сидорова заключалась теперь в следующем: когда в Душетии вспыхнуло восстание против меньшевиков, Сидоров, идя на помощь восставшим, подписал приказ о наступлении.

Меньшевистское грузинское правительство, арестовав на Военно-грузинской дороге всех бежавших к ним от белых, искало среди арестованных Сидорова.

Я вышла из приемной, не веря возможности освобождения Сидорова. Каково было мое удивление, когда в Метехский замок пришел приказ об освобождении Сидорова! Ему предлагалось в двадцать четыре часа покинуть пределы Грузии. Приказ был прислан в замок в двенадцать часов ночи. Товарищи, сидевшие вместе с Сидоровым, сказали ему:

— До рассвета не выходи из ворот замка, а то в дополнение к приказу об освобождении тебя, пользуясь темнотой, убьют.

Утром Сидоров вышел из Метехского замка. С тех пор я не видела больше никогда моего «жениха».

Возвратилась я из Тифлиса во Владикавказ в двадцатом году. Работала в ревкоме.

Два раза я была избрана в партийный комитет и городской совет. Сейчас — на кооперативной работе.

А. ШЕВЧЕНКО

СОЛДАТКА

До революции я работала в Екатеринодаре швеей. Шила по богатым домам. В шестнадцатом году моего мужа взяли на войну, и я осталась солдаткой. К этому времени шитье окончательно испортило мое зрение. Я поступила в прислуги. Здесь, у плиты, меня застала революция. Я ушла от хозяйки. Стала жить тем, что продавала свои вещи, и все свободное время проводила на митингах. На меня обратили внимание большевики Яцкевич и Власов и вовлекли в общественную работу. Под их руководством был организован женский союз солдаток. Официально он организовался двадцать пятого марта семнадцатого года с целью материальной помощи солдаткам. Все члены платили взносы по десять копеек в месяц. Союз, председателем которого я была избрана, насчитывал до трех тысяч членов.

Третьего июля мы узнали о большевистской демонстрации в Питере и стали готовиться к своей демонстрации и забастовке. Несколько дней усердно вышивали наш лозунг на красном знамени. Раз вечером я прихожу домой и вижу: моя подруга, Гогричиани, спарывает буквы с нашего знамени, а сама плачет. Я возмутилась:

— Что ты делаешь?

Она со слезами на глазах рассказала, что приходили офицеры с меньшевиками и заставили ее уничтожить лозунг. Так и сорвали меньшевики нашу демонстрацию. Начались аресты. Гогричиани меня предупредила, что в нашей квартире был обыск. Я скрылась у знакомых в Магиновском переулке, где и жила до четырнадцатого марта восемнадцатого года, когда пришли наши. При советской власти меня назначили комиссаром социального обеспечения, во главе которого был некто Иорданский, беспартийный. Кроме того я ведала пайками. Вскоре мы узнали, что на Екатеринодар движется Корнилов. Всколыхнулся весь трудовой Екатеринодар — началась усиленная запись добровольцев в Красную гвардию. Я записалась одной из первых и получила винтовку английского образца. Тяжелая была, отбила мне все плечо. Командиром нашего отряда был Сафронов.

Фронт уже был под самым Екатеринодаром, шла стрельба. Часа полтора мы стояли в резерве, затем, когда Корнилов подошел к городу, выступили на позиции. Стали перебежкой занимать передовые окопы. Перебежкам меня научил муж-фронтовик, поэтому я не только сама умела хорошо перебегать, но и других учила.

Во все время боев я была на передовых позициях. Днем — в окопах, а ночью работала с бригадой женщин, обслуживая фронт.

Однажды вечером я собралась итти в свою бригаду. Только что отошла от окопов, вижу — наши бегут, отступают. Я остановилась, стала задерживать бегущих. Некоторых красногвардейцев удалось задержать. Мы легли и стали отстреливаться от приближающихся корниловцев. В этом месте наступление было приостановлено, но части белогвардейцев удалось все-таки прорваться в наш лазарет, где они перебили много раненых. Кто остался в окопах — спасся, кто бежал — был убит. Предал нас орудийный наводчик.

В момент решительного наступления мне было поручено организовать санитарную помощь. Большинство врачей разбежалось. Один лишь А. Я. Меерович пошел добровольцем. Остальной медперсонал пришлось силой доставлять на позицию. Все же мы отстояли наш Екатеринодар.

После ликвидации корниловщины я опять работала на старом месте. Обстановка была тяжелая, часто нехватало денег на пособия солдаткам. Как-то спровоцированные женщины пришли к нам и стали угрожать разнести отдел социального страхования, если им не дадут пособия. Иорданский и его секретарь, меньшевик, струсили и потихоньку скрылись. Я осталась одна уговаривать возбужденных солдаток. Их собралась громадная толпа, больше трех тысяч. Сначала женщины не хотели меня и слушать, но затем, когда я им пообещала, как только будут деньги, выдать и напомнила, что я выбрана ими же, они успокоились и даже стали извиняться.

Вскоре мы получили из центра деньги и раздали их солдаткам.

В августе восемнадцатого года пришлось нам отступить. Белые заняли Екатеринодар.

В отряде особого назначения я прошла сначала в Невинку, затем в Армавир. Здесь нам пришлось бороться с внутренней контрреволюцией: анархисты хотели разграбить государственный банк. Но мы сумели отстоять банк, не прибегая к оружию, — удалось анархистов убедить отказаться от грабежа. Белые теснили нас. Несмотря на ожесточенное сопротивление нам пришлось оставить Армавир и отступить на Пятигорск. В начале сентября из членов партии был создан коммунистический полк, куда вошла и я. Нас бросили на Ессентуки, занятые офицерскими частями. Подошли мы к Ессентукам. Проливной дождь, грязь по колено. Мы легли в лужи и открыли сильный огонь по белогвардейцам. Только с помощью подоспевшей кавалерии удалось нам разбить офицеров и ворваться в город. В Ессентуках разгорелся рукопашный бой. Офицеры прятались в уборных, в колодцах и чанах. Всю ночь вылавливали мы и уничтожали белых, а к утру, переодевшись в офицерские мундиры, двинулись на Пятигорск. Увидев офицерский отряд, вся контрреволюционная свора высыпала на улицы. Мы, конечно, сумели ее забрать.

Впоследствии коммунистический полк был влит в Таманскую армию. Болезнь свалила меня с ног. После выздоровления я была послана в Благодарненский уезд организовывать комитеты военнопленных и беженцев (компленбеж). Положение в это время было очень тяжелым — белые повсюду наступали. Пришлось мне переехать в село Рогули. Здесь я впервые узнала о предательстве Сорокина.

В конце декабря меня командировали в Грозный за картофелем для компленбежа. По дороге заболела сыпняком. Больная, без сил, провела я работу в Грозном и поехала обратно. По дороге в Георгиевск тиф окончательно свалил меня.

Кругом шли бои. Отступающие из Георгиевска советские войска не знали, что в местной больнице лежат коммунисты, и во время эвакуации оставили нас, больных.

Город заняли белые. Я сожгла свои документы. Врач разрешил нам, коммунистам, пробыть в больнице еще несколько дней, но в конце концов выписал. Со мной была сестра из отряда Кочубея. Вышли мы из ворот госпиталя, стоим и думаем, куда итти, что делать. Вдруг подходит какая-то женщина и предлагает итти с ней. Через весь Георгиевск она повела нас к себе на квартиру. Сначала мы боялись, что она нас выдаст контрразведке. Но женщина приняла нас радушно, накормила и заявила, что сочувствует большевикам. Звали ее Феней. Переодевшись с ее помощью, я отправилась на вокзал, чтобы выехать к себе в Екатеринодар. На вокзале снуют жандармы, офицеры.

Мне удалось спокойно сесть в поезд. По дороге выяснилось, что в Минеральных водах проверяют пропуска. Доехав до станции, я слезла с поезда и отправилась к знакомым женам коммунистов с просьбой меня приютить. Но они не могли этого сделать, так как с минуты на минуту ожидали ареста. Нечего делать, пришлось самой итти в контрразведку за пропуском для дальнейшего пути. Дожидаясь очереди, я смешалась в толпе. К счастью, начальник местной контрразведки был пьян. Он поглядел на меня и вдруг засмеялся.

«Ну, — думаю, — попалась».

Оказывается, он обратил внимание на мои новые, недавно купленные в Петровске ботинки.

— Вы жена коммуниста?

Я не растерялась, смотрю ему в глаза и отвечаю:

— Да, у меня муж четыре года коммунистов в австрийском плену защищает. А ботинки, на которые вы смотрите, я взяла у сестры.

Стала просить у него пропуск. Он ничего не сказал и дал пропуск, а потом попросил меня свезти заодно в Екатеринодар какую-то больную женщину. Даже выдал мне пропуск для бесплатного проезда. Я хотела положить этот документ в карман, распахнула пальто и вдруг вспомнила, что на мне военная гимнастерка. Хорошо, что пьяный контрразведчик ничего не заметил. При содей-

ствии какого-то казака удалось нам с больной беженкой сесть в вагон. Добрались, наконец, до Екатеринодара. От пережитых волнений я так ослабела, что не в силах была выйти из вагона. Случайно увидели нас знакомые солдатки и помогли добраться до квартиры, где жили подпольщики. Сообщили обо мне председателю подпольного комитета Лиманскому.

Приехав в Екатеринодар, первым делом я забрала из приюта находившуюся там мою дочь. Контрразведка пронюхала об этом и принялась меня разыскивать. Пришлось переменить квартиру. Только что устроилась, явился сыщик. Хорошо еще, что хозяйка сумела его напоить. Так и кочевала с квартиры на квартиру. Лечила меня доктор Красникова, тоже подпольщица. Только к апрелю я оправилась от сыпняка. В это время вернулся из плена мой муж. Белые хотели его мобилизовать в свои войска, но он решил бежать в Горячий ключ — там появились красно-зеленые. Звал и меня с собой. Подпольный комитет одобрил наше намерение, и тогда, оставив дочь у знакомых товарищей, перебралась я к красно-зеленым. Через меня наш отряд поддерживал связь с городом. Работа была очень рискованной. Самым опасным местом был мост через Кубань, где стояли посты. Переходя его, я завязывала щеку, грызла семечки и вообще придавала себе вид торговки. Несколько раз чуть было не попалась белым, и поэтому в конце концов товарищи запретили мне приезжать в город.

Силы красно-зеленых росли. В двадцатом году мы уже сумели собрать подпольный повстанческий съезд. Средств у нас не было. Я предложила собрать деньги среди сочувствующих крестьян под видом сбора на монастырь. Предложение было принято. Переодевшись монашкой, я стала обходить крестьян и, таким образом, собрала немало денег и продуктов.

После того как наш отряд выгнал белых из станицы Ключевой, местное население убедилось в нашей силе. Теперь крестьяне начали продавать нам продукты даже на деникинские «колокольчики».

Во время отступления Деникина 15-й повстанческий батальон красно-зеленых разоружил несколько тысяч деникинцев и с приходом Красной армии присоединился к ней. Отряд с шестидесяти трех человек вырос до нескольких тысяч бойцов.

После восстановления советской власти на Северном Кавказе я работала в Горячем ключе и Пятигорке в качестве военного комиссара.

В одной из станиц мною была создана сельскохозяйственная коммуна. Но на Кубани еще орудовали белогвардейские шайки. Темной ночью ярко вспыхнули два овина на самом краю станицы — налетела банда. Я вскочила с постели и схватила винтовку. Затрещали по всей станице выстрелы. Мы рассыпались цепью по огородам, отбиваясь от налетевших бандитов. Жестокий бой продолжался свыше суток. На помощь к нам пришел из соседней станицы отряд казачьей бедноты, и банда была отогнана. Многих коней, коров и овец не досчитались мы после ухода бандитов.

Долго еще нам пришлось бороться с бандитизмом, прежде чем на Кубани окончательно укрепилась советская власть.

Сейчас я работаю в Краснодаре на 12-й госшвейфабрике в качестве вахтера. Имею орден. Член горсовета и активистка Комиссии советского контроля.

Л. АРГУТИНСКАЯ

«АЛЕШКА»

По воспоминаниям Е. Алексеевой

Это было в девятнадцатом году.

В теплую августовскую ночь на станцию Александровскую, где расположился на отдых после долгого перехода один из полков Богучарской дивизии, неожиданно ворвалась конная часть генерала Мамонтова.

Станция и поселок спали, когда у окраинных домов ночную тишину прорезал выстрел, за ним раздался другой, и затем со всех сторон началась перестрелка.

Бойцы вскакивали с мест, ошалело схватывали винтовки и, сонные и растерянные, выбегали на улицу, на ходу обуваясь и застегивая одежду.

Около железнодорожных путей по темным переулкам затрещала беспорядочная стрельба.

От штаба полка, горяча лошадей, неслись всадники.

— Товарищи, в цепь! Без паники! — донесся высокий голос, и из темноты вынырнула белая лошадь. Худощавая юношеская фигура низко пригнулась к седлу. Серая папаха лихо сидела на затылке, и в отсвете фонаря на короткое время промелькнуло круглое, почти детское лицо с маленькими оттопыренными ушами.

И затем опять, уже из темноты, донесся тот же звонкий голос:

— Ну, куда ты прешь? Голову потерял? Удирать будешь — в два счета прихлопают. Гони к пакгаузам, там цепь лежит.

Всю ночь в поселке и на станции шла непрерывная, горячая стрельба. У конца улицы вспыхнуло яркое зарево, оттуда доносились людские крики и испуганное конское ржанье.

Мамонтовцы подожгли дома.

С одного конца селения на другой вслед за командиром полка носилась на белой лошади юношеская фигура.

На рассвете белые притихли, замерли, а затем отдельными группами, небольшими разорванными цепочками, отступили в степь.

Командир полка еще долго объезжал части, проверяя дозоры, отдавая распоряжения, а затем повернул коня и поехал к штабу.

★

Солнце уже совсем взошло, когда командир проснулся и растолкал рядом с ним примостившегося на полу Алешку.

Через несколько минут они уже сидели за картой, и командир отчеркивал карандашом местность.

— Вот видишь, как получилось, — говорил командир ровным, спокойным голосом, — надо тебе срочно двинуться в станицу Никольскую. Это верстах в двенадцати отсюда. Расскажи в штабе дивизии, что ночью творилось. Надо, чтобы там приняли наших раненых. Да потом выясни, почему до сих пор не выслали снаряды и патроны. Мне еще несколько дней тому назад обещали. Не пойму, чего тянут.

В дверях задержал парня:

— В Александровскую сейчас должен вступить отряд курсантов. Там у них около ста бойцов да несколько ребят из штаба. Хоть Мамонтова и отогнали, а все же в одиночку ездить не следует. Разыщи их и двигайся. А в штабе скажешь, что донесение я попозже с нарочным пришлю.

Алешка быстро вышел во двор, отвязал от седла мешочек и, вытащив огрызок гребешка, перед осколком зеркала причесал волнистый спутанный чуб. Затем, узнав от часового, где находится отряд курсантов, вскочил в седло и тронул поводья.

На улице было спокойно, только широкая, развороченная снарядом яма у самого штаба напоминала о ночном бое.

Алешка поравнялся с работником штаба дивизии Белецким, который ехал во главе отряда.

— А! — кивнул тот головой и улыбнулся. — Ну, как живешь?

— Замечательно. Вместе с вами думаю дальше двигаться.

Сзади однотонно, мерно цокали лошадиные копыта, и в такт им позвякивали мундштуки.

В прозрачном, осеннем воздухе особенно отчетливо виднелись дальние поля, небольшие пригорки и темные группы деревьев.

— Далеко еще до штаба? — спросил Алешка, радостно вдыхая свежий воздух.

— А вот смотри туда: видишь пригорок около леса? Там спустимся в лощину, а потом направо, — говорил Белецкий, показывая концом плетки. — Оттуда версты четыре.

— Не пойму я, Белецкий, — немного помолчав, сказал Алешка, — откуда эта катавасия началась? Каким образом Мамонтов прорвался к нам? Почему он оказался в тылу Красной армии? Ведь линия фронта проходит гораздо южнее.

Белецкий вытащил из кармана коробку папирос и, угостив Алешку, с удовольствием закурил и сам.

— Да видишь ли, у Деникина дела не сладки. Он хоть и продвигается к северу, а в войсках его большая червоточина. Как он ни скрывает, а это — уже развал армии. Кто у него на фронте? Или лучшие надежные части — корниловцы, марковцы — или же

мобилизованные пленные красноармейцы, которых гонят под пулеметами.

Далеко на горизонте показался верховой. Он въехал на курган, немного потоптался на нем и снова спустился вниз.

— Видишь? Кто там? — настороженно спросил Алешка.

— Дозоры наши, вероятно, — спокойно ответил Белецкий.

Отряд медленно спускался к лощине, с боков подымались высокие пригорки, перерезанные небольшими оврагами, поросшими молодым леском.

Из-за поворота неожиданно показалась какая-то кавалерийская часть. У всадников сверху папах виднелись перекинутые красные ленты.

— Чорт знает! — удивленно обернулся к Алешке Белецкий.— Откуда здесь может быть кавалерийская часть? — и, слегка пришпорив коня, рысью двинулся навстречу командиру, лихо сидевшему на гнедом жеребце.

Алешка двинулся вслед за ним. И только когда подъехал на расстояние нескольких сажен, увидел на плечах командира следы от срезанных погон.

Никто не ожидал того, что случилось вслед за этим. Где-то рядом оглушительно раздался выстрел.

Курсанты рывком сбрасывали с плеч винтовки, поворачивая коней. Но и сзади и с боков, из-за кустов и деревьев, выскакивали люди с винтовками наперевес, и со всех сторон неслись крики:

— Руки вверх! Оружие на землю!

От неожиданности отряд растерялся. Кто-то из курсантов бросился навстречу к кавалеристам, и тотчас же его тело, подброшенное на штыках, подскочило в воздухе и тяжело плюхнулось вниз.

— Мамонтовцы! — раздался сзади испуганный, приглушенный крик. — Они красными прикинулись!

Белецкий резко ударил плеткой коня и бросился в сторону, рассчитывая прорваться сквозь кольцо окруживших казаков.

— Ребята, сюда! — не своим голосом крикнул Алешка, но в этот момент офицер наперерез бросился к Белецкому.

Пригибаясь к шее лошади, Белецкий выхватил револьвер и выстрелил в офицера. Пуля скользнула мимо, и это решило дело. Алешка не видел взмаха шашки, он понял все только тогда, когда Белецкий зашатался и рухнул с седла на землю. Из рассеченного черепа вывалился розовый мозг.

Алешка растерянно оглянулся назад и, увидя товарищей с поднятыми кверху руками, злобно кинул свою винтовку на землю.

— С коней долой! — раздался тот же властный голос, и, обтирая шашку о край потника, офицер медленно подъехал к отряду.

★

Ровной шеренгой выстроились пленные. Недалеко от них прямо на земле грудой возвышались отобранные винтовки.

Курсанты стояли без шапок, с бледными, взволнованными ли-

цами и не спускали взгляда с офицера, который о чем-то разговаривал с двумя казаками. Выйдя на середину, офицер долго оглядывал стоящих и вдруг громко и отчетливо крикнул:

— Комиссары, казаки, евреи — вперед!

Шеренга неподвижно застыла на месте. Каждый хорошо знал друг друга: здесь были и политработники, и казаки, и евреи.

— Вы что, не слышали приказа? — повысил голос командир.— Кому сказал выходи — так выходи!

Пленные снова молчали.

— Не хотите? — рассвирепел офицер. — Тогда я сам за вас возьмусь.

— С нами был один комиссар — вон лежит убитый, а больше нету. А евреев и казаков тоже нету, — прозвучал алешкин голос.— Мы не строевая часть — мобилизованные.

— Мобилизованные? — усмехнулся офицер. — Ну ладно, я сам добьюсь, а тебя, горластого, особо проверю.

Он быстро прошел к началу шеренги и, обходя пленных, пристально заглядывал в лица и отрывисто задавал вопросы.

И в напряженной тишине торопливо доносились ответы:

— Из обоза я.

— Конюхом работаю.

— Рядовой.

Офицер медленно проходил вдоль ряда, и видно было, как у него двигались желваки на щеках.

— Хватит! — вдруг оборвал он. — Все у вас тут рядовые и обозники. А ну-ка, на десятого рассчитай да выводи вперед,— с собой заберу! — крикнул он уряднику. — Там уж узнаю, какие вы рядовые да обозники, шкуру спущу, а дознаюсь.

Каждый слышал стук своего сердца и прерывистое дыхание. И когда по шеренге побежал счет, люди застыли. И только слышно было, как тяжелым шагом выходил вперед десятый.

Кучка в девять человек стояла впереди пленных. Ее тесно окружили казаки, держа винтовки наготове.

Все напряженно ждали команды.

Урядник наклонился к офицеру и что-то быстро говорил ему, показывая взглядом на шеренгу. И тут все бойцы заметили, что он смотрит в сторону Алешки.

— Этот крикнул «ребята, сюда»? — переспросил офицер и шагнул к парню. — Эй ты, паршивец! И тебя, может быть, мобилизовали? Из евреев?

Алешка в ответ отрицательно мотнул головой.

— Нет? — переспросил офицер. — Покажи крест. Тоже нет? А ну-ка, давай его сюда! — крикнул он уряднику.

Тот подскочил к Алешке и, схватив его за руку, с силой выбросил вперед. Алешка споткнулся и растянулся около ног офицера. Вставая с колен, он говорил, подделываясь под плачущий детский голос:

— Дяденька, сирота я. Отца забрали, а я за ним.

Офицер, прислонясь к лошади, разглядывая мальчишескую фигурку, хмурил брови.

— А ну, перекрестись, — медленно сказал он и пристально следил за алешкиной рукой. Тот медленно, не спеша, перекрестился.

— «Отче наш» читай, да так, чтобы все слышали.

Алешка быстро затараторил молитву. Иногда он путал слова, и тогда у офицера медленно подымалась рука с плеткой.

Парень морщил брови, видимо, старался припомнить и, глотая слезы и целые фразы, поспешно продолжал.

— Хватит! — вдруг зычно приказал офицер. — С ними пойдешь, — кивнул он на отобранных пленных. — А чтобы в другой раз неповадно было с босяками ходить, всыпать ему пятьдесят горячих.

Несколько человек бросилось на парня. Он визжал, вырываясь из рук. Казак стащил с него сапоги, урядник схватил за штаны и рванул их вниз.

Кто-то охнул, несколько человек громко захохотало, по толпе пронесся гул и свист.

— Да это же баба, ваше благородие, баба это! — перекрывая гул, заорал урядник и, присев на землю, залился тонким, взвизгивающим смехом.

Офицер с любопытством рассматривал лежащее на земле женское тело и злобно смеялся.

Из казачьей толпы понеслись похабные, обидные слова.

— Баба! — крикнул офицер, когда кругом смолк хохот. — Всыпать ей горячих, чтобы не занималась не своим делом.

Несколько казаков навалилось на тело, двое схватили плетки. Сквозь рассеченную кожу брызнула кровь. Бойцы с изумлением и с состраданием смотрели на извивающееся тело.

Только Белецкий из всего отряда знал, что «Алешка» — это девушка Дуня Алексеева.

★

После двадцатого удара, когда спина покрылась кровавыми ранами, офицер прекратил порку.

— Веди этих, — крикнул он уряднику, показывая на пленных, — в поселок Чеховецкий.

У «Алешки» не было сил подняться. Она лежала, уткнув лицо в землю, чувствуя во рту теплую, солоноватую кровь от прикушенной губы.

Кто-то подошел и ткнул ее в бок сапогом:

— Вставай! Чего разлеглась? Думаешь, тебя дожидаться будем?

Сдерживая стоны, она приподнялась и дрожащими пальцами стала застегивать брюки. Ее душили стыд и злоба. С трудом она подняла веки и неожиданно встретилась с участливым, ласковым взглядом пожилого курсанта. Это сразу как-то изменило настроение. Здесь рядом были свои.

В поселке стоял мамонтовский полк.

Пленных подвели к деревянной крепко сбитой конюшне. Оттуда пахнуло лошадиным потом и прелым запахом навоза.

— Бабу-то куда в сарай гонишь? — раздался сзади голос казака. — Бери себе, коли хочешь. Командир разрешил.

— Ну вот еще, — перебил его другой, — себе. Она у нас теперь будет общественная.

«Алешка», напрягая последние силы, вошла в конюшню вслед за товарищами. Сзади загремел замок.

С трудом передвигая ноги, она добралась до кучи сухого навоза и, упав на него, тихонько заплакала. Ей казалось, что окончилась жизнь, — кругом белые, от которых не вырвешься, не уйдешь. Она думала о том, что с наступлением ночи их расстреляют где-нибудь за выгоном, а до этого успеют надругаться, в особенности над ней как над женщиной. И от жалости к себе и к своей такой короткой жизни она заплакала еще сильней.

★

«Алешка» пришла в себя. Чья-то теплая рука погладила ее по плечу.

— Что, дочка, больно? — раздался незнакомый голос. — Как они, гады, тебя разделали! Может, покурить хочешь?

Человек, шаря в темноте, сунул ей в руку крученку и чиркнул спичкой. И в отсвете загоревшегося огня она на короткий миг заметила знакомый взгляд пожилого курсанта. Табачный дым приятно закружил голову, теплотой разлился по телу и притупил боль.

— Как же ты сюда попала? Вот никто не думал, что девка. Я решил, что мальчонка, — снова раздался хрипловатый голос, и, немного помолчав, человек нерешительно сказал: — Вот я приглядывался все давеча. И никак не пойму, где ж я тебя видел раньше. Ты из какой местности?

— В последнее время из Воронежа, а как стали белые наших теснить, пошла на фронт. В штабе полка работала политработником, бойцом была, сестрой.

— В Воронеже? Да, ну, конечно, там. Только вот где — не припомню.

— А ты в первом райкоме не бывал? — спросила «Алешка».

— В первом райкоме? Ну, конечно, бывал. Вот и вспомнил,— обрадовался он, — на секретаря райкома ты похожа — женщина там. Может, сродственница?

«Алешка» засмеялась:

— Нет, не сродственница. Сама я это.

— Товарищ Алексеева?! — удивленно сказал боец, и в голосе его послышалась радость. — И как же это я сразу не признал? Вид у тебя другой стал. Видишь, что одежда значит. Ну что ж, здравствуй!

Они долго молчали, и в темноте только видно было, как вспыхивали огоньки крученок.

— А ты сама из каких будешь? — прервал молчание боец. — Тоже жизнь, должно быть, не сладка была?

— Из каких? — повторила его вопрос «Алешка». — Отец сторожил щебные ряды, мать ходила на поденную. Умерли они: надорвались. А я с детства по хозяевам жила — портняжному делу училась. Сам знаешь, какая жизнь, — мало сладости. В 1908 году мы в городе организовали «союз иглы». Вот тут-то я и сошлась с товарищами. Только тогда еще глупа была — мало понимала. А как союз разогнали, пришлось из города уехать. Вот знаешь, — слегка приподнялась она на локте, — у каждого человека в жизни есть момент, когда он твердо почувствует, где его дорога. Случилось это у меня в Одессе. Встретила я там ссыльных большевиков. Вот тут-то они и помогли мне стать настоящим человеком. Читать я стала, работать научили. И пошла новая жизнь: из города в город, от работы к другой. Весь я Северный Кавказ изъездила, сколько людей повидала. Ведь в партии я с четырнадцатого года, скрываться немало пришлось.

— А ты на фронте бывала когда-нибудь? — спросил курсант.— Или впервые здесь пришлось?

— Летом восемнадцатого года Деникина мы от Екатеринодара отгоняли. Ну и бои были. Сил у нас нехватило, пришлось к Новороссийску отступить. Это перед приходом туда Таманской армии. Сорокин подвел. Уже тогда нам изменять начал. Всего я насмотрелась.

За конюшней раздались голоса, затем людской топот. «Алешка» и курсант, затаив дыхание, долго прислушивались.

— Это наших куда-то ведут, — когда затихли голоса, сказал курсант. — Ну и попали мы в историю. Вот я слушаю тебя, а в голове все мысль бьется: что дальше? Может быть, допрос будет, или прямо в расход пустят?

«Алешка» резко привстала:

— Не останусь я у них, товарищ, убегу. Лучше пусть в дороге подстрелят, чем у них быть. А ты что ж, бежать не хочешь?

Он долго молчал.

— Как не хочу? Только все обдумать надо хорошенько. Под пулю не стоит. Посмотрим, что утро покажет.

Медленно тянулась ночь.

★

На рассвете «Алешка» забылась. Дробная ружейная перестрелка заставила вскочить с места.

— Что это? — встревоженно спросила она.

— Может быть, наши наступают? — привстал пожилой курсант.

Все пленные были на ногах.

В стене, выходящей на улицу, виднелась маленькая щель. Пожилой боец прильнул к ней.

Оглушительный взрыв потряс стены конюшни. Все бросились на землю, прислушиваясь к крикам на улице.

— Наши. Конечно, наши подступают, — быстро зашептал курсант, — из орудия бьют. У беляков паника. По улицам, как ошалелые, носятся. Ну, братва, теперь только бы до своих добраться.

— Как бы мамонтовцы нас при отступлении не ухлопали.

Где-то далеко застучал пулемет. Каждому хотелось самому увидеть то, что делается за стеной: торопливо, поочередно люди припадали к щели.

Один за другим разорвались еще два снаряда. У двери конюшни послышались людские голоса. Кто-то торопливо открывал замок. Пленные сгрудились, прижались к стене. Снаружи ворвался яркий солнечный свет, и на пороге показался офицер.

— Выходи, живо! — крикнул он, и в его тоне послышались нервные нотки. — Стройся!

Конвой поспешно окружил курсантов. Офицер торопил, чтобы двигались скорей.

Когда офицер пошел и все двинулись за ним вдоль по улице, «Алешка» ясно поняла, что белые забирают их с собой, повидимому, желая что-то выведать у пленных.

Улица двигалась в панике. Горяча лошадей, куда-то неслись всадники; тарахтя колесами, поспешно уезжали обозные подводы, на дворах и у домов метались растерянные люди.

Стрельба приближалась. Она шла со стороны станции Александровской.

«Алешка» внимательно оглядывалась кругом, присматривалась к дворам и открытым воротам. Она искала выхода из положения, искала момента, чтобы нырнуть куда-нибудь в сторону и бежать подальше или спрятаться от мамонтовцев до прихода своих.

Пожилой курсант сжал ей пальцы. Повернув в ее сторону голову, он отрывисто, тихо сказал:

— Не вздумай бежать. Попадешь под пули своих. В селении оставаться опасно. Там дальше выберем место.

Но слова не убедили ее. Чувствовала, что нельзя ждать, что оттяжка грозит гибелью, но не могла найти выхода, не знала, что предпринять.

Сбоку, совсем рядом, разорвался снаряд, затем видно было, как, задрожав, покачнулась высокая тонкая колокольня и часть ее с грохотом рухнула на землю, поднимая белую густую пыль. Люди шарахнулись в сторону, дико закричал придавленный обозник, и перед глазами мелькнула окровавленная лошадь, у которой осколок снаряда перебил спину.

Открытые ворота... широкий двор... и, мало сознавая, что она делает, «Алешка» быстро продвинулась к воротам и резким движением заскочила во двор. Маленький белый домик примостился в конце его, а около ворот возвышался большой бревенчатый дом с широким крыльцом.

«Алешка» заметалась на месте. У крыльца на привязи стояли оседланные лошади. «Алешка» подбежала к одной из них и, вскочив в седло, натянула поводья. От острой боли в спине меркло сознание.

Чувствуя незнакомого всадника, лошадь резко попятилась назад и забила копытами о крыльцо. «Алешка» натягивала поводья, сдавливала ногами бока лошади. Но лошадь прыгала на месте и, желая сбросить всадника, вздыбилась и громко заржала. От неожиданности «Алешка» свалилась на землю. Из дома раздались мужские голоса, за воротами кто-то выстрелил, слышно было, как в суматохе затопали сапоги.

Собрав последние силы, «Алешка» поднялась с земли и, пригибаясь, побежала мимо небольшого белого домика в густую чащу зелени.

Ветки били ее по лицу, царапали кожу, а она бежала все дальше, пока в бессилии не упала в высокую сочную траву в тени густого кустарника.

Сознание оставило ее.

Когда она пришла в себя, солнце уже высоко стояло на небе. Подняла голову и долго не могла понять, что с ней случилось и где она. Стрельба затихала, ушла куда-то в сторону, и вблизи раздавались только отдельные выстрелы.

По временам где-то недалеко цокали лошадиные копыта и раздавались людские голоса. «Алешка» долго прислушивалась, стараясь разобрать, о чем кричали. Но кто кричал — было трудно понять. Огляделась кругом. Со всех сторон ее окружал густой кустарник, и сквозь него ничего не было видно. Она выбрала более темную зелень и залезла под нее.

В сумерках совсем близко от себя «Алешка» услышала хруст.

Кто-то осторожно и медленно пробирался в глубь кустарника. Затаив дыхание, она не спускала взгляда с неподвижной листвы. Вдруг листва заколыхалась, и сквозь нее показалась синяя мужская рубаха. Слышно было, как человек постоял на одном месте, а затем осторожно лег на траву.

«Алешка» приросла к земле, глубже запрятала голову. Но так лежать было еще страшнее. Тогда она подняла голову и встретилась с внимательным взглядом больших серых глаз.

Первое желание было броситься в сторону и бежать. Стараясь неслышно двигаться, «Алешка» насторожилась. До нее донесся приглушенный шопот:

— Товарищ!

Сразу спало напряжение. «Алешка» опустилась на траву и рукой поманила к себе человека. У него было круглое молодое лицо, белый пушок на подбородке и всклокоченные цвета соломы волосы.

Он быстро подполз, улегся на живот и слегка улыбнулся.

— Видали мы с женой из домика, как ты пробежал. Искал я, да найти никак не мог, — шопотом сказал он. — Эх, да как тебя измордовали, — с сожалением добавил он, — лица от синяков не разберешь. Как только жив остался?

Человек вздохнул и качнул головой.

— Взял бы я к себе, — наконец сказал он, — да жена у меня такая, что и меня выдаст. Боязно. Есть хочешь?— вдруг предложил он.

«Алешка» кивнула в ответ головой. Только сейчас она ясно почувствовала, что голодна.

Человек быстро нырнул в зелень и скоро вернулся обратно, притащив хлеба, огурцов, квасу и табаку. «Алешка» накинулась на еду, а потом с удовольствием закурила.

— Кто здесь? — спросила она и кивнула в сторону улицы.

— Разведка Мамонтова ходит. Ох, и наступали же красные утром с Александровской. Погнали их.

— А как белые с вами?

— Как пришли, трех сельчан повесили, а уж пороли скольких — не счесть.

Долго молчали. Наконец человек приподнялся, тихо сказал:

— Как стемнеет, ползи вон туда, — показал он пальцем направление, — кончится огород — ригу увидишь. Я там ждать буду.

Когда совсем стемнело, «Алешка» медленно поползла к риге. Около дверей темнела человеческая фигура. «Алешка» быстро проскочила в ригу, забралась в дальний конец. Дверь тихонько притворилась, и слышно было, как ее снаружи закрывали замком.

Вспыхнула тревога: «А вдруг выдаст, чорт его знает, что за парень?» И сразу успокоила себя: «Теперь уж ничего не поделаешь. Что будет, то будет».

Она примостилась на сене и тотчас же уснула. Только ночью сквозь сон слышала, как за стеной выл ветер.

★

Рано утром застучал в двери замок. «Алешка» испуганно вскочила. Всю ночь ее душили кошмары: ей казалось, что ее нашли белые, снова пороли и издевались.

— Эй ты, парень, совсем заспался! Мамонтовцы ночью отступили, — крикнул с порога вчерашний знакомый, — наши пришли. Пойдем, я тебя к штабу провожу.

«Алешка» двинулась и чуть не упала от боли в правой ноге, которую ушибла, падая с лошади. Сильно хромая и морщась, она вышла на огород.

Где-то недалеко кричали петухи, из соседнего двора доносился скрип «журавля». И от этого на душе стало необычайно спокойно. Все тело заливала буйная радость, хотелось прыгать, кричать и громко смеяться.

Вдоль по улице к воротам медленно подъезжало несколько всадников. Впереди всех на рыжем жеребце «Алешка» узнала командира полка и громко закричала. Он обернулся в ее сторону, хлестнул по крупу лошади.

— «Алешка»! — радостно крикнул он и, подъехав совсем близко, наклонился к девушке. — Так ты жива? А ребята, что из плена бежали, говорили, что тебя угробили. Слыхал, как лупили. Молодец девка! — хлопнул он ее по плечу.

— Девка? — изумленно переспросил стоящий рядом сельчанин. — Девка? А ведь я ее за парня принял.

МАРУСЯ[1]

Многие екатеринодарские большевики помнят Марусю — статистика городского партийного комитета. Фамилии ее, к сожалению, никто не помнит. Рабочие — маслобойщики и пищевики,— бывавшие в комитете, не уходили без того, чтобы не улыбнуться ей и не сказать нескольких теплых слов. Они знали Марусю по недавней ее работе: она была секретарем их профсоюзов.

Дочь рабочего с завода «Саломас», Маруся только окончила городское училище. После Февральской революции она вступила в партию большевиков. Теперь уже как член партии она работала в профсоюзах и боролась с засильем в них меньшевиков. Рабочие шли за Марусей. Немало новых членов она привела в партию большевиков.

Больше всего она бывала на митингах. Здесь постоянно шли споры о войне и мире, о большевиках и меньшевиках, о сложных и запутанных взаимоотношениях кубанских казаков и иногородних, о власти, о земле.

Опасность подстерегала большевистского агитатора. Могли и избить и расправиться самосудом. Среди своих, кто вместе с Марусей требовал власти советам и выступал против войны, шныряли и предатели...

Шатались по митингам офицеры, привыкшие расправляться своим—сабельным—судом с каждым, кто осмеливался произносить слово «мир». Настойчиво вглядывались в лица агитаторов шпики.

Перед июльскими днями партийный комитет перебросил Марусю в Новороссийск. Она стала техническим секретарем Новороссийского комитета.

Деятельность секретаря комитета в то время была многообразна и ответственна. Маруся выполняла огромную партийную работу: замещала членов комитета, решала серьезные вопросы, давала поручения. В то же время не забывала она и техническую работу.

В июльские дни Маруся выступала перед рабочими цементных заводов и разоблачала провокаторов и клеветников. На заводах создавался сильный партийный актив, окруженный сотнями сочувствующих большевикам беспартийных рабочих.

... В Екатеринодаре хозяйничали белые.

Новороссийск, прижатый к морю, оказывал посильную помощь красным частям в Армавире и Кавказской. Решался вопрос о сов-

[1] По воспоминаниям товарищей.

местном наступлении объединенной Красной гвардии Северного Кавказа на Екатеринодар.

Маруся вербовала в Новороссийске солдат, возвращавшихся с турецкого фронта. Она сколачивала из них отряды и направляла на фронт под Екатеринодар.

Август восемнадцатого года. Екатеринодар в руках белых. Таманская армия, сопровождаемая тысячами беженцев, с боями пробивалась по Черноморскому побережью на соединение с главными силами Северокавказской армии.

Маруся не раз выезжала к таманцам. Разговаривала с бойцами, проводила в частях беседы, разъясняла создавшееся на Кубани положение.

С каждым днем росла решимость бойцов и командиров пробиться через вражеское кольцо.

Путь армии лежал через Новороссийск, Геленджик, Туапсе. Когда таманцы вошли в Новороссийск, на море показались крейсеры интервентов. Они стояли на рейде, и пушки их были направлены на город. А за горами, отделявшими город от Кубани, тяжело громыхали орудия наступавших на Новороссийск белогвардейцев.

В городе шли собрания рабочих. Члены партии и беспартийные, старики и молодежь вливались в Таманскую армию, чтобы вместе с нею пробиваться на Армавир. Маруся готовилась уйти вместе со всеми, но комитет решил:

— Ты останешься в Новороссийске. Ты знаешь всех членов партии, тебе будет легче развернуть подпольную работу. В последнюю минуту тебе будут даны указания.

...Таманцы уже уходили за цементные заводы. Белогвардейцы обстреливали город. Гремела дальнобойная артиллерия иностранных крейсеров. По городу бежали люди, вскачь проносились всадники. Никто не мог сказать толком, что происходит и кто кого бьет.

Пришла делегация от раненых красных бойцов, находящихся в лазарете. Они просили инструкций.

В это время в партийном комитете бешено звонил телефон. Маруся вертела ручку, пытаясь созвониться с кем-либо из членов комитета, чтобы узнать, какое направление давать отступающим. Но станция не отвечала.

— Так как же нам быть? — спросил матрос с перевязанной рукой, стоявший у двери. За ним на лестнице толпилось еще несколько человек раненых. — Оставаться нам в госпитале нельзя — беляки всех порубают...

Маруся быстро собирала партийные дела и документы. Их было много — больше, чем она предполагала. Но если сложить их на подводу, которая стояла во дворе, с ними могут поехать два-три человека.

— Скорее! — скомандовала она матросу. — Несем!

Они вынесли кипу дел и сложили их на телегу.

— Кто из вас самый слабый? — спросила Маруся. — Садись.

Потом, обращаясь к матросу, сказала:

— Документы отдашь... ты знаешь — кому.

— А ты? — спросил матрос.

— У меня осталось еще одно дело.

В это время где-то совсем близко затрещал пулемет.

— Скорее! — приказала Маруся. — Скорее, трогай. Прямо за цементные заводы — там еще есть таманцы.

И побежала по лестнице наверх.

В помещении комитета было тихо и пусто. Маруся еще раз повертела ручку телефона. Никакого ответа! Она обвела глазами комнату. Кажется, ничего особенно важного не забыли: старые газеты, две винтовки в углу, несколько обойм с патронами в ящике стола.

И вдруг Маруся услышала под окном цокот копыт. Замелькали башлыки кубанцев. Белогвардейский разъезд скакал по улице, направляясь прямо к цементным заводам.

— Стой! Стой! — что было силы закричала Маруся, распахивая окно. — Здесь большевики, здесь их партийный комитет!

Она ничего не боялась. Мысль, осенившая ее, казалась ей очень удачной. Главное — задержать разъезд, чтобы он не настиг за первым же поворотом телегу с партийными документами.

Офицер, командовавший разъездом, повернул коня. Растерянно остановились казаки. В окне напротив появилась какая-то злорадно ухмыляющаяся физиономия. Глаза этого человека встретились с глазами офицера, и он утвердительно закивал головой.

Маруся отошла от окна. Она спокойно взяла заряженную винтовку. Вторую, стоявшую рядом, она положила на стол.

На лестнице звякали шпоры. Дважды хлопнула наружная дверь. Поднималось несколько человек.

«Вот бы бомбу», подумала Маруся. Но бомбы не было. Не было даже нагана, куда более удобного для боя на темной лестнице, чем громоздкая винтовка.

Белые окружили дом. В этот момент Маруся испытывала чувство величайшей уверенности в себе.

Надо было продержаться как можно дольше и тем самым отвлечь внимание врага. Маруся спустила курок в ту минуту, когда в дверях показался офицер. Новый выстрел раздался в ответ на матерное слово казака, перешагнувшего через офицера с наганом в руке. Казак растянулся на полу: выстрел почти в упор разнес ему голову.

— Засада, братцы! — закричали внизу на лестнице. — Оцепляй дом, бей по окнам! — кричал урядник с перебитым носом.

... Маруся отстреливалась против целого отряда.

На улицах Новороссийска шла в это время расправа с красными.

Тяжело раненые красногвардейцы были выброшены на улицу из госпиталей. Жалея патроны, белые крошили раненых шашками, топтали копытами коней, бросали под колеса паровозов, топили в море. Это была ярость шакалов.

... У Маруси кончились патроны. Она лежала в крови, почти без сознания. Раненую, ее вытащили на улицу и бросили у стены дома. Палачи, ругаясь, выстроились перед нею в шапках, лихо заломленных набекрень.

Залп их был труслив и нестроен.

★

Была весна двадцатого года.

Красные войска, сбросив остатки деникинских банд в море, занимали Новороссийск.

У помещения, где когда-то находился партийный комитет, остановились три бойца. Один из них, матрос, снял с головы бескозырку.

— Здесь, — сурово сказал он, — на этом месте они убили нашу Марусю.

Бойцы обнажили головы. Матрос продолжал:

— Жалкие гады! Они думали, что дело, за которое поднялись миллионы, дело, за которое боролась Маруся, можно уничтожить.

А. ИСБАХ

НАРМА ШАПШУКОВА[1]

Они скакали быстрой рысью, сдерживая горячих коней. Серебряные чеканные пояса на мужских бешметах и женские разноцветные наряды горели на солнце. Высокий морщинистый старик в черной барашковой шапке мчался впереди колонны улуса. Длинные усы придавали ему сходство с запорожским атаманом. За стариком ехали лучшие люди улуса. Торжественно восседал на лошади в ярком бешмете инструктор обкома партии.

В первых рядах Черноземельского улуса скакала Булгун Дертеева — председатель сельсовета. Она уверенно держала поводья своей крепкой, мужественной рукой, и вся ее слитая с конем фигура опытной, привычной наездницы выделялась в ряду других.

Проезжая мимо балкона, где стояли руководители области, она привстала на стременах и оглянулась, точно проверяя, все ли в порядке в улусной колонне.

— Лучшей председательнице сельсовета — большевистский привет! — крикнули сверху.

Дертеева улыбнулась и махнула рукой в знак приветствия.

---

[1] В рассказе приведены в значительной мере материалы, взятые из сборника «Девушки Калмыкии». Издание Калмиздата, г. Элиста.

Со всех сторон на площадь перед исполкомом съезжались люди.

Представитель Черноземельского улуса — старик с смоляными усами, радостный, взволнованный торжественностью момента, — говорил приветственную речь:

«Люди черных земель, где никогда не бывает льда и снега, приветствуют всех собравшихся здесь, всех друзей, товарищей и братьев. И первый привет черноземельских калмыков тому, кто сияет над нами, как солнце, кто освещает путь народам, первое наше слово — товарищу Сталину!

Горячий наш привет товарищу Ворошилову, хранящему ключи советской крепости и устрашающему врагов нашего союза!»

Знамена трепетали на сильном ветру. Со знамен глядели портреты тех людей, о которых говорил калмык. Знаменосцы вздымали ввысь красные полотнища, весь народ ликовал. Колонны проходили в конном строю перед исполкомом. Тысяча двести коней несли на себе отважных наездников и наездниц. За конями — машины. А сзади степенно покачивались верблюды.

Среди других на маленьком мохнатом верблюжонке восседал, лукаво улыбаясь, загорелый, совсем оливковый, трехлетний Эдик Нормаев — самый молодой участник олимпиады.

Василий Хомутников — председатель исполкома, первый командир красного калмыцкого полка — едва сдерживал себя, чтобы не сбежать с балкона, вскочить на коня и смешаться с группой наездников. Рядом с Хомутниковым стояла на балконе женщина в защитной гимнастерке.

Орден Красной звезды поблескивал на левой стороне ее груди. Глаза ее горели. Она произносила слова приветствий.

Булгун Дертеева встретила ее горящий взгляд. Она подняла руку и звонко крикнула:

— Привет Нарме Шапшуковой! Привет первой буденновке-калмычке!

★

Весной прекрасна и нарядна необозримая степь! Волнующие, пряные запахи трав, чистый воздух и горячее солнце.

В такие дни любила маленькая бойкая Нарма в одиночестве бродить по степи, собирать яркокрасные тюльпаны и украшать ими свое простенькое платье.

Нарма росла сиротой. Отец ее, донской калмык — бедняк-хлебороб — долгие годы прожил в сальских степях, в станице Батлаевской.

Он испытал всю горечь тяжелой батрацкой жизни, и самой большой его мечтой было развести чудесный цветущий сад. Он умер, когда Нарме исполнился один год. Так и не осуществилась его заветная мечта.

Вскоре умерла и мать.

Нарму и ее брата Очира — беспомощного, слепого от рождения — приютили родственники.

Но родные были для Нармы и слепого Очира чужими, злыми людьми. Пяти лет она уже пасла и караулила гусей, овец, а когда подросла, доверили ей и коров и коней.

С утренней зари и до глубокой ночи Нарма была занята делом: доила коров, ходила на пастбище, поила в реке Сал овец, собирала кизяки, носила на палке огромные ведра с водой...

С ранних лет она ездила на коне без седла. Правда, не раз падала и горько плакала, забившись где-нибудь в темном уголке, но потом научилась ездить неплохо, и верный конь, покорный ласке быстроглазой девочки, всюду следовал за ней, как ребенок. Нарма отдавала коню и последний кусок хлеба и даже кусочки сахара, которые ей изредка удавалось доставать.

В пятнадцать лет Нарма уже настолько выросла и окрепла, что не все станичные мальчишки решались бороться с ней.

На вид худенькая и слабая, она была сильна, вынослива и упряма. Часто приходилось ей одной без куска хлеба уходить на ночь в степь — искать пропавший скот.

— Иди, иди, работай, — только и слышала она в доме от сварливой тетки.

Нарма не знала развлечений. На гулянки и вечеринки, куда собиралась вся молодежь станицы, она не ходила.

Ходить туда ей было не в чем и некогда.

Родственники были скупы и неприветливы. Нарма хотела учиться, но об учении не могло быть и речи. Все ее удовольствия заключались в том, что она пела в степи любимые песенки, которые слагала сама.

Она ходила за овцами и пела:

Милые мои родители —
Мать моя родная,
Отец родной, —
Зачем вы меня оставили,
Зачем ушли от меня.

Не выдержав, она с плачем падала на пышный ковер степных трав, и степь принимала ее в свои объятия, успокаивала ее.

Иногда родственники водили Нарму в хурул. Она не понимала, зачем здесь собираются люди и кланяются каким-то таинственным богам. В хуруле ее забавляло одно: она видела, как молящиеся складывают в чашечки медные деньги, видела, как манджики потихоньку берут эти деньги себе...

Тяжело приходилось юной Нарме. Побои и беспрерывная работа были ее уделом. Однажды она не выдержала, и, когда тетка ударила Нарму, она укусила ее и убежала в степь.

Нарму разыскали, и после «добрый дядя» вволю испробовал на ее спине ловкость своих рук и прочность плети.

... Необычайные дела стали совершаться в селе.

Вначале было так. С фронта приходили солдаты — искалеченные, израненные. Потом, словно встревоженные птицы, прилетели вести о бунте в соседней — Платовской — станице.

В степи появились небольшие партизанские отряды; всюду говорили о красных и белых, но какая между ними разница и кто и за что борется — Нарма не знала.

Все тревожнее становилось в станице. Однажды утром семнадцатилетняя Нарма увидела, что всюду — на улице, у домов — военные с ружьями. Говорили, что это партизанский отряд.

Нарма узнала, что в станицах бедняки поднимаются против богатых. Начинается большая война. Тогда она впервые узнала, кто такие белые. Небольшими отрядами налетали они на степь, угоняли скот, избивали плетьми и убивали встречавшихся им бедняков.

Впервые появилась у нее жгучая ненависть к белобандитам, ко всем, кто не дает жить бедноте.

С каждым днем нарастала тревога, охватывающая всю степь. Не проходило дня, чтобы невдалеке от станицы Батлаевской не раздавались ружейные залпы и назойливый треск пулеметов. Белогвардейщина наседала со всех сторон, пытаясь смять молодую рабочую власть.

Казачья беднота двинулась в красные партизанские отряды.

Вблизи станицы Батлаевской появился один из таких отрядов — отряд Маруськина.

Как-то раз Нарма встретилась с санитарками из этого отряда. Они стали настойчиво приглашать ее к себе. Нарма не решалась сразу уйти. Пошла посоветоваться с знающими женщинами.

— Сиди дома, — сказали ей, — разве бабы воюют?

В эти дни она встретилась с красногвардейцем Максимом Шапшуковым и полюбила его. Вместе с ним она ушла на фронт.

У Нармы началась новая жизнь — светлая и необычайная.

Она увидела мужественных бойцов, бесстрашных наездников, беззаветно преданных молодой Советской республике.

Узнала славных полководцев-большевиков красной конницы Буденного — Городовикова и др. Она узнала, за что борется советская власть, что она несет бедноте. Нарма еще плохо разбиралась в происходящих сложных событиях, но отзывчивость и товарищеское отношение командиров — калмыков Василия Хомутникова, Харти Канукова — вызывали в ней желание отдать все силы борьбе за великое дело. Вместе со своим мужем Максимом она героически несла все тяжести войны.

Нарма теперь не расставалась со своим скакуном, хорошо владела наганом, шашкой и винтовкой. Гибкая и быстрая, в мужской военной одежде, она походила на бойкого мальчишку. В полку она была единственной женщиной. И все бойцы относились к ней исключительно тепло и дружески.

Ее звали Маней, Марусей, и это второе имя стало ей близким и родным. Никто из партизан не знал безвестную калмычку Нарму Маркину, но Марусю Шапшукову знали во всех буденновских отрядах Первой конной — и под Царицыном и в Ставрополье. Нарма неизменно сопровождала мужа — командира 2-го эскадрона кал-

мыцкого революционного кавалерийского полка. В боях, в конных атаках всегда была вместе с ним во главе эскадрона.

Героический полк во главе со своими испытанными командирами-большевиками показывал изумительную отвагу в борьбе с врагами советов. И рядовой боец — Нарма — никогда не страшилась трудной походной боевой жизни.

... У хутора Большой улан Усть-Медведицкой станицы разыгрался бой калмыцкого полка с конницей генерала Коновалова.

В разгар схватки из засады бросились на командира 3-го эскадрона Осадченко шесть белогвардейцев. Нарма с Максимом были в другом эскадроне. Увидев, в какую беду попал Осадченко, они бросились к нему на выручку. Резко пришпоривая коня, Нарма рванулась в самую гущу боя и, вынув наган, в упор выстрелила в белого офицера, уже собиравшегося опустить шашку на голову Осадченко. Осадченко был спасен.

После боя товарищи окружили Нарму, и командир Хомутников крепко пожал ей руку.

В Ставрополье, под селом Султаново, калмыцкий полк вступил в жестокий бой с бандой полковника Васищева. В этой отчаянной схватке полторы тысячи кавалеристов Васищева были опрокинуты и истреблены.

Максим Шапшуков шел в атаку рядом со своей женой. Впереди них мчался, увлекая всех бойцов, помощник командира полка Аким Стаценко.

Он первый врезался в ряды белых. Стаценко окружили со всех сторон. Офицер занес над ним свою шашку. Сбоку пробивался к нему с обнаженным клинком казак.

Шапшуков, сражавшийся рядом, успел только крикнуть:

— Нарма, спасай Акима!

Нарма в одно мгновенье выхватила из кобуры наган и метким выстрелом уложила белогвардейца. Стаценко отделался лишь царапиной.

Слава о Марусе Шапшуковой, отважной партизанке, гремела по всей степи. С шашкой наголо мчалась она в самые горячие схватки, а в дни короткого отдыха со всеми бойцами звонко пела незабываемые боевые песни.

В бою Нарма Шапшукова была контужена. Она, как всегда, мчалась впереди отряда. Прямо перед собой увидела она горбоносое лицо казацкого офицера. Она взмахнула шашкой. Но что-то со страшным шумом пролетело мимо нее. Оглушенная снарядом, она упала с коня, и товарищи едва успели вынести ее из боя.

Нарма долго лежала в госпитале. Контузия оказалась серьезной. Испортилось сердце, и ослабела память. Долгие дни и ночи лежала она в белой больничной палате и пыталась вспомнить прошедшие дни. Но все воспоминания сливались, и даже лица ближайших друзей и соратников стерлись из ее памяти.

Она вышла из госпиталя — слабая и худая. Вернулась в родное село. Пошла в сельсовет. Приняли там ее неплохо, усадили,

напоили чаем, но чем могли ей помочь в сельсовете? И что она могла делать — неграмотная и больная?

Тогда она стала учиться грамоте, посещать школу. Она сидела рядом с малыми ребятишками и разбирала буквы, но грамота плохо давалась ей — слаба была память. Сказывалась контузия.

Жизнь текла совсем рядом, большая и бурная.

Какую радость испытала Нарма Шапшукова, когда о ней вспомнил родной человек!

Человек этот был председатель калмыцкого исполкома Василий Хомутников.

Много лет провел он вдали от Калмыкии.

Вернувшись, он прежде всего разыскал своего верного боевого соратника.

Нарма читала письмо Василия Хомутникова и плакала растроганными, благодарными слезами.

Она долго ехала по бескрайней пыльной степи. Орлы кружились над нею, и маленькие любопытные суслики пересекали ей дорогу.

В степи возникла новая калмыцкая столица — Элиста.

Нарма увидела каменные дома, памятник Ленину. И вот Василий Хомутников выходит ей навстречу, крепко обнимает и вводит в дом. Как она изменилась! Он едва-едва узнал ее...

Теперь наступила для Нармы спокойная жизнь. О ней заботились, ее опекали, ее лечили, чтобы вернуть к жизни — деятельной и полнокровной. Василий Хомутников изредка с участием следил за своей бывшей воспитанницей. Эта рано постаревшая больная женщина была так мало похожа на боевую, отважную девушку-буденновку.

... В дни годовщины Первой конной армии их вызвали, Хомутникова и Шапшукову, в Москву. Нарма впервые увидела многоэтажные дома, трамваи... Шум огромного города совсем ошеломил ее. Как это было не похоже на безлюдную, пустынную степь!

Но самое изумительное было впереди.

Им подали машину и повезли в Кремль... На стене одного из зал Кремля Нарма увидела большую картину. Спазмы сжали ей горло. Конные калмыки мчались на врагов. И впереди отряда скакала она — молодая, здоровая и сильная Нарма.

Да... такою она была... Яркая вспышка озарила ее память. И она вспомнила все... и те далекие боевые дни, и песни, и топот коней, и шум боя...

Василий Хомутников поддерживал ее. Но она не нуждалась сейчас в этой поддержке. Когда она вошла в главный зал, она чувствовала себя молодой и бодрой, как в те боевые дни.

Председатель ЦИКа М. И. Калинин громко сказал:

— Нарма Шапшукова!

Она подошла. Товарищ Калинин передал ей маленькую раскрытую коробочку. Красный боевой орден блестел на белом бархате. Она взяла коробочку, и руки ее задрожали.

Тогда коренастый длинноусый военный подошел к ней, смеясь, пожал ей руку, вынул орден и приложил к левой стороне ее груди.

Он ее узнал, командарм Буденный, узнал лихую всадницу, скакавшую впереди отряда. Она плохо слышала, что ей говорили. Она видела только, что все встали и приветствовали ее. Буденный ласково улыбался ей. А Василий Хомутников что-то горячо отвечал. Голова ее горела. И она была так счастлива, как никогда в жизни.

И. КОНОНЕНКО

ШЕСТЬ

Окружив Кременчуг, деникинцы заняли город. Три дня тянулся погром. Белые врывались в дома, грабили, насиловали женщин, расстреливали и вешали. Еврейское население пряталось в погребах. Не было пощады трудящимся евреям. Много их погибло.

Наконец погром стих, и в городе стало как будто спокойней. Вернулись на свои ранее национализированные предприятия старые хозяева. Принялись наводить прежние порядки. Приехали из Польши, из Парижа бежавшие дворяне-помещики.

В селах свирепствовали карательные отряды. Среди бела дня расстреливали непокорных крестьян, ставя на краю яра. Забирали последнюю скотину, грабили. Были наложены контрибуции за разрушенные экономии и особняки помещиков.

Белые хозяйничали, как в завоеванной ими неприятельской стране.

Ночью, когда село спало, крестьяне хоронили расстрелянных в яру и на свежих могилах клялись бороться с белыми. В лесах один за другим возникали партизанские отряды.

Христолюбивое воинство генерала Деникина главным образом занималось спекуляцией, взятками и воровством. Откуда-то появились белая мука, бакалейные товары, всевозможная контрабанда.

«Не жизнь, а масленица!» радовались на первых порах обыватели.

На каждом углу, на заборах виднелись портреты Деникина и Колчака — «освободителей единой неделимой». Плакаты: обнявшиеся крестьянин и солдат — «Братья, спасайте Русь святую» — и рядом картина страшного суда над большевиками.

Белые наводили «порядок». Ночами ветер с Днепра приносил выстрелы — это расстреливали у высоких круч.

Бо́льшая часть кременчугских комсомольцев ушла с Красной

армией. В подпольном комитете остались одни девушки. Вся работа лежала на их плечах.

Задачи комитета были сложны и опасны: нужно было распространять литературу, держать связь с партизанами, агитировать среди деникинских солдат. Ночами в квартире Готлиб, секретаря подпольного комитета, происходили тайные совещания комсомольцев. На рассвете, когда в театре «Аудитория» кончались «благотворительные вечера» в пользу Добровольческой армии, комсомолки расходились по домам усталые, но уверенные в победе.

Центр подпольной работы находился на махорочных фабриках Грицевского и Рабиновича. В старое время эти фабрики приносили большую прибыль их хозяевам. Кременчуг снабжал табачно-махорочным изделием почти всю Россию.

Приходя утром на работу, часто находили рабочие у себя на станках свежую, еще пахнущую краской подпольную газету «Дело революции».

Однажды в цехах фабрики Рабиновича были разбросаны прокламации. Подпольный комитет РКП(б) и РКСМ призывал рабочих отметить забастовкой вторую годовщину Октябрьской революции. Фабрика заволновалась. На дворе группами стали собираться рабочие и работницы. Шумели набойщицы, тесно окружив своих руководительниц — смелую, бойкую Готлиб, худенькую и застенчивую Женю Лознер и совсем юную, шестнадцатилетнюю Гальпер с чахоточным румянцем на щеках. Все три девушки пользовались любовью и уважением своих подруг. Толпа вокруг комсомолок увеличивалась, росла.

— Товарищи! — кричала Готлиб, взобравшись на сложенные тюки табака. — В селах восстают селяне! Они идут в партизанские отряды, чтобы помогать Красной армии, которая скоро нас освободит!.. Объявим забастовку! Наша забастовка будет выражением солидарности с восставшими крестьянами...

Перепуганный управляющий приказал дать гудок раньше времени. Рабочие разошлись по своим местам. Митинг был сорван.

Поблизости, на площади у Брянских казарм, происходило обучение новобранцев в деникинскую армию.

Когда муштра кончилась, солдаты собрались у фабрики Грицевского, под окнами набойного отделения.

— Девчата, дайте покурить!

Работницы, пошучивая, стали передавать сквозь проволочные сетки пачки пахучей махорки. Каждая пачка была завернута в большевистскую прокламацию — воззвание к солдатам деникинской армии. Каплун, Гордон и Брантман расспрашивали солдат, из каких селений они, правда ли, что в селах восстали селяне и прогнали помещиков.

Внезапно в набойку вбежал сам Грицевский.

— Воры!.. Паршивые грабители!.. — на ходу кричал он. — Кто раздавал махорку солдатам?

Набойка сразу притихла. Работницы молча и усердно набивали пачки.

— Кто дал махорку?..

Набойка молчала попрежнему. Взбешенный хозяин отсчитал пять ближайших к нему работниц:

— Вы у меня больше не работаете... Получите расчет и марш к чортовой матери!

Поднялся шум. Возмущенные работницы бросили работу. Через пять минут остановилась вся фабрика.

Грицевский топал ногами, грозил тюрьмой и расстрелами. Видя, что это не действует, он переменил тон и стал умолять не разорять его.

Выходившие из ворот фабрики рабочие были окружены казаками, которых успел вызвать хозяин. Хлеща плетьми направо и налево, казаки принялись загонять рабочих обратно во двор.

Пять работниц, уволенных Грицевским, были арестованы и уведены под конвоем.

На фабрике Рабиновича после митинга было тревожно. Призыв к забастовке взбудоражил всех рабочих. Как и всегда, больше всего шумела голосистая набойка. В стороне от других молча сидела работница Семиченко. Она не любила набойщиц, которые шептались с комсомольцами. Семиченко была красивой девушкой, старалась хорошо одеться и всегда сторонилась фабричных подруг.

Готлиб, Лознер и Гальпер горячо объясняли рабочим политический смысл забастовки.

Неожиданно во двор фабрики вошли вооруженные солдаты.

— Окружить! — скомандовал офицер, и солдаты оцепили находившихся во дворе рабочих.

Всем трем девушкам — Готлиб, Лознер и Гальпер — удалось тем не менее незаметно скрыться.

— Прошу выходить по-одному — Лознер, Готлиб, Гальпер...

Поручик читал список, но толпа не двигалась, и никто не выходил вперед. Офицер вынул маузер, стал грозить им, — работницы попрежнему не выдавали комсомолок. Тогда по указанию управляющего были взяты из толпы и арестованы пятнадцать человек. Семиченко сделала было движение, желая что-то сказать, но набойщицы оттеснили ее вглубь и шепнули, чтобы она молчала, а то ей худо будет.

После работы стоявшие у ворот деникинцы обыскивали всех выходивших на улицу, однако не было найдено ничего подозрительного. И тем не менее, когда пришла ночная смена, повсюду на видных местах белели расклеенные воззвания о забастовке.

★

Работницы гурьбой проводили Семиченко до дому, укоряя ее за сегодняшний поступок. Прощаясь с ними, молчавшая всю дорогу, Семиченко обещала загладить свою ошибку. Следя издали за жен-

щинами, шел сзади чернорабочий Худиенко. Работая у Рабиновича, он в то же время служил в контрразведке.

Едва девушка простилась со своими подругами, он подошел к ней, познакомился и предложил погулять. Семиченко охотно согласилась. Они весело провели вечер — были в кино, потом ужинали в ресторане «Россия». Семиченко выпила, у нее кружилась голова. Ее спутник стал предлагать ей работать в контрразведке. Он рисовал ей самые заманчивые картины, и, наконец, девушка дала свое согласие. Поздно ночью, в темноте, они подъехали на извозчике к дому, где помещалась контрразведка. Вошли с черного хода.

Начальник, в кабинет которого привели Семиченко, встретил ее чрезвычайно любезно.

— Нам нужны храбрые, отважные женщины. Мы вас знаем хорошо. Вы честная девушка, и мы это ценим. Мы вас озолотим. Вы будете носить лучшие наряды и будете женой офицера нашей блестящей армии. Завтра вы должны нам помочь убрать с фабрики самых главных.

Окрыленная словами начальника контрразведки, Семиченко подробно рассказала о работе Готлиб и других комсомолок.

Проводя ее домой и прощаясь, Худиенко передал новой шпионке деньги. От денег Семиченко не отказалась.

★

Набойное отделение фабрики Рабиновича находилось среди других цехов. Когда набойка пела, вся фабрика подхватывала песню, заглушая шум машин. Сегодня пели все девушки, даже Василиса Семиченко.

Оставив у ворот лошадей, вошли на фабрику казаки. Заняли все выходы и ворвались в набойное отделение. Начался обыск. Все было поставлено вверх дном. Грубо обыскивали женщин. Работнице, пытавшейся протестовать, чубатый казак рассек нагайкой щеку.

У Лознер под ящиком были найдены листовки и газеты. Все подозрительные были арестованы.

— Признайтесь, эти бумажки ваши. Вам ничего не будет, — уговаривал присутствовавший при обыске начальник контрразведки. Набойщицы молчали. Молчали они и тогда, когда казаки принялись их избивать.

Шпионка Семиченко незаметно указала на трех комсомолок. Казаки окружили девушек, стали бить плетьми и прикладами. Девушки упали. Их подымали и снова били допрашивая.

Когда открыли ворота, чтобы увести арестованных, там, окруженные казаками, стояли Гордон, Эдя Брантман и Каплун. Всех трех работниц с фабрики Грицевского выдал шпион Худиенко.

Казаки загоняли нагайками обратно в цеха хмурых, покрытых кровоподтеками рабочих. В набойной слышались рыдания.

Усевшись на лошадей, деникинцы погнали всех шестерых девушек по горячей, пыльной дороге. Пекло солнце.

— Эй вы, жидовочки! Веселей! — покрикивали казаки, хлеща плетьми.

— Куда нас ведут? — спросила Готлиб.

— Молчать! — казак замахнулся, чтобы ударить, но начальник, довольный удачей, остановил его.

— В клетку, большевистские птенчики!

Готлиб запела «Интернационал». Подруги ее подхватили хриплыми голосами, высоко подняли головы. Шатаясь под ударами нагаек, измученные, избитые, девушки пели.

Поодиночке вводили их к начальнику контрразведки. Допрос сопровождался гнусными пытками.

Гордон раздели догола, били, пока она не потеряла сознания, потом втащили обратно в комнату и на глазах Каплун изнасиловали.

Но ничто не могло вырвать у комсомолок того, что требовалось палачам. Девушки молчали, падая временами без чувств. Взбешенный начальник метался по кабинету, прижигал горящей папиросой лица, руки арестованных.

Ночью, полуживых, привезли их в тюрьму.

★

Старик Готлиб отдал следователю все свои сбережения, чтобы увидеть и спасти дочь.

— Мало, старик, — шутил следователь, забирая последние вырученные за проданную одежду копейки.

Но старик так и не увидел свою дочь. На квартире у него был сделан деникинцами обыск. Тогда родные шести девушек пошли к раввину — просить защиты у бога.

— Мы евреи, — ответил важный раввин, — народ, который всегда и везде бьют и изгоняют. Мы — изгнанники в этой паршивой стране, где убивают нас, евреев. Наша земля — Палестина. Все нас били — махновцы, гайдамаки, банды. Деникинцы били — били немножко. Но они дали нам дорогу к торговле. И каждый честный еврей может себе немножко торговать, чтобы скопить себе деньги для поездки в Палестину.

Пухлая рука раввина лежала на золоченом переплете талмуда.

— Реб Мойше, но наши дети здесь не при чем. Реб Мойше, спасите их. Вы знакомы с господином Рабиновичем, он нам поможет! — просили его старики...

— Господин Рабинович проклял ваших детей. Они всю фабрику взбунтовали, каждый день убытки... Красные близко... Завтра, послезавтра на фабрике забастовка. Весь город будет бастовать. Из-за ваших детей Рабинович отказался помочь бедным евреям, нам и нашему богу! — У раввина засверкали глаза, он покраснел от гнева. Старики, понурясь, молчали.

— Молитесь, и бог спасет, может быть, ваших детей. Будем вместе молиться.

Реб Мойше раскрыл талмуд.

★

Надзиратель впустил в камеру, где сидели шесть девушек, незнакомого молодого офицера. Оглядываясь на дверь, он начал говорить. Просто, по-человечески он рассказывал о себе, о своем революционном прошлом. Он называл по именам товарищей из партийного комитета, которые восхищались мужеством девушек. Советовал, как нужно держаться на допросе. Шопотом сообщил, что он работает разведчиком от Красной армии и теперь вот добился свидания, чтобы их спасти. Ласковая речь усыпляла подозрения.

— Ваше мужество — это победа нашей партии и комсомола, — горячо говорил офицер. — Дорогие друзья, вы нужны революции, и я вас спасу. Говорите, что передать товарищам. Вот карандаш, бумага. Пишите...

Теперь голос его звучал звонко, речь стала патетичной. Он сравнивал девушек с женщинами французской революции, сравнил их с Шарлоттой Кордэ.

Гордон пристально смотрела на офицера:

— Шарлотта Кордэ?.. Она убила Марата, вождя парижской бедноты. Плохо вы знаете историю французской революции, господин офицер. Вы такой же контрреволюционер, как и Шарлотта Кордэ.

— Не понимаю! — побагровел офицер.

— Вы лжете, шпион! — спокойно ответила Каплун.

Видя, что он расшифрован, провокатор вызвал в камеру казаков и приказал бить заключенных.

— Выдайте партком, типографию!.. Или запорю насмерть, — кричал офицер в бешенстве.

Девушки отвечали лишь взглядами, полными ненависти.

Молодой офицер проиграл пари начальнику контрразведки.

★

Шли мрачные, тюремные дни. Комсомолок перевели в общую камеру. Многое за эти дни в тюрьме передумали девушки о своей короткой жизни. Старшей, Гордон, члену партии, имевшей уже опыт подпольной работы, было двадцать два года, а самой младшей, Гальпер — шестнадцать лет.

Гальпер, совсем больная, лежала на гнилой соломе в жару и бредила. Она не могла шевельнуться, все онемевшее ее тело ныло от побоев.

Но издевательство и пытки над полуживыми девушками еще не кончились. Однажды ночью в камеру толпой вломились пьяные офицеры. Они надругались над девушками и ушли, оставив шесть распростертых на полу бесчувственных тел. Одна лишь Гордон была в сознании. Как во сне, слышала, что старик-надзиратель, закрывая дверь, сказал ей:

— В три часа всех вас выведут в расход.

Закрылась тяжелая дверь, лязгнул ключ, и все стало тихо.

Собрав последние силы, Гордон поднялась, прикрыла подруг и, найдя в углу осколок кирпича, с трудом выцарапала острием на стене:

«В ночь перед смертью в камере были комсомолки Готлиб, Лознер, Брантман, Гальпер, Каплун, Гордон».

Ночью за ними пришли, их вывели за ворота тюрьмы и усадили в повозку. Отряд казаков под командой офицера их сопровождал.

Было безлюдно и тихо. Кременчуг спал. Стуча колесами по каменистой дороге, катилась повозка темными, глухими улицами. Цокали копыта казачьих лошадей. Где-то далеко лаяла собака. Готлиб украдкой отрывала от своего изорванного платья клочки ткани и бросала на дорогу — чтобы друзья узнали потом, где они погибли.

— Куда везете, палачи?

— Отсюда не видно, барышня, — ухмыляясь и дохнув спиртом, ответил ближайший казак.

В предрассветной мгле зачернело что-то большое, угрюмое. Девушки узнали место: это был железнодорожный мост, соединяющий оба берега широкого Днепра. Светились фонари, шумно вздыхал стоящий на путях паровоз. Повозка остановилась под высокими железными арками моста.

— Куда прикажете вести, господин поручик?

— К фонарям ближе. На середину.

Подошел, вынырнув из темноты, какой-то старикашка с фонарем в руке. Мазнул тусклым светом по бледным лицам девушек, всмотрелся и хихикнул:

— А, товарищей привезли купаться!

На востоке заалела заря, начиналось холодное, осеннее утро. Ветер свистел в пролетах моста. По телам девушек пробегала ледяная дрожь. Двое солдат поддерживали Гальпер — голова ее свешивалась, она продолжала бредить.

— Прощайте, товарищи! — внезапно, собрав все силы, закричала Готлиб в темноту. — Прощай, родной комсомол!..

Жесткая казачья лапа сдавила рот, и отчаянный ее крик оборвался. Офицер, торопливо комкая слова, прочел приговор. В этот момент Готлиб вырвалась из рук казаков и метнулась в сторону. Казаки бросились за ней и схватили. Отбиваясь, девушка выхватила у одного из деникинцев кинжал и замахнулась, чтобы ударить.

— А, вот как? — крикнул офицер. — Руби!..

Через несколько минут девушки были зарублены насмерть. Потом один за другим послышались шесть глухих всплесков.

...Светало. По мосту, вздрагивавшему под тяжестью, медленно тянулся длинный товарный состав. Старикашка с ведром воды и мокрой тряпкой, бормоча что-то себе под нос, старательно замывал доски. В широких щелях между ними глубоко внизу огненной чешуей играла утренняя река. Поодаль на берегу, возле кучи бревен, валялись длинные черные косы, отрубленные острой казачьей шашкой.

С. ПОНЯТОВСКАЯ

ЮНОСТЬ

В конце марта восемнадцатого года белые войска генерала Корнилова и полковника Покровского вплотную приблизились к Екатеринодару. Гром артиллерии, бившей по белым от Черноморского вокзала, поднял на ноги весь город. Делегаты второго областного съезда советов прямо из зала заседаний отправились на фронт. Рабочие-красногвардейцы и солдаты-фронтовики вышибли белых с окраины города.

Фронт подковой охватил город. Грохот орудий, треск пулеметов, беглый огонь винтовок не смолкал четыре дня.

Я была на правом фланге, на участке между опытным полем и еврейским кладбищем. Белые нажимали здесь особенно сильно.

Ночью они ворвались на территорию городской больницы. Чеченцы-корниловцы двинулись в обход позиции красных, чтобы ударить с тыла. Как раз в этот момент замолчал пулемет красногвардейца, засевшего на чердаке против городской больницы. А выстрелы во дворе больницы гремели не затихая. Белые все сильнее теснили солдат и красногвардейцев.

Со звоном посыпались стекла. Красногвардеец-пулеметчик высунулся из слухового окна и что-то кричал, размахивая руками. Гул боя заглушал его слова. Он исчез на минуту и снова появился в окне. В руке он держал пулеметную ленту. Она была пуста.

— У него нет патронов! — сказала я. — Скорее!

Схватив два ящика с пулеметными лентами, я выбралась из окопа и побежала вдоль улицы. «Только бы добежать, пока не заметили, только бы добежать!» думала я.

Еще каких-нибудь двадцать шагов — и я у цели. Но улица вдруг словно опрокидывается на меня, и земля совсем-совсем близко.

— Упала! — кричит пулеметчик с чердака. — Возьмите у нее ленты!

*

Я открыла глаза: солнечный луч лежал на белом халате врача. Врач говорил с человеком, которого я не успела разглядеть:

— Один белый, попавший к нам в лазарет, был поражен: столько раненых женщин! «Можно подумать, — говорил он, — что Екатеринодар защищали бабы...» Вот эта, например: ранена в обе почки навылет. Большая потеря крови. Лежала несколько часов на холодной земле — никак не могли к ней подойти: белые обстреливали. Месяца два пролежит у нас. Если, конечно, все будет хорошо...

Раны, полученные мной в памятный день последней корниловской атаки, долго не заживали. Наконец к началу третьего месяца пребывания в госпитале мне разрешили встать с койки.

Опираясь на плечо санитарки, я нерешительно сделала первый шаг. Ноги почти отказывались служить.

«Пройдет, — подумала я. — Я просто отвыкла двигаться».

★

Весну и лето восемнадцатого года я работала в отделе народного образования и в союзе молодежи. Приближался Деникин. В нашем тылу зашевелились кулаки. В некоторых станицах Кубани начинались погромы: били иногородних. Деникин шел на Тихорецкую, чтобы отрезать Кубань от Царицына.

Восемнадцатого июля Тихорецкая пала. Вокруг Екатеринодара пылали кулацкие восстания. Поблизости были банды Шкуро, бастовали меньшевистски настроенные печатники. Десятки тысяч беженцев — жертвы станичных погромов — появились на улицах Екатеринодара.

Пятнадцатого августа город вздрогнул от орудийного гула. Белые были у ворот. Аэроплан, летавший над городом, разбрасывал воззвания с подписью генерала Деникина. Обозы с десятками тысяч беженцев хлынули к переправе.

Я снова надела шинель. Куда итти?

Конечно, к партийному комитету. Там уже собрались многие советские работники, рабочие, учащиеся. Секретарь комитета тоже был здесь. Лицо его было хмурое, с отпечатком бессонных ночей.

Подъехали две повозки с винтовками и патронами. Коммунисты разобрали оружие и начали быстро грузить на повозки ящики с партийными документами. Через четверть часа отряд шагал по улицам к переправе.

Вечерело. Гул канонады усиливался. У переправы через Кубань образовался огромный затор из людей, пушек, повозок.

★

Двадцать шестого августа белые взяли Новороссийск. На вокзале, на запасных путях, офицеры нашли целый поезд с ранеными красногвардейцами. Из окон вагонов раненых выбрасывали на рельсы под колеса маневрирующих составов. Казалось, вокзал отбивается от атаки: это на путях расстреливали раненых. В городе шла беспрерывная стрельба. В доме губернатора офицеры пытали захваченных советских работников. Их били прикладами, вставляли им в горло шомпола.

В Майкопе генерал Покровский учинил такую резню, перед которой померкли ужасы Новороссийска. Были изрублены и повешены четыре тысячи рабочих и крестьян.

Теперь белые овладели Кубанью. Красногвардейские отряды стягивались к Армавиру, отстаивали Невинномысскую.

На станции Кавказской ко мне подошел командир отряда и, глядя мне в глаза, сказал:

— Товарищ, вы должны понимать, что в вашем состоянии, еле двигая ногами, вы не принесете отряду никакой пользы. Какой же из вас боец!

Слезы отчаяния подступили к горлу. «Как? В восемнадцать лет чувствовать себя инвалидом? В самом расцвете сил быть в тягость товарищам? Запрятаться куда-то в обоз со старухами и детьми, когда каждый боец на счету, каждая винтовка помогает делу революции?»

«Хорошо, — решила я. — Не в отряд, так в разведку или на подпольную работу в тылу у белых — мало ли есть путей, чтобы служить революции!»

*

На улицах Армавира шла ожесточенная борьба. Девятнадцатого сентября белые взяли город. Двадцать пятого сентября их выбили таманцы. Но было очевидно, что на стороне белых огромное превосходство сил.

Нескончаемые обозы тянулись к Пятигорску. Таманцы пошли на Ставрополь, на соединение с левым флангом 10-й армии для совместных операций против Батайска и Ростова.

В Терской области красные бились с белоказачьими отрядами Бичерахова.

Я получила командировку в Минеральные воды. В поезде ехали партизаны Кочубея. Это были майкопские ребята, успевшие уже побывать в тылу у белых. Их рассказ о зверствах генерала Покровского заставил меня затрепетать:

— Я иду, товарищи, в ваш отряд.

Партизаны смущенно переглянулись:

— Так-то так, товарищ. Да вот удобно ли вам будет у нас... Ведь как-никак женщина.

— Ничего.

Я ушла с отрядом Кочубея. У станции Невинномысской бился он с генералом Воскресенским. Частыми налетами на белогвардейские отряды кочубеевские партизаны тревожили белых. Они захватывали и трофеи — пулеметы, обмундирование. Я все время была на линии огня.

В это время на станции Минеральные воды я организовала союз молодежи. А когда я приехала в Пятигорск, здесь сформировался коммунистический отряд против генерала Шкуро. Но в партийном комитете мне сказали:

— Хватит, повоевала. Почки прострелены, хромаешь на обе ноги. А к тому же вопрос... может быть, и нескромный, но ты, кажется, беременна?

Все же я уехала на фронт, хотя и с другим отрядом.

В тот же день я участвовала в перестрелке с белыми у горы Бештау. Белые били по нас из двух пулеметов, засев за стенами монастыря. Пуля попала в ногу.

Белые жали со всех сторон: с Кубани, с Дона, из-за Кавказского хребта. Дезорганизованная предательством Сорокина и эпидемией тифа, армия не могла уже бороться за Кубань. Тысячи красноармейцев и партизан находили смерть в бою, другие тысячи гибли от мороза и сыпняка.

Когда красные уходили из Пятигорска, я осталась лежать в лазарете. Белый офицер явился сюда с приказом арестовать меня.

— Сыпняк ведь, — заявил дежурный врач офицеру.

— Это несущественно, — заметил офицер. — Все равно умирать. Мы ее забираем.

В тюрьме наступил кризис. Я стала поправляться. Шатающуюся, с обритой головой, на восьмом месяце беременности меня повезли в контрразведку.

★

Трупик ребенка был черный. «Это результат заражения крови», сказал врач тюремной больницы. О моем избиении в контрразведке он, казалось, забыл.

Потом мне рассказали, что я ничего не понимала. Часами смотрела в потолок, лепетала, как ребенок.

— Заговаривается, рехнулась, — шептались вокруг.

Лишь через две недели сознание вернулось ко мне.

Вскоре мне объявили, что по ходатайству родственника — офицера деникинской армии — меня освобождают до суда на поруки. Но я должна была ежедневно являться в контрразведку для регистрации.

★

— Это же совершенно ясно, — говорил мне наш подпольный организатор, — что как только уедет твой поручитель, тебя расстреляют без всякого суда. Надо бежать подальше, в тыл. Завтра мы едем в Екатеринодар.

Он достал мне подложные документы и невзрачное зимнее пальтишко.

Поезд на Екатеринодар уходил рано утром. Обмотав голову платком, с мешком за плечами взбиралась я по ступенькам вагона. Я ничем не отличалась от тысячи мешочников, наводнявших в те годы поезда и вокзалы. Мой спутник тоже ничем не выделялся в этой серой, унылой толпе.

Поезд шел по местам недавних жестоких боев. То здесь, то там виднелись небольшие курганы и бугорки — иногда с крестом, иногда просто с дощечкой или красной ленточкой на шесте. Оттепель обнажила конские скелеты, над ними кружилось воронье. Навстречу поезду неслись разбитые снарядами будки путевых сторожей, сожженные казармы ремонтных рабочих, обгорелые станции, временные на шпалах мосты.

Изредка по вагонам проходили офицеры. Они внимательно оглядывали пассажиров, спрашивали документы, ощупывали мешки

и, сверкая франтовскими сапогами, брезгливо переступали через людей, храпевших на полу.

В Екатеринодаре мы разыскали конспиративную квартиру.

— Кто там? — спросили нас из-за двери.

— К Безуглову, пане, приехали. Откройте.

Дверь отворилась. На пороге стоял седобородый старик в длинном черном халате. Он был похож на муллу.

Подпольщик не должен удивляться. Мы сказали пароль и получили отзыв. «Мулла» повел нас во вторую комнату, где горел яркий свет, а окна были закрыты плотными занавесками.

Вместе с хозяином мы уселись за стол. Старуха принесла кофейник и чашки. Я коротко рассказала о положении в Пятигорске.

— Софья, неужели ты меня не узнаешь? — прервал вдруг меня «мулла».

— Ты? Аликбер Тагиев?

— Я.

— Никто бы не подумал. Ты же совсем старик!

— Ляпис делает старым, хна делает молодым...

Тагиев был смелый подпольщик. Я познакомилась с ним в Екатеринодаре в восемнадцатом году.

— Значит, едем, Софья,— решил он, когда все было сказано.— Нас ожидает работа. Кубань стала глубоким тылом. Деникин мечтает о Москве. Нам нужно на Украину, ближе к фронту.

— Когда же?

— Завтра.

★

Труден был путь на Украину.

В Мариуполе перед самым приходом красных я была ранена еще раз шальной пулей.

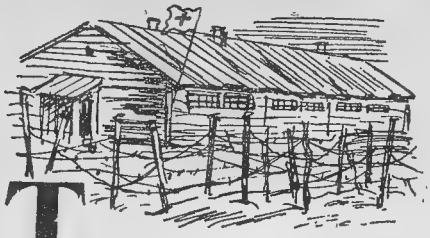
Четыре месяца я боролась за жизнь. А когда начала оживать, подумала с тоской и болью: «Меня выбили из строя окончательно».

В этом же году последние остатки белых армий были сметены в море, выброшены за пределы Советского Союза.

★

... Залечивая раны, страна возрождалась к новой жизни. Были годы борьбы с разрухой, годы восстановления, годы реконструкции, годы борьбы за пятилетку. Пятилетку выполнили в четыре года. Снимались леса с первых индустриальных гигантов.

Партия переделывала людей. Вместе с моей страной я переживала вторую счастливую юность. Я училась, работала, росла. Теперь я врач, научный работник. Воспитываю молодежь, передаю ей свои знания, свой революционный опыт. И если вспыхнет гроза над советской границей, я снова возьмусь за винтовку, чтобы защищать нашу великую родину.



П. ВИШНЯКОВА

«ХОЛЕРНЫЙ БАРАК»

Тяжелые дни переживала Кубань в августе восемнадцатого года. Белогвардейщина опять поднимала голову. Измена Сорокина сильно ударила по нашим фронтам. В станицах громили и резали иногородних. Десятки тысяч людей, бежавших от лютой смерти, тянулись по улицам Екатеринодара, Новороссийска, Армавира.

Белые наступали.

В середине августа восемнадцатого года они заняли Екатеринодар. Я была в это время в Геленджике. Узнав об этом, мы, небольшая группа коммунистов, поехали в Новороссийск.

Уже почти у самого города нас окружила какая-то банда — все в масках. У нас отобрали вещи, деньги, оружие, потом связали нам руки. Наконец атаман приказал привязать нас за ноги к линейке.

Бандиты распрягли лошадей, загнали линейку в ущелье за кусты держи-дерева и скрылись. Один из товарищей как-то сумел развязаться и освободил всех нас.

В Новороссийске была паника. Белые приближались к городу.

На рейде то и дело показывались военные суда интервентов. И с суши и с моря на город смотрели жерла вражеских пушек.

Мы созвали собрание нашего актива — екатеринодарцев. Собрание постановило: «Влиться всем в Таманскую армию и двигаться с ней через горы на Туапсе».

Через несколько дней белые взяли Новороссийск.

Кровавой резней ознаменовалось это событие. В истории гражданской войны на юге было много примеров, когда хладнокровно и методически белые уничтожали побежденных. Из санитарных поездов и лазаретов белые вытаскивали раненых и больных. Их убивали тут же, на станционных путях и на мостовых города. Качались на виселицах трупы с посиневшими лицами. В Адамовичевой балке закапывали живыми захваченных красногвардейцев.

Немногим посчастливилось бежать в горы.

*

В Геленджике мы проверили свой командный состав. Во главе армии по единодушному решению командиров был поставлен Матвеев, начальником штаба — Батурин. Оба — члены партии. Колоннами командовали Кочергин, Колесников и др. Все это были люди, на которых мы могли вполне положиться.

В армии было много наших екатеринодарских рабочих и железнодорожников из Новороссийска, много матросов, иногородних и казачьей бедноты.

Мы решили пробиваться на соединение с отступающими к Армавиру частями Красной армии.

Мне и Михаилу Дроздову было поручено наблюдение за порядком при отступлении. Мы должны были уйти из Геленджика последними и после того, как оттуда вывезут все оружие и продовольствие.

Работы было так много, что мы незаметно замешкались. Солнце уже село, потянуло вечерней прохладой.

Стало быстро темнеть.

Мы услышали вдруг легкий топот босых ног. Два загорелых подростка остановились перед нами. Один из них, сильно заикавшийся, сказал:

— Мамка прислала сказать тете Пане: кадюки уже на заводе! Поехали вот сейчас обходной дорогой.

— А кто твоя мамка?

— С цементного завода. А папка с таманцами ушел.

Мы бросились туда, где должны были находиться наши кони. Увы! Их и след простыл. Должно быть, их увела меньшевистско-белогвардейская «самооборона».

— Знаешь, Паня, — задумчиво произнес мой спутник, — наверное, теперь нас повесят.

С этим славным стариком мы не раз бывали в переделках. Не раз мы сидели и в царских тюрьмах. В революционную работу мы тоже вступили вместе. Естественной была мысль о совместном горьком конце.

Нас спасли темнота и кусты держи-дерева, широко разросшегося вдоль улицы. Мы там спрятались.

Когда совершенно стемнело, мы направились к больнице на Толстый мыс. По городу уже гремела музыка и трещали праздничные фейерверки.

Поздно ночью вышли мы в горы.

— Догонять Таманскую армию, — сказала я, уже не веря в эту возможность.

— Догонять, — согласился Дроздов, — только итти не по шоссе, а горами. На шоссе нас непременно схватят.

Мы двинулись по нехоженным диким местам, через скалы, горными, чуть заметными тропами. Сначала шли очень быстро, но скоро начали уставать. Прогулка вызвала аппетит, и тогда только мы вспомнили, что не захватили с собой никаких продуктов.

Кругом расстилались безлюдные, голые места. Жажда и голод мучили нас с каждым часом сильнее. Тщетно искали мы среди скал какого-либо проблеска воды. Только море, не утоляющее жажды, слепило глаза сиянием своего безграничного волнующегося простора.

Мы пробирались с опаской, озираясь и всматриваясь в каждый кустик и камень на нашем пути. На четвертый день голод уже

буквально валил нас с ног. С нами было много папирос, и мы все время курили.

Усталость, голод, нервное напряжение преображали окружавший нас дикий ландшафт. За каждым кустом нам чудился белый стрелок, в каждом звуке мы чуяли шум погони, лай собак или конский топот. Часами, шаг за шагом взбирались мы на крутые подъемы.

Где мы? Я начала припоминать. Эти места я как будто хорошо знаю. Это здесь я бывала когда-то у толстовца Анисимова. Он сидел со мной в тюрьме.

Много раз говорил он еще до революции: будет трудное время — приезжай ко мне. У меня домик в горах, недалеко от моря, совершенно уединенный.

Многое изменилось с тех пор. Кто его знает — как отнесется ко мне он сейчас. Но деваться было некуда. Я решила разыскать Анисимова.

Мы условились, что мой спутник будет ждать меня здесь, в кустах, а я пойду на поиски. Тут я впервые оглядела себя: мое парусиновое платье было сильно измято, испачкано землей, в волосах листья.

Вид у меня был дикий. Прежде чем показаться людям, следовало привести себя в порядок.

Я спустилась ущельем к морю, выстирала платье, высушила его на солнце, разгладила камнями. Из волос выбрала листья. Потом разыскала домик Анисимова.

На мой стук вышел незнакомый мне человек:

— Анисимова нет дома. Дома его жена.

Для меня было новостью, что он женат. Но жена — так жена: я решила поговорить с ней.

К ужасу моему жена Анисимова оказалась знакомой мне правой эсеркой из Екатеринодара. Она меня сразу узнала:

— Ты одна?

— Одна, — говорю я. — Мне нужен Анисимов.

— Он будет завтра.

У меня было немного денег: рубль двадцать или рубль тридцать. Я говорю:

— Вот деньги — нельзя ли купить хлеба?

— Хлеба нет. Могу достать винограда.

Виноград после четырех суток голода — это могло кончиться плохо. Но делать было нечего.

— Хорошо, — говорю я, — только ты принеси мне его в горы.

Она согласилась.

Я опасалась, что она меня выдаст. Но нет — все прошло благополучно.

Мы с Михаилом ели виноград по одной ягодке, уговаривая друг друга:

— Хватит, довольно. Больше нельзя.

Поев, мы повеселели. Жажда уже не мучила. Назавтра Анисимов не приехал. Мы решили его дожидаться. Снова тревожная ночь. Я спала, а Дроздов дежурил.

Среди ночи он меня разбудил:

— Слушай, Паня, какой-то шорох. Может быть, белогвардейцы...

Мы долго прислушивались. Действительно, где-то неподалеку слышался какой-то шорох или шопот: кто-то, казалось, разговаривал.

Ночь была тихая, темная. Да, здесь неподалеку были люди. Вернее всего, они сидели на одном месте, разговаривая. Стоило приложить ухо к земле, и шорох слышался совершенно отчетливо.

— Возможно, что это и не белогвардейцы, — сказала я. — Но надо быть осторожными.

На рассвете мы стали искать своих загадочных соседей по лесному убежищу. Скоро мы их увидели. Это были двое мужчин, совершенно голых.

— Слушайте, — стала кричать я им издали, — вы немного прикройтесь листьями, я к вам подойду!

Они, бедняги, видно, перепугались, но сломили себе по ветке, и я подошла.

Это были матросы из наших отрядов. Их захватили белые в Новороссийске, раздели до нитки и повели на расстрел. Они бросились в море, где-то захватили шлюпку, плыли в ней ночами. Они, как и мы, не ели несколько дней. Мы отдали им часть винограда.

Тут, за едой, они рассказали нам обо всем, что произошло в Новороссийске. От них мы узнали, что весь партийный комитет расстрелян.

Теперь нас было уже четверо. Стало как будто веселее. Но во что одеть наших «Адамов»? Дроздов отдал одному свои кальсоны, другого одели в мою нижнюю юбку. Начали строить планы.

Один матрос говорит:

— Давайте здесь рыть пещеры. Будем жить, дожидаться перемены. Или организуем партизанский отряд. Вишнякова пусть будет за атаманшу.

— Доползти бы нам до своих, — вздохнул глубоко Дроздов. — Были бы мы сейчас с Таманской армией, не о чем было бы и гадать...

Все согласились, что это было бы лучше всего. Но где Таманская армия? Пожалуй, уже за Туапсе...

В этот же день пришел к нам Анисимов. Он принес нам хлеб и мясо. С ним мы обсудили наше положение.

— Я достану вам паспорта, — сказал Анисимов. — Мужчины, пожалуй, могли бы еще пробраться на Туапсе. Что же касается тебя, Вишнякова, то это никак невозможно. Все посты по дороге заняты офицерами, офицеры почти все екатеринодарские, знают тебя в лицо.

Мы остались в горах, а Анисимов пошел на разведку. Он побывал в Геленджике и узнал, что там есть большевистская группа. Есть и несколько врачей, помогающих большевикам спасаться от белого

террора. Из Геленджика Анисимов принес нам деньги и паспорта и даже оружие. Матросов мы приодели довольно прилично.

Наступил день расставания. Матросы пошли догонять Таманскую армию, а я с Дроздовым опять по горам направились в Геленджик. Анисимов же поехал туда по дороге, чтобы предупредить геленджикских большевиков и условиться с ними о месте нашей встречи.

Теперь нам итти было легче. С нами были хлеб и вода и уверенность в том, что мы не одни среди озверевших белогвардейцев.

В условленном месте, в ущелье вблизи Геленджика, нас ожидал товарищ Евменев. Он рассказал нам о зверских расправах, которые ежедневно творятся в городе. Я узнала, что отец мой и мать арестованы и их объявили заложниками.

Первой моей мыслью было пойти и отдаться в руки белогвардейских палачей, лишь бы освободить родителей. Но меня убедили в том, что стариков все равно не освободят. Зачем же лишняя жертва?

Дроздов захотел повидаться с женой и отправился в город. Ночью его арестовали. А он был уже болен: сказывались лишения, перенесенные в горах. Его поместили в больницу, опасаясь холеры. Это навело нас на счастливую мысль: мы решили открыть в Геленджике «холерный барак».

Между цементным заводом и Геленджиком было несколько строений, ничем не привлекавших внимания. Здесь были наскоро вкопаны в землю столбы, и на них напутана колючая проволока. Площадка вокруг строений была густо посыпана негашеной известью. Столбы с надписями «Холерный барак» заставляли каждого любопытного быстро сворачивать в сторону.

В бараке был врач. Он попал сюда вовсе не из любви к холере — его разыскивала контрразведка. Была фельдшерица Ивашина, тоже скрывавшаяся от петли. Я ходила в белом халате, кажется, числилась врачом.

Не было только больных. Но их поставляли из города сочувствовавшие нам врачи. Привезли старика лет под девяносто, явно кончавшегося. Он умер, и его схоронили, а могилу залили известью и карболкой. Потом привезли древнюю старуху, пожалуй, лет за сто ей было. И она умирает. По городу распространились зловещие слухи:

— Снова холера!

И тогда привезли к нам Дроздова. Михаил был серьезно болен. А тут привозят к нам из тюрьмы целую партию арестованных, и с ними — конвой... Я, конечно, заперлась, не выхожу, говорят — заболела. Врачи подняли шум. Они кричали, что солдат надо убрать, так как «холера может распространиться и на армию».

Конвой после этого сняли.

Михаил через день умер. Пришлось и его похоронить как холерного. И тогда мы решили, что хватит, довольно нам здесь отсиживаться.

Во всех наших делах нам помогала семья Евменевых. Их было несколько братьев.

Володя Евменев был председателем совета рабочих депутатов на Тонком мысе, и его разыскивала контрразведка. Брата его жены, учителя, мобилизовали в офицеры, но он все мечтал пробраться к большевикам. Он устроил себе командировку не то в Одессу, не то в Керчь. С ним поехал носильщиком до Новороссийска наш человек — Гудима.

В Новороссийске мы, отступая, оставили товарищей для подпольной работы. Они должны были переправлять отставших в более безопасные места. Гудима с ними связался, и они обещали наладить мне переправу.

Я снова ушла в горы. Около месяца жила в разных аулах. Кто-нибудь из Евменевых приносил мне еду и известия от товарищей. Наконец сообщили, что из Новороссийска приехал за мной человек.

— Все готово для переправы, — обрадовал он меня. — Ты поедешь из Новороссийска в Симферополь.

Но как добраться до Новороссийска? Везде на дорогах стоят усиленные посты. Всех проезжающих подвергают допросу и обыску, просматривают и проверяют документы. Пароходом ехать — еще опаснее.

Врач Николай Евменев жил в Геленджике легально. Он предложил перевезти меня в Новороссийск как тяжело больную.

Началась «обработка». Я неузнаваемо изменилась: огромный живот, как у беременной. Потом стали втирать мне в лицо какую-то мазь. От нее я стала мертвенно-бледной. Волосы чем-то травили. Наконец наняли какой-то рыдван и наложили в него соломы. А потом вынесли меня на носилках как умирающую. Я непрестанно стонала. Со мной поехали два врача и две сестры. Врачам вручили какую-то особенно страшную медицинскую бумажку, и наш рыдван загремел.

Нас останавливали очень часто. Врачи показывали бумажку, объясняли, что за болезнь, просили разговаривать потише, не беспокоить больную.

Ночью мы прибыли в Новороссийск. Наш «дилижанс», гремя, подкатил к больнице. С большими предосторожностями меня уложили опять на носилки и понесли прямо в операционную.

Когда дверь закрылась, ко мне, улыбаясь, обратился один из находившихся в зале врачей:

— Вы, товарищ, среди своих. Поднимайтесь, приводите себя в порядок. Вас уже ожидают.

Через десять минут мы сели на извозчика, ожидавшего нас у другого подъезда. Меня повезли на Адамовичеву балку, к рабочим.

Здесь шло совещание. Товарищи, только что прибывшие из Екатеринодара, рассказывали о положении на фронтах. Положение было тяжелое, но далеко не безнадежное. Все были уверены, что военное счастье вновь улыбнется нам.

Хотелось остаться здесь для работы. Но это было бы безумием.

— Тебя здесь знает каждая собака. Провалишься наверняка, — отговаривали товарищи.

Меня нарядили под барыньку — модная шляпа, вуалька, какие-то кольца на руках. Новенький паспорт, выданный киевской полицией.

Мы отправились на пароход — я, Гудима и еще двое товарищей — с таким шиком, что стоявший у трапа усатый жандарм, вероятно, бывший городовой, по привычке потянулся к козырьку.

А поднявшись на пароход, важная «барынька» полезла в трюм и зарылась среди мешков с табаком. Мы ожидали контроля у Таманского полуострова.

Только когда пароход бросил якорь в Керчи, мы вышли на палубу. Мерно шагал вдоль пристани немецкий часовой.

Перед нами была новая обстановка, новые условия борьбы.

А. МЕЛЕЩЕНКО

ПОДПОЛЬНЫЕ ЛИСТКИ

Я сама — екатеринодарская. Отец мой — бондарь. Семья у нас была большая. Когда началась германская война, я вместе с подругами Нюрой Кармазиной и Лизой Самойленко поступила в типографию Трубы. Тогда работниц еще мало было в типографиях, но владелец Труба брал к себе женщин, хоть и смеялся над ними: «Труба вылетит с вами в трубу».

Я работала в переплетной, но в свободное время шла к наборщикам и наблюдала, как они работают. Хозяин заметил, что я целые часы провожу в наборной, и перевел меня туда.

Работая в типографии, я стала посещать воскресную школу, организованную по типу университета Шанявского. Здесь мы познакомились с большевиками. Главным образом это были портные. Я страшно любила читать. Однажды знакомый мой, Михаил Карякин, дал мне книжку и сказал:

— Прочти, Настя. Потом скажешь, понравилась ли. Только никому не показывай. Тут против правительства.

«Ну, — думаю, — если против правительства, значит, интересная. Надо читать так, чтобы батька не видел».

Это был «Коммунистический манифест».

Заметив мой интерес к такой литературе, Карякин стал мне давать газету «Социал-демократ», напечатанную на папиросной бумаге. Потом большевики стали приглашать нас, работниц, на

свои собрания. Там говорили о войне, о том, что рабочим тяжело живется. Я жадно прислушивалась к этим смелым речам.

Увидев, что мы вполне освоились, ребята предложили нам таскать из типографии шрифты, чтобы организовать большевистскую подпольную типографию. Мы с жаром принялись за это дело. Бывало, разбираешь набор, свяжешь вместе строк сто пятьдесят — двести и сунешь в карман. Так мы растащили чуть ли не всю типографию Трубы. В нашей подпольной типографии печатались антивоенные большевистские прокламации. По ночам мы расклеивали их на стенах и на ставнях домов. Так постепенно все больше и больше я втягивалась в подпольную работу. В шестнадцатом году была арестована. Просидела в тюрьме больше месяца.

Когда в Петрограде произошла Октябрьская революция, у нас в Екатеринодаре власть фактически принадлежала генералу Покровскому. Он начал создавать белогвардейские отряды из реалистов и гимназистов. Нашу большевистскую организацию загнали в подполье. Был разгромлен партийный комитет, находившийся на Ростовской улице. Приехали на грузовике вооруженные юнкера и все разнесли: поломали столы и стулья, порвали все бумаги. После этого партийная организация и газета перешли на нелегальное положение.

Тогда комитет поручил мне, Нюре Кармазиной и Лизе Самойленко печатание нашей большевистской газеты «Прикубанская правда». Печатали мы в частной типографии, владельцу которой, конечно, платили. Пока мы работали, на улице дежурили наши ребята. Так нам удалось набрать несколько номеров.

Одновременно стали организовываться рабочие дружины. Занятия происходили в помещении воскресной школы, у директора школы большевички Мартыновой. Из женщин-работниц — прачек, портних, печатниц — был организован санитарный отряд.

Под нажимом красных отрядов генерал Покровский очистил город. Мы организовали советскую власть. В конце марта восемнадцатого года на Екатеринодар начал наступать Корнилов. В это время в самом городе не было вооруженных частей. Имелись только небольшая часть артиллерийского дивизиона да красногвардейские отряды на заводах. Корнилов появился совершенно неожиданно. Однажды вечером вдруг слышим пулеметную и орудийную стрельбу. Оказалось, что корниловцы уже подходят к станции Екатеринодар 2-я. Партийный комитет большевиков выпустил экстренное воззвание ко всем рабочим и трудящимся, призывая стать на защиту города от белогвардейцев. Тут поднялись все. Масса рабочих шла на фронт добровольно. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь отказался. Даже предприятия, находившиеся под влиянием меньшевиков, давали добровольцев — например, завод «Кубаноль» (сейчас им. Седина) и печатники. Красногвардейские отряды шли в окопы. Оружие брали, где придется. Тем, кто никогда не держал в руках винтовку, опытные товарищи показывали, как с ней обращаться.

Фронт находился около кожевенных заводов. Белые повели свое наступление от Кубани и обложили город кругом. Фронт был очень растянут. Женщины не отставали от мужчин — рыли окопы, в фартуках, в юбках носили землю. Работали даже малые дети. В первые дни боев с корниловцами весь город грохотал — фронт проходил у самого города. На второй день пули долетали уже до главной улицы.

Наши окопы тянулись в три ряда. Сидит, бывало в окопе красногвардеец сутки-двое, проголодается, возьмет винтовку на плечо и идет домой. Пообедает — и снова на фронт. У всех было горячее желание отогнать Корнилова. Всех гнала в окопы классовая ненависть. На улицах Новой и Кузнечной, по дороге к кожевенным заводам, у каждого двора сидели старухи и дети. Возле них — бутылки с водой и молоком, яблоки.

— Голубчики, защитите нас, — говорили они проходящим красногвардейцам. — Берите, что хотите.

Женщины рвали простыни и приготовляли из них бинты для перевязок. Живущие в районе кожевенных заводов дрогали также помогали красногвардейцам. Бывало, оставит дрогаль лошадь свою шагах в двадцати от окопа, подходит к бойцам и спрашивает:

— Нет ли у вас раненых? Отвезу.

Уложит раненых на подводу, отвезет в лазарет и едет обратно на передовые позиции.

У нас имелись пушки, но не было опытных наводчиков. Стреляли мы наугад. Какой-то военнопленный, австриец, плохо говоривший по-русски, предложил свою помощь. Сначала товарищи опасались: а вдруг он наведет орудия на наши окопы и перебьет бойцов? Долго обсуждали, разрешить ему стрелять или нет. Наконец Люба Шевченко — участница боя — заявила:

— Дайте ему. Я его знаю. Я когда-то с ним гуляла. Не может быть, чтобы он был за белых.

Поручили батарею австрийцу. Он начал наводить пушки. Мы видим, что человек знает дело. В центре позиции белых находилась ферма. Видно было издали, что к этой ферме все время подъезжают конные. Мы поняли, что там находится штаб, и решили открыть по нему огонь. После того как наш снаряд разнес ферму, наступление белых прекратилось. Корниловцы отступили.

Фактически масса сражалась без командиров. Мы не знали, как стрелять, куда стрелять. Нам нужно было руководство, а его не было. Если бы мы имели настоящего военного руководителя, возможно, у нас не было бы таких потерь. На Дубинке, на Покровке редко найдешь дом, где бы не было или убитых или раненых в боях с Корниловым.

Жертв было много. Но все же победили пролетарский энтузиазм и классовая ненависть. Рабочие и работницы, не умеющие по-настоящему держать винтовку в руках, разбили отборные офицерские части.

На второй день боев я была ранена. Произошло это так. Один из товарищей каким-то образом оказался лежащим далеко от окопа. Я видела, что он корчится на земле, очевидно, был ранен. Недолго думая, я вылезла из окопа и пошла прямо к нему. Дошла до него, разорвала на нем окровавленную рубашку, смотрю — у него под сердцем рана. Послушала сердце: кажется, бьется. Была я очень крепкая. Взвалив раненого на спину, потащила его к своим. Ноги у него волочатся по земле. Прошла я с ним немного, чувствую — тяжело. Отдохнула и пошла дальше. Слышу, он перестал дышать. Что, думаю, тащить мертвого? Оставлю его, а потом, когда отобьем белых, подберем. Опять послушала у него сердце. Не бьется. Тогда я положила мертвого товарища и направилась к своим. Ребята в окопе ругаются, машут мне руками, велят нагнуться. Очевидно, меня заметили белые и начали по мне стрелять. Только я подумала, что нужно лечь на землю, как чувствую, что меня кто-то по ноге точно железной палкой ударил. Я упала и стала медленно ползти. Белые стреляли разрывными пулями. Рана на левой ноге была громадная, как будто от снарядного осколка. Кое-как добралась я до окопа. Оттуда меня отправили в лазарет.

★

После этих боев советская власть существовала еще четыре месяца. Все это время я лежала в лазарете. С первых же дней доктора предлагали мне отрезать ногу. Но я долгое время не решалась. Куда я денусь с одной ногой? В типографии во время работы приходится все время стоять. Я боялась, что не смогу больше работать. Наконец все же согласилась. Мне ампутировали ногу. Долго я лежала в больнице. Пришли товарищи и сказали, что переводят меня в хорошую больницу против Городского сада.

В этом лазарете, очень хорошо обставленном, расположились партизаны. Лежат тяжело больные, а рядом с ними — гармонь, песни, отчаянный пляс.

Товарищи не забывали меня и часто навещали. Однажды товарищи принесли даже бутылку вина «Абрау-Дюрсо». Явилась ко мне делегация от правления профсоюза печатников. Ходили слухи, что в лазарете красногвардейцев не лечат. Профсоюз выделил нескольких человек для наблюдения над врачами.

Так пролежала я до августа восемнадцатого года. В один из дней слышу — стреляют пулеметы и пушки. Это наступал на Екатеринодар Деникин. Я спрашивала навещавших меня товарищей, в чем дело, но те успокаивали:

— Что ты! Это тебе кажется. Просто наши учатся стрелять.

Однако я никак не могла успокоиться. Через несколько дней приходит ко мне Нюра Кармазина и вдруг говорит:

— Завтра-послезавтра мы отступаем. Мы тебя возьмем в вагон вместе с другими товарищами, а пока перевезем в частную лечебницу.

— Зачем перевозить, когда вы меня с собой возьмете? Я и здесь полежу, — ответила я.

Все-таки Кармазина перевезла меня в лечебницу. На следующий день пришла опять. Вид у нее был смущенный.

— Настя, мы тебя не возьмем. Нет вагонов. Вместе со всеми в вагоне ты затеряешься. Мы будем отступать на Новороссийск, а дальше — не знаю, как. Кроме того тут остаются Таня Колодезная и другие товарищи.

И постаралась меня утешить:

— Да и не пойдут белогвардейцы в частную лечебницу.

Попрощались мы с ней, поплакали, и она ушла. На прощание оставила мне тридцать рублей. Потом слышу несмолкаемый грохот, а я все еще лежу — не могу подняться. Каждый шорох ко мне доносится. Лежала я на втором этаже. Настала ночь. Слышу, кто-то быстро-быстро бежит по улице в лаптях. Потом упал под окнами. Утром увидела в окно: лежит красногвардеец убитый, видно, один из тех, кто прикрывал собой отступление. Я завернулась в одеяло с головой и весь этот день проплакала. Больница опустела, все врачи и обслуживающий персонал куда-то исчезли. На следующий день появились нарядные барыньки и офицеры. Кто я и что — меня почему-то не расспрашивали. Я объяснила, что попала сюда в результате несчастного случая: ногу мне отрезало трамваем. Меня мало кто знал, так как я не была руководящим работником.

Хотя Нюра и успокаивала меня, все же я была уверена, что белые придут еще раз. Говорили, что они ищут большевиков по лечебницам. Ждала каждый день — вот придут, вот придут.

★

Прошло три дня. Поздно вечером, когда уже все больные спали, вдруг раздался неистовый грохот в дверь. Дежурный врач был старик Меерович. Он вышел в вестибюль и открыл дверь. Снизу послышались крики, ругань, матерщина. Потом все стихло. Подошла ко мне сестра и шепнула, что сейчас приходили шкуровцы. Кричали на доктора, грозили наганом и требовали пустить их осмотреть лечебницу:

— У тебя красные партизаны есть!

Меерович ответил, что у него женская больница, родильное отделение, и никаких партизан нет. С большим трудом удалось ему убедить шкуровцев.

Долго я пролежала в больнице и все не могла поправиться. Через несколько месяцев отняли еще часть ноги. Операцию делал хороший хирург, доктор Гелиашвили, который знал, кто я на самом деле. Начали оперировать меня под местным наркозом. Они режут, а я ругаюсь:

— Губите людей! Что вы так долго возитесь?

Доктор даже хотел бросить операцию. После этого началось быстрое улучшение. Приходит как-то Гелиашвили, садится на кровать и начинает со мной разговор:

— Эх, Настасья Ивановна, зачем вы жизнь свою сгубили? Бросили они вас, красные сволочи.

— Доктор, — говорю ему, — во-первых, я знаю, на что я шла. А во-вторых, пожалуйста, не морочьте мне голову.

— Не волнуйтесь. Я сам был участником событий пятого года.

И начал рассказывать мне о своем «революционном» прошлом. Он пытался показать себя революционером.

Месяцев через семь я, наконец, выздоровела. Уже стала ходить на костылях. Но вот врачи мне заявили, что они, конечно, держали бы меня и дальше, но жизнь сильно вздорожала. Иными словами, мне предложили убираться из больницы, так как платить я не могла.

Вернулась я домой на Покровку. Вся семья моя лежала в тифу — отец, мать, две сестренки.

Как самая «здоровая», стала я за ними ухаживать. На костылях подходила то к одному, то к другому, давала пить, помогала, как могла. К счастью, никто не умер, все выздоровели.

Однажды явились ко мне на квартиру товарищи и во время разговора предложили:

— Знаешь, Настюша, хорошо бы тебе устроиться в типографию. Можно было бы выпускать наши воззвания. Ногу мы тебе купим.

В Екатеринодаре была протезная мастерская. Действительно, через некоторое время я получила хороший протез. Работать решила поступить в типографию Казарова, где работала одно время, несколько лет тому назад, еще до революции. Кто меня сейчас узнает без ноги?

Я нанялась наборщицей под своей фамилией. Хозяин был новый — один из членов рады. Наборщики в большинстве были пятигорские, местных оказалось очень мало. Рядом со мной работал наборщиком товарищ Барбазан. Первое время мне было очень трудно. Едва-едва я выполняла свою норму. Трудно было долгое время стоять не присаживаясь; еще труднее поднимать тяжелую кассу. Хорошо еще, что Барбазан, если требовалось, всегда по-товарищески мне помогал. В нашей типографии печаталась газета. С белого фронта ежедневно приходили телеграммы: «Захватили на таком-то участке 5 пулеметов». И видно, что сбоку приписан ноль — получается 50. «Разбили большевистский отряд в 100 человек». Сбоку приписан ноль — выходит 1 000 человек. Наборщики подсмеивались над таким грубым и нескладным мошенничеством, особенно Барбазан. Я стала интересоваться, откуда он и что за человек.

Настроение у рабочих в это время в связи с удачами белых на фронте было подавленное, так что нужно было поддержать их дух. Поэтому наша подпольная организация написала воззвание к рабочим:

«Не верьте тому, что пишут в газетах. У нас есть связи с фронтом. Положение на самом деле совсем другое...»

Товарищ Лиманский прислал ко мне на квартиру свою дочь, которая передала черновик прокламации и попросила ее напечатать.

Я решила попробовать набрать прокламацию. Там посмотрю, с каким печатником можно будет договориться о печатании. Стала набирать. Если кто ко мне в это время подходил, я брала другой оригинал и набирала. Отойдет человек — снова начинаю набирать прокламацию. Тут-то я и попалась. Не заметила, что позади меня стоит Барбазан.

— Мелещенко, не закрывай. Я вижу, — тихо сказал он мне. — Давай помогу.

Тогда я дала ему кусок из прокламации. Действительно, он помог мне набрать. Мы разговорились с ним.

— Вижу, что делается. Буду вступать в партию большевиков,— сказал мне Барбазан. — Чувствую, что у нее одной правильная дорога.

Так мы стали работать вместе. Посоветовала ему договориться с каким-нибудь печатником. Их я знала хорошо, особенно старого беспартийного печатника Хайло, который давно поддерживал большевиков.

Стали мы обрабатывать Хайло. Раз с ним поговорили, другой.

Однажды Барбазан говорит ему:

— Вот наших мобилизуют. Надо бы напечатать листовку. Только все такие печатники — ни к кому не подсышешься.

— Давай набирай, — ответил Хайло, — а там мы подмогнем.

Начали мы с листовки против мобилизации. Напечатав, мы передали ее Лиманскому. Стали тогда подговаривать Хайло, чтобы он напечатал на машине наше воззвание. На той же машине печаталось в это время белогвардейское воззвание. Хайло согласился. Мы условились: если что-нибудь неладное, он останавливает машину и выключает набор. Набор падает и рассыпается. Работал Хайло в ночной смене. Надо сказать, что владелец типографии — полковник, страшный пьяница — хранил для себя водку в шкафчике, где лежали инструменты рабочих. Придет, бывало, в типографию, щелкнет себя по горлу, потрет руки — и к заветному шкафчику.

Работа уже была закончена, когда полковник случайно подошел к машине и взял как раз нашу прокламацию. Поглядел на нее мутными глазами:

— Плохо напечатано.

Накладчик не растерялся и проворно сунул ему в руки другую, белогвардейскую.

— Вот это хорошо. Печатайте вот так, — сказал полковник, бегло взглянув на листок, и ушел. Мы уже радовались, что опасность миновала, как полковник появляется снова и с ним трое офицеров. Очевидно, он все же что-то заметил. Вошедшие направились прямо к машине. Хайло поспешно остановил ее и выключил. Офицеры нагнулись над машиной, но в это время накладчик Сергеев стал в ней что-то поправлять.

— Вы скоро кончите? — спрашивают офицеры.

— Сейчас.

Тут набор с громом упал на пол и весь рассыпался.

Все же мы успели напечатать около семисот прокламаций. Распространяли их главным образом на окраинах по предприятиям. Привлеченная нами молодежь по ночам расклеивала листки.

Нам удалось выпустить две прокламации. Вторая была обращена к казакам. В это время Деникин вел атаку против рады. Он требовал единовластия и не признавал никакой казачьей «самостийности». Часть казачьей рады во главе с Калабуховым протестовала против этого. Деникинцы повесили Калабухова на Крепостной площади. По этому поводу мы выпустили прокламацию, которую принялись распространять по кубанским станицам.

В Смоленскую станицу была отправлена с прокламациями Лиза Самойленко. Я воспользовалась тем, что знала многих в Крепостной и Афипской, за Кубанью. Там было много иногородних из бедноты. Мои дядья — все четверо — сражались в отрядах красно-зеленых. Двое были убиты в боях против белых. Третий — Тихон Бондарев — убежал из-под расстрела к партизанам.

Нарядили мы Лизу казачкой-молодичкой. В кошелку наложили ей прокламаций, а сверху сушеной тарани. По железной дороге надо было ехать до станции Афипской. Потом Лиза рассказывала нам, как она пробиралась к партизанам. В поездах шли обыски. Белогвардейские патрули искали дезертиров, спрашивали документы и проверяли, что везут пассажиры. Заглянули к Лизе в кошелку и взяли связку тарани. Видя, что дело плохо, Лиза стала шутить с ними, заговаривать зубы. Она была красивая. Деникинцы принялись заигрывать с ней. Хоть и не нравится, но надо терпеть. Хотели еще взять тарани, однако Лиза запротестовала:

— Что вы делаете? У меня ничего не останется.

Патруль оставил ее в покое, и она благополучно доехала до Афипской. Здесь пересела на подводу и за три рубля добралась до Смоленской. Там она вручила прокламации Тихону Бондареву.

— Передайте Насте, — сказал он ей, — пусть достанут медикаменты. У нас много больных, а лечить нечем.

Хоть и трудно было достать медикаменты, но нам удалось сделать это через знакомого фельдшера.

Медикаменты Лиза тоже отвезла Бондареву. Но прокламации мы больше уже не могли выпускать, так как вместо пьяницы-полковника появился новый хозяин типографии. Тогда мы начали таскать шрифт для подпольной типографии, которую решили устроить. Сделали специальную кассу, вроде чемодана, в которой и переносили шрифты. Воровали шрифт и из других типографий.

Намучились мы с нашей подпольной типографией. Только-только разберем принесенные шрифты, как хозяева выгоняют нас из квартиры. Так было несколько раз. Пришлось перенести нашу типографию за город, на сады, где сейчас село Калинино. Туда я не ходила. Искусственная нога не позволяла делать такие дальние путешествия.

За день я так уставала от работы, что когда приходила домой, то пластом валилась на кровать. У меня на квартире была явка товарищей, хранились паспорта. Приходили подпольщики, часто переодетые офицерами или казаками. Обращались ко мне за всякими справками. В девятнадцатом году начались повальные аресты среди подпольщиков. Был арестован целый ряд товарищей. Я ждала с минуты на минуту, что и меня заберут. Пришлось перейти на нелегальное положение. В типографию я перестала ходить. Ушла со своей квартиры и стала жить у знакомых. В это время арестовали очень многих, в том числе и Акима Антоновича Лиманского, старого большевика, переплетчика, члена партийного комитета. Лишь небольшая группа товарищей осталась на свободе. Виновником нашего провала был провокатор Абросимов. Появившись в Екатеринодаре, он представился нам, что якобы приехал из Ростова для связи. Как раз после этого и начались аресты. Но мы продолжали свою работу попрежнему. Решили печатать прокламации в одной кооперативной типографии. Договорились об этом с наборщиком, беспартийным рабочим.

На другой же день после выпуска первой прокламации в типографию явились деникинцы и арестовали всех наборщиков и печатников. Был такой момент. Один из наборщиков забежал в типографию и увидел: все рабочие согнаны в кучу, их караулят стражники. По типографии ходит полковник, смотрит под станками, заглядывает в набор. (Рабочий, который набирал нашу прокламацию, сразу же понял, в чем дело, и своевременно спрятал набор.) Вошедший в помещение товарищ, увидя, что дело неладное, прикинулся заказчиком и громко спросил:

— Мой заказ готов?

Ему ответили, что нет.

— Ну, хорошо, я зайду в другой раз.

Так и ушел. Но дома у него уже сидел стражник, который его все же забрал.

Хотя прокламацию не нашли, но заведующий цехом и группа печатников были посажены. Выпустили их на волю только недели за две до прихода красных. В тюрьме наших товарищей все время мучили. При допросах жестоко избивали. У многих товарищей были выбиты зубы. Большинство арестованных рабочих было беспартийные. В это время Екатеринодар переживал полосу жесточайшего белого террора. Расстреливали деникинцы арестованных обычно на «Острове смерти» — на песчаной косе, которая вдается в реку Кубань. Почти каждое утро, рано на заре, можно было слышать, как трещит на реке пулемет. Тела убитых сбрасывали в воду.

Наша работа не прекращалась.

Партийный комитет выделял отдельных активных большевиков и прикреплял к заводам для связи с рабочей массой. Основным нашим правилом было всячески вредить врагу. Вот пример. На металлообрабатывающем заводе белогвардейцы попытались изготовлять

патроны. Раньше, во время германской войны, здесь выделывались снаряды. Рабочие всеми способами старались сорвать это производство. Во время приготовления литья литейщики тайком добавляли туда какой-то порошок, в результате чего состав получался хрупкий, не годный для производства. Администрация установила строгий контроль над всем процессом литья. Тогда рабочие стали говорить, что для выделки патронов требуется латунь. Белогвардейцы достали откуда-то латуни. Что делать? Нельзя же выпускать патроны для белых!

Придумали наши ребята новый маневр. Работают рабочие целый день, а сделают всего-навсего несколько патронов. Пошли тогда разговоры о том, что наши станки слишком примитивные, нужно выписать из-за границы. Таким вот образом мы сорвали литье патронов. Все это было проделано по инициативе самих рабочих.

Вообще немало у белых было хлопот с рабочими. Заняв Екатеринодар, деникинцы снизили на заводах полученную при большевиках двадцатипроцентную надбавку. Рабочие в знак протеста устроили итальянскую забастовку: приходили на работу, болтались по цехам и фактически ничего не делали. Видя, что из снижения ничего не выйдет, белые оставили эту надбавку.

Профсоюзы были разгромлены. Белогвардейцы врывались в помещения, ломали столы и стулья, рвали книги, уничтожали все делопроизводство. Это вызвало перелом даже среди меньшевистски настроенных рабочих.

Трамвайщики при попытке лишить их целого ряда льгот, установленных большевиками, остановили трамвайное движение в городе. Генерал Шкуро вызвал к себе управляющего трамваем. Тот посоветовал ему самому переговорить с рабочими. Вызвал Шкуро к себе группу рабочих и с плетью в руках стал на них кричать:

— Насмерть всех запорю!

Угрожал, ругался, топал ногами. Однако трамвайщики не сдались и добились своего.

Когда белые стали, наконец, отступать, то настоящих боев под самым Екатеринодаром не было. Белые отстреливались только для прикрытия своего отступления. Весть об отступлении Деникина катилась до самого Новороссийска. У нас уже тем временем были подготовлены воззвания к казакам. Мы расклеили их по городу. В воззвании говорилось о том, что «большевики не мстят. Всем, кто добровольно явится, будет помилование, кто захочет — будет отпущен по домам. Не идите с белогвардейцами, не стреляйте, сдавайте оружие».

Когда Красная армия освободила Екатеринодар от деникинских банд, я пошла на партийную работу.

М. ШЕЙКО

В ЗАСТЕНКЕ У БЕЛЫХ

Записала В. Сахно

Арестовать меня, слабую женщину, пришли шесть вооруженных человек. Было это в селе Урожайном Ставропольской губернии в девятнадцатом году. Мы как раз приехали с огорода. Было нас шесть женщин: мать моя, три снохи, сестра и я. Мы только что въехали во двор. Белые приказали мне следовать за ними. Меньшая дочь бежала следом за нами и плакала, просила ее взять, но белые наставили винтовки на семью и стали кричать: «Разойдись, будем стрелять!» Дочь отвечала: «Хоть убейте, но я пойду с мамой».

Когда меня привели в штаб, там сидели четыре офицера, в погонах, все на них блестит. Конвоиры доложили офицерам о моем приводе. Спросили, как моя фамилия. Меня отвели и посадили в тюрьму. Ко мне привели Соколову Татьяну и Гулаеву. Мы сидели месяц.

★

Белые в боях потерпели поражение. И вот утром нас начали пороть. Меня положили вниз лицом, один сидел на голове, а другой — на ногах. Чеченцы бить отказались, заявив, что они не будут пить крестьянскую кровь. Их избили и выгнали. Три белых казака начали меня сечь в три плети. По левую сторону сидели офицеры и полковник — всего человек восемь. Когда били, я стонала. Они смеялись. Я начала просить: «Убейте меня, но не мучайте». Но они громко, издевательски смеялись и говорили: «Мы тебя проучим, как быть комиссаршей. Закажи комиссаршам, что будет всем то, что тебе, миленькая».

Когда кончили сечь, я встать не могла. Казак ударил меня через голову по лицу два раза плетью. Все пропиталось кровью. Висели клочья кожи и мяса. Меня бросили в тюрьму, прямо на земляной пол, расстелив шубу. Из ран сочилась кровь, и я без перевязки лежала четыре дня. Вся одежда на мне пропиталась кровью, у меня был сильный жар. Речь отнялась, губы запеклись и ссохлись. Рукой я подозвала патрульного. Он украдкой дал мне пить, я выпила полведра холодной воды. Племянник мой был мобилизован белыми и стоял на часах. Мать моя пробралась к нему и известила, что тетя, сеченая, лежит и умирает. Племянник попросил полковника, чтобы избитую, умирающую тетку разрешили взять домой и дома ее похоронить. Полковник разрешил. Мама выпросила дроги, и меня, почти мертвую, поло-

жили на подводу. За подводой шли два патрульных с винтовками. Дома сбежались все родные, знакомые и соседи. Народу пришло меня хоронить много — полон двор, и в хате полно. Но я не умерла.

Восемь дней была я без сознания. Платье, окровавленное, сняли с кожей и мясом, — тогда почувствовала сильную слабость и боль и попросила чаю. Испытывала ужасные боли, лежать было нельзя, и меня под руки, под грудь и за ноги подвесили. Так я и висела на полотенцах. Из аптеки лекарств не давали.

Меня лечили своими средствами. Достали чистого льняного масла, украдкой приносили картофельной муки и серной присыпки. Этим меня лечили, пока раны стали заживать.

На полотенцах я была подвешена вниз лицом целый месяц. Понемногу я стала выздоравливать, ходить по комнате. Пришел ко мне патрульный и сообщил, что нас будут высылать в Красноводск за Каспийское море. Решила бежать. Часов в семь утра, босая, раздетая, в ситцевом платке я скрылась, захватив кусочек хлеба. Даже родные и дети не знали, где я находилась. Когда уходила, мать со двора погнала телят на выгон, а патрульный остался стоять у ворот на посту. Ко двору прискакали верхами на лошадях казаки... Стали у часового спрашивать, где жена Шейко. Патрульный им ответил, оправдываясь перед офицером, что когда он пришел, то ее не было дома — она ушла на базар и он ее дожидается.

Долго ожидали казаки вместе с патрульными и, не дождавшись, оставили второго патрульного, а сами поскакали меня разыскивать на базар. На базаре налетели на одну женщину, сходную со мной, и чуть-чуть не задавили ее лошадьми.

Искали меня по базару три часа. Но соседи отвечали: «Мы не бачили, що ходе по базарю, а де вона сичас — не знаемо». Кто-то сказал, что она ушла до Кумы. Они галопом полетели туда, перепугали детей и соседей до смерти. У нашего дома поставили двух патрульных: одного — у ворот, второго — на задах. На второй день маму забрали рано утром в штаб на допрос. Мать заявила — ушла на базар, а куда вы ее дели, я не знаю. Оставили мать в залог за меня. Она просится отпустить ее домой, но ее не отпускают.

Одного патрульного послали с подводой за детьми. Детей у меня трое. Все три девочки: одной десять лет, другой шесть лет и младшей — три года. Надя, десяти лет, закрыв дверь на замок, взяла маленьких сестренок за ручки и повела их канавой, по которой протекала вода. Навстречу детям вышли три соседки, дали им по яичку вареному и стали ругать патрульного: «Ты — свой человек, как тебе не стыдно, у этих детей нет ни отца, ни матери, они и так голодают, а вы совсем хотите погубить малюток, невинных ни в чем». Патрульный девочку все подманивал: «Поедем с нами, там хорошо, много конфет». Но девочка отвечала: «Я никуда не поеду, пока не придет бабушка». Дети ушли на край села в сады. Залезли в курник и там уснули и спали целую ночь. Бабушку выпустили

ночью. Она пришла домой, видит — дверь заперта и детей нигде нет. Все соседи и бабушка бросились искать детей, но их не нашли. Мужнина сестра, приехав в сад утром, услышала в курнике детский кашель. Испугалась, позвала соседку, и вдвоем подошли к курнику. Старшая девочка у входа в курник сидела на корточках, обняв за шею своих сестренок. Все застыли, посинев от холода. Ночь была холодная, дул сильный ветер. Когда детей стали звать в комнату, то они так были перепуганы, что своих родных даже боялись и со слезами говорили, что мы не вылезем, а то нас заберут.

Сообщили бабушке,— та пришла и забрала их домой.

Бабушка, моя мама, найдя внучат, стала разыскивать и меня, пропавшую без вести. Недели через две я пришла ночью. Около двора с двух сторон стояли и охраняли часовые. Но я зашла третьим ходом — через открытую дверь коридорчика. После этого я скрывалась уже больше года, и родные знали мое местонахождение, снабжали меня провизией. Приходилось ночевать по канавам, в бурьяне и под валом. Когда бежала первый раз, я перескочила через яму в человека ростом, где была картошка, и попала в засыпанную старую копань, т. е. колодец. В колодце я подлезла под земляную стенку, легла и колючками прикрылась, чтобы меня было не видно. Сижу я в копани, как заяц, попавшийся в капкан. На второй день мать моя в сеннике сгребала солому и заливалась слезами. Услышав плач родной матери, я кашлянула. Мама с помощью дяди меня вытащила. Я в ссылку и не попала, скрывалась, пока пришла из Астрахани Красная армия. Не удалось белым меня угробить.

И по настоящий момент жива. Я — колхозница. Воспитала этих трех дочерей и выдала всех замуж. Дочери уже имеют по нескольку детей. Старшая дочь, что в курнике спасалась, в настоящий момент тоже коммунистка.

Т. СОКОЛОВА

ПО ЭТАПУ

Записала В. Сахно

Я Татьяна Романовна Соколова (девичья фамилия — Таранова), родилась в селе Урожайном Левокумского района. Отец — крестьянин, бедняк. В тринадцатом году я вышла замуж за Соколова Иосифа Леонтьевича. Муж — из бедняцкой, крестьянской семьи. В восемнадцатом году моего мужа в Урожайном общее собрание послало делегатом на уездный съезд советов в город Святой крест. Там мужа избрали военным комиссаром. У меня на руках осталось трое детей, из которых самому старшему было пять лет.

Начали наступать белые. Были сильные бои. Беспрерывно трещали пулеметы. Красные отступали на Величаевку. С мужьями отступали жены и дети — кто на подводах, а кто пешком. Едва успели захватить кусок хлеба. Бежали рядом с подводами, детей несли на себе. Это было на пасху, на первый день. Мы шли садами, а в селе уже был бой.

Первый натиск белых был отбит, и все беженцы вернулись по своим домам. Прошли лето и осень.

Однажды зимней ночью вся наша семья была дома в сборе. Мы уже все спали. Вдруг прибежал сосед и сообщил о том, что нас сейчас придут грабить. Эти грабители — человек десять — были у него на квартире, его уже ограбили и изнасиловали сестру, девушку семнадцати лет, и жену брата. Минут через пятнадцать пришли к нам три человека, пьяные. Стали стучать в окна и двери. Муж в одном нижнем белье из постели выскочил в окно и убежал по селу в сады, отстреливаясь из браунинга. Они за ним гнались и тоже стреляли по нему. Когда муж скрылся, они, все трое, вернулись ко мне, взломали дверь и ворвались в комнату. Все допытывались, где муж, кто он такой, всовывая мне в рот наган. Поставили прямо в комнате к стенке, а дети — трое маленьких — кричали на печке. Надо мной издевались . . . Ушли, унеся домашние вещи.

Наутро я перебралась к родителям, оставив свою хату на произвол судьбы. Эти бандиты утром рыскали по всем дворам, расспрашивали, где я, но меня соседи и родители скрыли.

Муж скрывался в соседних селениях, жил в камышах. Он ночью пробирался из камышей домой за провизией. За нашей квартирой была усиленная слежка. Но мужу всегда удачно удавалось набирать провизию и уходить благополучно в камыши. Только он уйдет — являются белые и начинают допытываться, где он прячется. За провизией он ходил вдвоем с товарищем Шейко. Муж, оглядываясь по сторонам, осторожно прокрадывается в дом, а товарищ Шейко остается на часах в канаве для того, чтобы дать сигнал о грозящей опасности.

★

Весной девятнадцатого года как-то встретил меня брат и сказал, чтобы я спряталась у него. Но я брата не послушалась и пошла домой. Здесь меня белые арестовали и повели в тюрьму. Тюрьма была с решетками железными на окнах, на дверях большой замок, помещение холодное, с деревянными нарами. Ходил и охранял часовой. Я была не одна, была здесь жена Шейко — Матрена — и еще погибшего комиссара Гулаева жена.

Гулаева была беременна на восьмом месяце. Нас заперли в одном помещении. На второй день привезли двадцать мужчин и рядом, в другой комнате, посадили.

Сначала секли плетьми мужчин. Давали по сто, семьдесят пять и пятьдесят плетей. На третий день, в воскресенье, люди идут из церкви, а меня и Шейчиху секут плетьми и допрашивают, где наши

мужья. В течение дня секли три раза, по пятьдесят плетей каждый раз. Гулаева от испуга и от издевательства преждевременно родила двоих детей — и оба мертвые. В тюрьме мы лежали, посеченные, на голых нарах. От порки сильно болело тело, и ноги, до колен изорванные в куски, сочились кровью.

Сильно издевались, даже воды промочить засохшие губы не давали. Потом матери стали хлопотать, офицерам возили масло сливочное, молоко, кур, гусей. Они решили, что мы все равно умрем, и через несколько дней нас выпустили. Нас забрали родные. Дома я лежала без движения целый месяц. Раны загноились, врачей не было, лечили своими средствами. Полные ведра навезут желтой глины, деревянной калмыцкой чашечкой набирают из ведра и заливают мои раны. От сильного жара глина запекалась, ее мама выковыривала и заливала раны свежей, холодной, сырой водой, разведенной с глиной. После этого лечения мне становилось легче. Немного оправившись, стала подыматься и ходить на костылях. Вскоре меня вновь арестовали и с тремя детьми отправили в Святой крест. Везли нас под конвоем вооруженных казаков. По дороге завозили в каждое село, в тюрьму, где менялась стража. Стража была верховая, на лошадях.

На третий день мы с трудом добрались до Святого креста. Здесь под стражей мы находились две недели.

★

Из Святого креста меня с детьми решили отправить в ссылку — в Красноводск через Порт-Петровск. Со мной ехали из Урожайного еще семь семейств. Родные ехали на подводах за нами следом, но не подавали вида, что сопровождают нас. В Святом кресте они остановились у знакомых на окраине города и через них нам передавали передачу. Девочка лет двенадцати-тринадцати — Вера Сахно — всегда была дозорным и посыльным. Приносила передачу, привезенную родными. Из Святого креста три семьи были отправлены обратно, а нас, четыре семьи, повезли дальше. Пригнали на вокзал, погрузили в товарные вагоны и под стражей отправили в ссылку. На каждой станции наш вагон отцепляли и толкали все взад и вперед, толчки были такие ужасные, что на ногах в вагоне нельзя было стоять — все валились от толчков. Вагон трещал, люди стонали, дети плакали. На восьмой день нас, наконец-то, привезли в Порт-Петровск. Но нам эти восемь дней показались целым столетием. Сеченые раны ноют, слезы обиды подступают к горлу и душат. В Порт-Петровске под стражей отправили в город. Нужно было подыматься в гору. Пригнали нас в двухэтажный дом и поместили четыре семьи в одну комнату. Собирались отправить в Красноводск. На второй день к нам пришел один в офицерской форме и потребовал от нас все наши документы, посмотрел их и сжег, а нам сказал: «Вы, пока не поздно, собирайтесь и удирайте отсюда». Мы его спросили, как же нам уйти, если мы под стражей. Он ответил: «Я вас научу, как отсюда выйти. Собирайте вещи и

уходите не на вокзал, а на берег моря». В это время вокруг Дербента шли бои. «Офицер» нас предупредил: «Если спросят, кто такие, скажите, что вы — беженцы из Дербента». Из Красноводска белые привозили очень много раненых. Когда на пристани с пароходов сгружали раненых, то мы уже с детьми и с вещами были тоже на берегу Каспийского моря, под открытым небом. Море бушевало, свистел ветер. Тот же человек в офицерской форме подошел опять к нам и говорит: «Ну, как вы ушли? Счастье ваше, что в Красноводске сейчас идет бой, а то были бы вы туда отправлены. А сейчас вы сдавайте свои вещи в багаж только не до той станции, где вам надо сходить, а на полпути».

Мы послушались этого человека в офицерской форме. Наутро мы уже как беженцы погрузились в вагон и вместе с настоящими беженцами из Дербента отправились в Моздок. Не доезжая до Моздока, узнали, что нас ищут по всем вагонам. Нас разыскивали, указывая приметы, но так и не нашли. Подъезжая к Моздоку, когда поезд шел тихо, мы на ходу выскочили из вагона и стали принимать детей, которых нам передавали. Потом пошли на вокзал пешком. Этому нас научил все тот же офицер. Мы расположились на платформе в конце вокзала. Из вагонов начали всех выбрасывать. Ночь была темная. Нас разыскивали, освещая фонарем каждого пассажира и проверяя у всех документы. Подходили и к нам, но мы прикинулись спящими. Один из них настаивал разбудить нас и проверить документы, но кто-то сказал, что эти люди спали здесь еще до прихода этого поезда. Когда деникинцы ушли, мы стали перебираться за вокзал. Остановились за вокзальным сараем. Две женщины пошли разыскивать знакомых. До рассвета мы уже были в городе у них на квартире. Здесь находились два дня.

На третий день наняли две подводы на базаре. Уложились и тронулись в путь. Дорога была — сколько ни окинь глазом — везде степь широкая и раздольная. Выехали утром рано и часов в двенадцать ночи приехали в село Степное. Подводчики привезли нас к себе на квартиру. Утром отправили одну женщину в Урожайное сообщить о том, что мы из ссылки бежали. В Степном мы поселились в большой землянке без крыши, без окон и без дверей, внутри росли высокая лебеда и бурьян. Мы этот бурьян вырвали, настелили его вместо постели и уложили детей. Мне пришлось дня четыре голодать. Я посылала своего сына Ивана (в настоящее время комсомолец) ходить и просить пропитание. Приходилось и самой ходить и собирать. Сын и я приносили хлеб и арбузы, и этим сбором питались четыре человека: трое детей и я.

★

В Урожайном узнали о нашем побеге. За нами приехали на двух подводах родные. Лошадей гнали быстро, чтобы скорее спасти бежавших и замести следы.

Из Степного мы пробирались глухой степью через татарские аулы. Ехали не по дороге, а напрямик, по высокому бурьяну. Нас

приняли камыши, там мы и поселились после бегства из ссылки. Здесь были раскинуты шатры, калмыцкие кибитки, и мы с детьми поместились в кибитках. Кругом нас стояли часовые красных партизан-камышанцев. Мы были на острове — кругом камыш, вода прилегающих озер Прикаспийской низменности, река Кума. Так и жили мы, бежавшие из ссылки, и еще семей шестьдесят, тоже скрывавшихся в камышах от белых палачей.

Мы стирали партизанам белье, пекли хлеб, ухаживали за ранеными. Наш остров со всех сторон осаждали белые. Трещали пулеметы, рвались снаряды, разбрасывая землю по сторонам. Камышанцы во время боя забрали белогвардейский обоз с медицинскими принадлежностями и двух фельдшеров. У нас было много провизии, винтовок, патронов и пулеметов. Бои были тяжелые. Погибло очень много красных и белых. Фельдшеры сами остались оказывать помощь раненым. Последний бой был в Величаевке. Были взяты в плен десять человек казаков и величаевский урядник. Урядник согласился остаться с нами, а казаков темной ночью вывезли с острова на лодках на берег озера и пустили их на все стороны—кто куда хочет. Оставшийся урядник сперва был помощником повара, а потом его поставили на пост в ночное время. Ночью он, взяв лодку, убежал к белым в Величаевку и выдал им расположение красных на острове. После его побега на второй день с утра начали белые посылать нам снаряд за снарядом, пулемет косил перекрестным огнем. Белогвардейский офицер хотел красных камышанцев разбить. Но вместо того он сам попал к красным в плен. Мы его судили и повесили на той самой вышке, с которой он наблюдал за боем.

★

Три дня шли бои. Кавалерия камышанцев была в разъезде. Партизанская пехота была в окопах. В этот момент нас и разбили. Из окопов хотел выглянуть командир — посмотреть, с какой стороны рвутся снаряды. Его ударило осколком снаряда прямо в грудь. Начался рукопашный бой. Убитые и раненые падали в озеро, в студеную воду. Матери с детьми и раненые, кто мог двигаться, пошли по льду, но лед не выдержал, провалился — люди двигались вброд по воде, женщины несли на себе малюток-детей. Разбитый партизанский отряд разделился на несколько групп и отступал в разные стороны: кто на Величаевку, а кто на Урожайное. На этом же острове во время боя в камышах осталась младшая моя сестра с детьми комиссара Мосиенко. А один ребенок — мальчик десяти лет — пошел со мной. Она оставила детей в камышах и пришла в партизанский штаб за хлебом. Но в штабе уже были белые, и ее забрали в плен, а две девочки — восьми и шести лет — остались на острове на произвол судьбы.

За детьми наблюдал раненый партизан. Он один видел мучительную гибель умирающих детей от холода и голода.

Старшая девочка рвала пикульки молодого камыша, сама ела и давала младшей сестренке. Эти дети так и погибли в камышах от голода и холода. Мы с детьми тоже пробирались вброд, по горло в воде. По нас строчил пулемет, пели и визжали пули, дул ветер с гололедкой нам навстречу.

Мы подходили к белогвардейской цепи. Кое-кого из нас задержали, но я с детьми прошла незамеченной другой стороной по тропинке. В Урожайном встретила меня мать и забрала моего ребенка. А я задами, через плетни и заборы, прячась по сараям и конюшням, дошла до сестры и там скрывалась две ночи.

★

Отец был мобилизован с подводой в Левокумку. В эту же ночь он приехал домой. Быкам не дали и отдохнуть. Насыпали в мешки зерна и мякины (пропуск на мельницу был уже мамой приготовлен), положили меня на дно фургона, а сверху завалили мешками и отправились якобы на мельницу. Отвезли меня к родным в село Правокумское (Солонцы). Дети мои остались у родителей. В Правокумском я скрывалась с неделю, а потом попалась. Кто-то донес урядннку этого села, ко мне пришли и забрали со словами: «Ага, это самая камышанка!» Я попросилась у урядника на двор, он дал конвоира, и я пошла. Попросила я конвоира остановиться и подождать, уверив его в том, что сейчас вернусь. Сняв с себя пальто, я отдала его конвоиру подержать. Но вместо того, чтобы итти в уборную, я перелезла через плетень и уползла по канаве, по бурьяну, на могилки. Там была выкопана яма для покойника. В эту яму я залезла и сидела до ночи. Когда стемнело, я выбралась и спряталась у знакомых. Скрывалась до прихода наших. Из Астрахани стали подходить красные. Красная армия заняла Правокумское. Приехали мои родные и забрали меня домой.

Когда первый раз меня арестовали, но еще не секли, то несколько раз ставили к стенке расстреливать, выводили к виселице и все допрашивали, где мой муж. Сестра моя, которая была с детьми комиссара и которая попала в плен к белым на острове, умерла ужасной смертью. Ее привели под конвоем в Урожайное, вывели на большую площадь, поставили и делали вид, будто хотят расстрелять, а потом завели в школу и стали мучить. Отрезали ей обе груди, отрезали пальцы, нос, уши, выкололи глаза, а после уже отрубили голову.

★

Дети мои все-таки остались живы. В то время как меня под мешками отправили на мельницу к родным, налетели белые. Дети оставались у родных. Белые искали меня, «комиссарову жену». Моя мать выхватила внука из люльки и, сидя на кровати, спрятала у себя под юбкой. Старших ребят позакидали подушками. Приходилось прятать и в кадушки и в подвал. Белым отвечали: «Не знаем,

где жена и комиссар, мы за ними не ходили». Днем и ночью производились такие облавы. Все старались истребить нас, но ничего не вышло.

Один сынишка не выдержал всех потрясений и умер. В настоящее время другой мой сын Иван — комсомолец, дочь вышла замуж за летчика, а муж — заместитель председателя исполкома города Буденновска.

С. КАЛАБЕКОВА

ПЕРЕЖИТОЕ

Записала В. Сахно

Я по национальности — армянка. Родилась в городе Святой крест. Сама — беднячка. После Октябрьской революции муж работал в Чрезвычайной комиссии. Во время контрреволюционного восстания ночью муж отступил с отрядом. Я осталась с детьми, двумя девочками — шести и восьми лет.

Ночью мы перебрались к родителям мужа и жили там в амбарчике. Было это летом, стояла хорошая погода. На другой день я и мать мужа с детьми пошли посмотреть нашу квартиру. Не дойдя до квартиры, увидали, что по главной улице едут верховые с саблями наголо. Подскочив к нам, спросили, где здесь живут Калабеков и Прима. Мы ответили, что не знаем, и вернулись обратно.

В городе начались расстрелы. Убили товарища Григорца. К нам на квартиру пришли двадцать пять человек, взломали штыками дверь и сделали обыск. Ничего не нашли.

После обыска потребовали семью, хотели поднять всех нас на штыки. Но соседи стали заступаться. Я в то время, как и сейчас, работала в аптеке кассиршей. Белые меня искали. Я с детьми забилась в темный угол амбарчика. Мать стала меня звать. Когда я вышла, трое вооруженных людей с глазами, налитыми кровью, стали грубо меня спрашивать, где муж. Я ответила, что не знаю.

Скоро белых выгнали, но не надолго. В девятнадцатом году они опять пришли. Муж снова отступил с красными. Он был комендантом города. В городе уже была белая разведка. Я скрывалась тринадцать дней. Старшая дочка пряталась у сестры, а я с маленькой девочкой — у знакомых. Однажды туда явился сам начальник контрразведки, помощник и двое вооруженных. Мне сказали: «Вы арестованы и через час будете расстреляны». Я ответила грубо: «Ну, расстреливайте хоть сию минуту». Начали меня спрашивать, где муж, в какую сторону отступил.

Произвели обыск, все в квартире перевернули и, не найдя ничего, приказали мне проститься с ребенком. Повели меня в дом смертников.

Привели и заперли в конурку. Через час втолкнули ко мне красноармейца, заперли камеру и поставили у двери часового. Земляной пол весь был в крови. Это помещение находилось при штабе контрразведки. К нам вошли человек двадцать пять и начали кричать: «Вы комиссарша?» Я сказала, что нет, я не комиссарша.

Стали допрашивать красноармейца.

Его била лихорадка. «Чего дрожишь, холодно? Ну, мы тебя сейчас погреем». И помощник начальника приказал казаку: «Иди, принеси шашки». Я попросилась выйти в другую комнату. Красноармейца раздели, подвесили под руки и стали саблей сечь. Он стиснул зубы и стонал. Его порубили на мелкие части. Приказали потом раздеться и мне. Я попросила: «Дайте мне сразу пулю». Перед смертью меня заставили сказать, где все находится. Я раздеваюсь и рассказываю: ребенка старшего оставила у сестры, а младшая, вы сами видели, где осталась. Шинель висит за дверями. Белье в сундуке, все остальное в комнате. Внезапно прибежало несколько офицеров, стучат в дверь: «Здесь Калабекова?» Им отвечают: «Она уже казнена».

Офицеры, бывшие в комнате, приказали палачам удалиться, меня заперли голую, а сами ушли, поставив часового. Совещались полтора часа. Я ждала своей участи в одной сорочке без рукавов, с сапожком на одной ноге. Холода не чувствовала — меня обдавало жаром. Пришел помощник и говорит: «Мы спасли вашу жизнь». Похлопав меня по плечу рукой, приказал одеваться. Я накинула на себя платье, одну галошу обула, а сапожок с левой ноги держала в руках. Он вывел меня на улицу, я была почти без сознания. Забыла, куда и в какую сторону мне итти, не помню, где я нахожусь. Ко мне подбежал знакомый с нашей улицы и удивленно спросил: «Сарра Макаровна, ты живая? За тебя вся улица поднялась». Я шла, сосед — следом. Пришла на ту квартиру, откуда взяли. Все расплакались; увидела меня дочь, стала меня со слезами обнимать и целовать. Я легла в постель и часа два лежала без сознания.

Вечером пришел к нам казак и сказал, что меня требует начальник. Оказалось, контрразведчики находились у отца моего мужа, и все пьяные. Меня ввели к начальнику. Он наставил на меня наган и стал требовать дать ему сто рублей. Взяв у родственников деньги, я принесла и отдала ему. Деньги он разбросал по комнате и приказал мне раздеваться. Был он в черкеске, среднего роста, усатый, рыжий. Я разделась. Тогда он заставил меня стащить с него сапоги. Невестка по-армянски сказала мне, что помощник велел уложить начальника в постель и укрыть одеялом. Я была раздета. Поняв, в чем дело, я накинула что-то на себя и, босая, по снегу, выскочила из дома. Добежала до соседей, а у них замок на дверях. Другие тоже не пустили, сказали мне, что у них казаки. Я бежала вдоль высокой стены забора, а вдогонку мне стали стрелять. С трудом перелезла через забор и по чужому двору перебежала на другую улицу. Почти без памяти пришла к каким-то беднякам. У них вся землянка полна больных тифом. Руки и

ноги у меня одеревянели. Хозяева, растерев меня снегом, уложили среди больных. Окна позакрывали. Когда я убежала, начальник поднял стрельбу, стал буянить, придираться к родным. На выстрелы сбежались офицеры, стали меня искать, но нашли только днем. Белые ограбили всю нашу квартиру, в комнате все время жили казаки. Целый год в комнате стоял пулемет. Генерал в штабе с меня взял подписку и держал под надзором. Каждую ночь в два часа у нас делали обыск.

★

Офицер Бологаев все грозил, что он при отступлении уничтожит всю мою семью. Когда в двадцатом году стало известно, что Калабеков наступает с красными на Святой крест, мне с детьми пришлось две недели жить в подвале. Подвал был холодный, громадный, и мать мне носила туда пищу. Уже все было занято красными. Красные вступили в город утром, а вечером ушли на Покойную и там на горе окопались, заняв позицию. Дня три в городе власти не было. Белый бронепоезд обстреливал нас с вокзала.

Бои шли с переменным успехом. Надо было временно отступить. Я оставила детей: одну девочку у матери, а другую у сестры. Простившись с ними, мы отступили в Громки. Через две недели наши заняли Святой крест, и мы уже навсегда вернулись домой.

Ф. МАКУШЕНКОВА

В КАМЫШАХ

Записала В. Сахно

Рано утром пришли к нам кадеты; муж мой, красногвардеец, скрывался в камышах.

Я с детьми, двумя мальчиками — одному тринадцать лет, другому всего полгода, — тоже скрывалась. Разобрала скирду кизяков и в этой дыре жила. Вся кругом была заложена кизяками. Сестра всегда расставляла часовыми своих детей. Если тихо, то разберет отверстие в кизяках. Я вылезу, покормлю грудью ребенка и опять в свое логово.

Бывало так: только вылезу кормить ребенка, а по улице скачут белые с гиком, как звери. Бросаешь ребенка и прячешься в первое попавшееся прикрытие — под камыши, в снопы, в подвал. Целый месяц я так скрывалась. Белые искали меня днем и ночью. Дальше скрываться в селе не было возможности. Я оставила детей сестре и ушла в камыши. Вышла поздно вечером. Смотрю — стоит кадетская застава. Я голову закутала большой шалью, согнулась, притворилась старухой. А была я высокой, полной, красивой женщиной. Меня

часовые спрашивают: «Куда, бабка, идешь?» Я отвечаю: «Мальчик повел поить лошадь, и вот все нет, иду его искать». — «А пропуск есть?» У меня была на руке уздечка. Показываю им: «Якый вам пропуск? Иду хлопця с конем шукать». По садам добежала до реки Кумы, слышу лошадиный топот. Я спряталась в канаву. Едут белые, четыре человека, и держат винтовки наизготове. Они проехали мимо меня. Вылезла из чащи и по тропинке пошла к острову, одна. Подошла до озера. И кричу: «Епинда!» (Кличка мужа.) Отзыва нет. Кричу снова. Слышу, муж кричит: «Ты кто?»— «Я Исмых. А ты?» — «Епинда». — «Если так, то давай лодку сюда». Подошла лодка с мужем. Он спрашивает меня, увидя в моей руке уздечку: «Почему же ты сама, без детей?» Я рассказала, как убежала, и села в лодку. Поехали на остров. По ту сторону ерика стоит партизанская застава — три человека с винтовками; спрашивают мужа: «Кого ты везешь?» — «Свою жинку». Часовые меня спрашивают: «Чего ты приехала?» Отвечаю: «Кадеты выкурили. Некоторых жен уже послали в ссылку». На заставе мы оставили лодку и пошли в камышанский штаб. Женщины-камышанки меня окружили, все спрашивали: «Как там дома?»

★

Я заболела тифом, болела три недели. Начала выздоравливать. В это время кадеты стали на камыши наступать. У нас, на острове, стали рваться снаряды. Озеро покрыто тоненьким льдом. Женщины к нам пришли вброд по озеру, добираясь к нашему штабу. По самую шею мокрые, дрожат. Мы разложили в землянках огонь и стали их обсушивать и обогревать. Только обсушили четырех женщин — идут еще семь человек, трое с грудными детьми. Нам сообщили: партизанский штаб разбит. После этого мы жили еще на острове один день. Затем мы, тридцать женщин, имея сорок пять детей, решили итти в село ночью. Наши мужчины не пускают нас. Бабы сложили всю одежду на пять подвод и пошли бродом. Вода до груди доходила. Наши мужчины ужасаются: «Куда вы идете, все равно умирать один раз». Мы не слушаем их. Пошли вброд гуськом, один другому в затылок. Плач детей, крик, шум от ледяной воды. Мы детей запугивали: «Молчите, а то кадюки пострелляют». Так шли по воде четыре версты, выбрались опять на сухой остров. Я шла больная в воде и отстала, выбилась из сил. Попросила меня бросить, но меня взяли под руки и привели в курень. Женщины уже разложили костры, среди куреня сушатся и греются. Меня обогрели. Я очень крепко уснула. Проснулась, когда уже почти все ушли, остались только семь женщин, шесть детей и один мужчина. Пошли мы по тропинке. Камыш, лес, кустарник, осока. Подошли к прорве, перелезли верхом по дрючкам, идем домой, опять подходим ко второй прорве. Там стоит кадетская застава. Часовые крикнули: «Стой, камышане, стрелять будем!» Мы: «Стреляйте, нам все равно смерть». — «Ну, переходите на эту сторону, на сухое место». Мы перелезли через дрючки. Часо-

вые обыскали женщин и повели в село. Вели по дороге, по садам. Довели нас, мокрых, до села и приказали итти в крайние хаты и в село не ходить. Мы пошли — кто куда. Я спряталась в канаву. Сидела, дрожала, мокрая, до ночи.

Ночью пошла я домой, к матери родной. Свалилась в постель. Соседи белым сообщили — пришла камышанка. На другой день рано утром приехали к нам два всадника-белогвардейца. Послал их к нам мой родной дядя. Вошли в хату. Нас было две сестры и мать-старушка семидесяти лет. «А где ваша камышанка?» Мать указала: «Вот лежит больная». Казак наставил винтовку на меня: «Говори, где твой муж, а то буду стрелять». Я: «Стреляй, мне все равно. Придет время — в вас будут стрелять». Кадет злится, молчит. Губастый, носатый, черный, морда большая. «Мы тебя заберем с детьми и отвезем за слободу, расстреляем». А потом: «Давай деньги». Мать-старушка стоит, плачет, вытирает слезы. Сынишка мой стоит и кричит: «Ой, мамо, мамо, що ж мы будем робыть, як нас повезуть расстреливать!» Я уговариваю сына: «Молчи, сынок, пусть стреляют. Им тоже не миновать этой кары». Кадет ко мне придирается, с сердцем, аж подпрыгивает: «Тоби кажу, давай гроши». — «Грошей у мэнэ нэма». — «Ну, давай твое барахло». — «Мое барахло уже забрано». Кадет сердится: «Брешешь ты. Нам сказала женщина, твое барахло лежит у сестры». Сестра жила рядом. Кадеты пошли к ней, забрали вещи в мешки и явились опять ко мне. Снова стали придираться: «А ты казала, що забрано барахло, а мы нашли». Мне приказали одеваться: «Мы повезем тебя расстреливать». — «Если хотите, то стреляйте меня здесь».

Во дворе лежала скирда кизяков. Этот, толстомордый, раскидал все кизяки, не нашел ничего, мать подошла к нему и говорит: «Что они тебе, кизяки, мешают?» Он рычит: «Уйди, все равно и тебя, старая ведьма, расстреляем». Вошел в хату и говорит: «Давай деньги, мы тебе отдадим твое барахло». — «Денег нет. Скорей стреляйте, не мучьте». В хату вошел мой сынишка. Толстомордый наставил на него наган и кричит: «Скажи, где деньги?» Сын: «Денег нет». — «Брешешь, а то бить буду плетью». Стал приставать к старухе. Залез к ней за пазуху, вытащил сто пятьдесят рублей денег. Забрал деньги и барахло. Я прошу: «Дайте мне хоть одно платье и платок, а то умру, и хоронить не в чем». Ничего они мне не дали. Стали они тут же делить награбленное. Таскают друг друга по комнате, вцепившись один за одну штанину, другой — за другую. Но толстомордый все забрал и надел на себя.

Думала, не доживу до лучших времен. А теперь это проклятое прошлое только сном кажется.

М. МЕЛЕШКО

КАКОЕ СЧАСТЬЕ, ЧТО ЭТО НЕ ПОВТОРИТСЯ

Записала В. Сахно

В конце восемнадцатого года, когда красные отступали, муж мой тоже ушел с ними на Астрахань через пески и буруны.

Я в это время осталась с четырьмя детьми, самому старшему было двенадцать лет. Я с детьми сидела в комнате. Двери и окна часов с десяти ночи были заперты.

Белые стали ломиться в дверь, разбили ее и ворвались. Стали меня спрашивать, где муж. Отвечала, что уехал он на мельницу. Белые грозили оружием, заставляли найти им женщин-большевичек. Но я отказалась, заявив им, что не знаю таких. Тогда меня отвели в холодный сарай и там стали издеваться.

Потом били плетьми. Натешившись, бросили меня, полумертвую, еле добралась ползком к детям. Дети все плакали, сидя на печке, звали маму. Все двери были раскрыты настежь.

Я уехала в село Урожайное. В Урожайном все время были бои. Белогвардейцы привезли пушки и бомбардировали красных камышанцев.

В камышах был брат мужа. Мой старший сынишка все ему носил пищу и белье. Белье надевали на него под одежду и подвязывали, чтобы не было заметно. Если ловили того, кто камышанцам носил провизию, то его вешали около церкви.

Когда камышанцев разбили, мой сын был в камышах. Камышанцы стали уходить. Были сильные морозы. Он не выдержал тяжелого пути, упал и замерз. Его нашли крестьяне, привезли в село и оттерли снегом. В настоящее время он — коммунист, меньший — тоже коммунист, дочь — комсомолка.

★

Жить все время приходилось нелегально. Как-то в хату пришел вооруженный казак, а у ворот уже стояла подвода и десять человек верховых. Он мне сказал: «Собирайся с детьми и давай ключи». Я отдала ключи, они все начали забирать и укладывать на подводу. Привязали и корову к подводе. Меня с детьми под конвоем погнали в тюрьму. Восьмилетний мальчик убежал к соседу. Маленькая девочка, которую я несла на руках, прижалась к груди. У другой девочки с ножки соскочил ботиночек и застрял в грязи, она мне говорит: «Мама, я потеряла ботиночек». Но конвоиры кричали: «Не разговаривай!» Ударив меня в спину прикладом и подталкивая девочку, подгоняли итти поскорее. Девочка, плача, шагала по грязи, одна ножка босая, спотыкалась, падала. Ночь была темная и холодная.

Пригнали в холодную хату к полковнику Иванову. Сидели там три дня. Потом все же отпустили. Когда на Урожайное наступали белые, то мы отступали за красными, на Величаевку. По нас строчили из пулеметов.

Величаевка была полна беженцами. Меня, больную тифом, завезли к каким-то людям. Я умирала, прижав девочку к груди. Кто-то стал мне ставить банки, и мне стало лучше.

★

Второй раз мы отступили в Ребровку — двенадцать верст от Урожайного. В отступлении были три дня. Потом разведка донесла, что белых выгнали, и мы вернулись домой. Когда Красная армия с Астрахани пришла в Урожайное, я с соседом вынесла хлеб с солью. Женщины и дети с радостью бросились навстречу подъезжавшей кавалерии в красных башлыках. Это была красная разведка.

Муж тоже приехал на неделю в гости. Я потом его провожала в город Святой крест, когда он отправился в свою часть в Баку. Проезжая мимо Мазайской экономии, он мне говорил: «Вот останусь живой, вернусь, и будем строить в экономии коммуну». В конце двадцатого года я сама записалась в коммуну. Муж к тому времени еще не вернулся с фронта. Он пришел домой только в двадцать третьем году. Я с детьми уже была коммунаркой в Мазайской экономии.

Это была очень большая коммуна — двадцать семейств, душ пятьдесят. Исключительно семьи фронтовиков. Наши отцы-старики, мы, женщины и дети, инвалиды — все строили общее хозяйство. Теперь наша коммуна стала колхозом. Все, что было, вспоминается сейчас, как далекий кошмар. Какое счастье, что он не может повториться!

В. МАТЮШИНА

«ВОРОЖКА»

Я сама — Калужской губернии, Перемышленского уезда — крестьянка деревни Аграфеновки Курыницкой волости. Жили мы бедно. В 1908 году уехала искать счастья в Тифлис. Но счастья так и не нашла. До восемнадцатого года я жила в Тифлисе, а в восемнадцатом приехала в богатое село Воронцово-Александровское Святокрестовского уезда, Ставропольской губернии. Была у нас тогда Красная гвардия. Богатеи селения Воронцово-

Александровского стали организовывать свои белые отряды. Стали кулаки наступать на красных. Начались бои. Потом наши вновь пришли и всех контрреволюционеров выгнали, богачи скрылись.

Держались мы до начала девятнадцатого года. Белые пришли под самое крещенье. Тогда отступавшие кубанские ко мне забежали, восемь человек.

Я спрашиваю: «Как, ребятки?» Они говорят: «Плохо». Я их проводила, нажарила котлет, дала сухарей. Только запомнила одного— Сережей звали.

Потом пришли к нам белые, рано утром шестого, на крещенье. Начали, конечно, перед церковью молиться богу. Богачи говорят: «Наши пришли, босяков выгнали». Посулили белые ситцу дешевого дать, сахару, чаю. Я иду сзади с базара, говорю: «Хорошо, бабочки, мягко стелют, не пришлось бы жестко спать». Меня они звали московской, говорят: «Все вы такие».

Пробыли они до пасхи, под самую пасху начали грабежами заниматься. Стали требовать хороших коней: не дадите — расстреляем.

За Прикумском были камыши. Человек двести партизан наших ушло туда, а восемнадцать осталось в лесу. Мы, несколько человек, остались в деревне.

Я в боях не участвовала — не могу оружием владеть. Решила помочь, чем сумею. Раньше всего взялась я ворожкой быть. Как у человека неспокойно на душе, он придет к ворожке гадать. Бабы шли ко мне, не боялись.

Вижу, ко мне Бричка приходит в слезах. Я говорю: «Ты что?»— «Погадай мне». Я говорю ей: «Ворожка я замечательная. Знаю, что война, стало быть, знаю, как гадать». Говорю: «Бубновому королю предстояла смерть, но она от него отойдет». — «Миленькая, отойдет?» Я говорю: «Отойдет». Спрашиваю, в чем дело. «Да знаешь, наших восемнадцать человек попало к белым, и ночью в расход будут пускать». Я говорю: «Ну как же, надо помочь, выручить». Она: «Милочка, а как? Сейчас в лесу у нас есть восемнадцать человек партизан, но как я пойду? Тут меня все знают, спросят: куда идешь? И меня заберут». Я говорю: «Ну, ты мне расскажи, и я уж пойду».

Я надела зеленое плюшевое плохонькое пальто. Взяла сумку, палку, как будто побираться пошла. Она мне рассказала, где завернуть, где повернуть.

Подхожу к этому месту. Они все сразу ко мне, я кричу: «Своя, своя!» Подхожу: «Ну как, ребятки?» — «Так и так». Я говорю: «Наши партизаны попались, восемнадцать человек, их хотят в расход пустить». Они мне говорят: «А как же сделать? Умирать, так умирать всем вместе». Я говорю: «Конечно. Как-нибудь ночи дождемся, набег сделаем на тюрьму, освободим их». — «Куда же мы их поведем?» Я им в ответ: «Конечно, ко мне. Я человек приезжий, меня никто не знает». Про меня говорили, что я беженка, а я сама приехала.

★

Они пришли ко мне в двенадцать часов ночи. Я в этом году не садила огород, у меня сильный бурьян был. Выкопали там яму, в ней хорошо было скрываться. Побежала по Красной улице, по другой, по третьей, добежала до речки Кумки. Над Кумкой пробежала — там ничего нет. «Ну, — говорю, — ребятки, давайте». Выскочили мы, побежали к дому, где сидели наши. Мурашко Федор Иванович вскочил первым. Дежурный офицер лежал на столе. Он его сейчас же ударил по голове. Тот свалился. Часовой дремал. Мы его захватили. Ни одного охранника не убили, только дежурного офицера.

Освободили. Идем впотьмах, тихонько. Мы им запекли в хлеб записку, что ночью их будем освобождать, они не должны были спать. Один Степан заснул. Когда мы их вывели, он думал спросонья, что их расстреливать ведут. Когда мы только отошли, он кинулся бежать. Мы не поняли, что он от нас выскочил, — думали, что кто-нибудь побежал из охранников сообщить, что мы их увели.

Убежали благополучно и отвели ребят в лес. Я, конечно, опять осталась в деревне. У меня было трое детишек. Ворожить я перестала.

После этого белые стали ходить по хатам, потом стали облавы делать. Объявили: «Кому пасха будет, кому смерть. За восемнадцать человек мы повесим семьсот человек». И действительно, семьсот человек повесили крестьян-бедняков, которые ни в чем не были замешаны. Просто брали первого попавшегося бедняка и увозили вешать или расстреливать. У нас был сосед Кульбака. Он имел маленькую лавчонку, а после этого получил чин полковника за эти расстрелы. Оказалось, что этот Кульбака вступил в белую Добровольческую армию и начал всех выдавать. Он всех знал. Раньше он был урядником, а теперь его полковником сделали.

Из наших освобожденных партизан только двое белым попались— Павлушка Литвинов и молодой партизан Стукало.

Я как-то повстречалась с Кульбакой, мы рядом жили. Я говорю: «Иван Федорович, как-то неловко. Зачем невинных брать? Зачем беззащитных крестьян брать, они никогда ни в чем не участвовали».

«Все равно они за нас не пойдут, а пойдут за эту босоту». — «А над собой погибели ты не ждешь?» — «Все равно мне тоже милости не будет».

После этого много расстрелов было. Под пасху сделали облаву в лесу. Поймали трех партизан. Искололи их штыками. Они истекали кровью. Потом их повели. Один из казаков — не помню его фамилии, — хоть служил у белых, а был красный. Казаки спрашивают, кто будет смотреть за арестованными. А он говорит: «Поите коней, а я буду смотреть. Чего их смотреть, когда они избиты». Когда казаки отошли в сторону, он говорит пленным: «Ну, ребята, бегите, а то вам будет конец». Они кинулись бежать, он стреляет то вверх, то вбок, а в них не целит. Пока белые сели на лошадей, они скрылись в печи черепичного завода. Печь была завалена, они

заскочили туда в одном нижнем белье. Лежали там до самой ночи. Искали их до вечера и не могли найти. Партизаны, как залезли в эту печь, заложили отверстие, и их не было видно. Я туда ходила, но не знала, с какого края подойти. Потом, я вижу, заходит жена Мурашко, падает на меня со слезами: «Тетя Варя, пришли, все раненые, раны загноились». Печка у меня не топлена, давай мы окна закрывать теплым одеялом. Затопили печку макухой масляной. Пришли наши ребята, я давай им перевязки делать. Я лечила свинцовой примочкой и цинковой мазью. У нас была накопана у речки яма в огороде. Там была солома насыпана. Туда и спрятала партизан.

Вечером полезла к ним в яму. Взяли мы красное одеяло, я свечку зажгла. Мурашко яму закрыла одеялом, а я начала перевязки делать.

Две недели кормили их там и перевязки делали.

Держала, держала я их таким манером. Не едят они ничего, света нет, воздуха не видят совершенно. Раз я поехала в Пятигорск. Возвращаюсь обратно, вошла в вагон — нет никого. Села там с детишками. Вдруг заходят шесть офицеров с полковником. Начали меня спрашивать: «Ты красноармейка?» — «У меня вот красноармейцы еще в люльке качаются», показываю на детей, а они еще маленькие — лет по восьми им было.

Они уселись, стали между собой разговаривать. Один из офицеров сказал: «Надо съездить еще в Петровск. Там какой-то, говорят, отставной полковник подделывает документы, надо его прикрыть».

Я думаю, как бы мне поехать туда? Взять хотя бы одного Федьку, малый боевой. Петровск от нас — семьсот верст. Муж ко мне приехал в воскресенье. Он работал на железной дороге, в Минеральных водах, от нас верст восемьдесят. Я вытащила у него железнодорожный документ. По этому документу решила провезти Федора Мурашко. Положила его в вагоне, накрыла одеялом и поехала в Петровск.

Продала все, что было у меня и его жены.

На одной из станций проверяют документы. Он, конечно, лежит, я его закрыла одеялом, а сама предъявила карточку мужа и свою. «Это, — говорят, — кто?» Я говорю: «Муж мой — больной». Один открыл одеяло. У меня тогда сердце хорошее было, я ничуть не испугалась.

Открыли одеяло, у него борода, бледный. Посмотрели и опять закрыли.

Кое-как мы доехали с ним до Петровска. Я стала спрашивать, где живет полковник. Какой-то человек сказал мне. Я у него спросила: «Вы не знаете, здесь есть какой-то отставной полковник, подделывает документы» — так и спрашивала. Он всем великолепно подделывал. Спрашиваю тихонечко, конечно. Больше, конечно, глядишь на одежду: кто в шляпе, я к нему не подойду, а к рабочему подхожу. Один мне говорит: «Я слышал, на базаре

проживает, если не ошибаюсь, дом № 20. Как подниметесь по лестнице на гору, там спросите».

Я скоро на него напала. Федьку я оставила на станции. Думаю, может быть, я не подделаю документ, может быть, полковник нас на удочку ловит, пускай уж меня забирают, а Федор останется невредим.

Нашла я полковника. Он говорит: «Кому вы этот документ подделываете?» — «Я вам скажу. Одного священника сын во время переворота потерял документ, а теперь документ получить очень трудно — революция. Добровольческая армия возьмет его, скажут: ты бандит, ты красный, а красные скажут: ты белый». — «А он вам кто?» — «А он мне дальний родственник». Назвала фамилию попа, который был у нас в деревне. Полковник взял семьдесят рублей и сделал настоящий паспорт, кадетский, конечно, добровольческий.

Федька остался там уже работать. Обратно я поехала одна. Стала думать, как остальных выручать. Этих мы тоже кое-как перебросили. А муж и не знает, что я у него вытащила документ. Вот тоже дурочка была: за это бы мужа расстреляли, если бы узнали.

Проводили мы остальных в камыши, от нас они были в сорока верстах. Тогда мне легче стало. А Кульбака продолжает свои действия. У нас на каждом дереве по семь-восемь человек висело. После этого я приехала в село Отказное, за восемь верст, там были у меня знакомые. Прихожу и говорю: «Дашенька, так и так у нас».— «Да и у нас то же», говорит она мне. Я говорю: «Что с этим Кульбакой делать? Не умею я оружием управлять, убила бы я его, сколько бы отцов для детей спасла».

И вот мы слышим, что к нам продвигаются красные. Там уже Киров шел с Кизляра, с Астрахани.

За это время у нас в камышах собралось семьсот человек партизан.

Тут наши начали гнать белых. Три дня они стояли в Воронцовке, а белые были в Федоровке — это через речку только. На мостах пулеметы стояли. Бились три дня. Потом их прогнали и как прогнали! Я решила помочь нашим. И вот мы с дедом Бричкиным обдумали: через мелкую воду никак нельзя было пройти, потому что там пулеметы были и горное орудие, а где глубоко, там никакой охраны не было. Мы сказали об этом нашим партизанам. Они спилили два дерева, и по этим деревьям в восемь часов вечера наши перешли и только раз «ура» крикнули.

Так и освободили они нас от белых.

А. РЯЖЕНЦЕВА

В ЛАПАХ ШКУРО

Я родилась в 1889 году в деревушке Чернышовка Рязанской губернии. Отец — крестьянин, работал штукатуром.

В детстве меня никто не ласкал и не жалел. Бабушка часто говорила:

— Умерла бы ты поскорее!

Двенадцати лет я пошла в ученье к одной мастерице. Очень мне хотелось учиться. И не только ремеслу. Пятнадцати лет я уже была мастерицей. Тайком от хозяйки училась в воскресной школе. Хозяйка узнала об этом и задала мне порку, отобрала все мои книги и строго-настрого приказала «бросить это дело».

Вот я и осталась только с тем, что год обучалась в деревне и немного в воскресной школе. Правда, читала я много: почти все произведения классиков перечитала.

Позднее меня отдали в портнихи. Мать ходила со мной по мастерским, и меня нигде не брали — ростом я была маленькая. Прошли, помню, весь Ростов — никто не берет. И пока идем мы от одной мастерской до другой, я все плачу — так мне горько было. Приходишь, а хозяйка говорит:

— Мне нужна ученица, у меня ребенок; надо же и его поняньчить. А ну, подними ведро с помоями.

А у меня сил нет поднять ведро.

★

Шестнадцати лет меня выдали замуж. Еще мне не было и семнадцати, а я была уже матерью. Муж мой был рабочий-столяр. Года два жили хоть и бедно, но, можно сказать, хорошо. Я старалась тоже прирабатывать немножко. Пошли дети. Родила двенадцать, а осталось всего шесть. Остальные умерли.

Муж стал пьянствовать. Начались побои и скандалы — тяжелая, горькая жизнь.

В четырнадцатом году забрали мужа на войну.

С первого дня революции я стала принимать активное участие в революционном движении.

Помню свое первое выступление в Кисловодске на многолюдном митинге.

Март семнадцатого года. Я стою на трибуне в кисловодском курзале.

— Отец мой пил горькую, муж мой пьет еще горше. А мало ли таких, как я? — кричу я толпе. — Водка — наше горе. А у нас

на каждом углу царские монополки водкой торговали, народ спаивали. Тут и не захочешь, да пить станешь.

По рядам пробегает шум одобрения.

— Дети наши растут, как дурная трава. Всякий их давит и топчет. Богатеи своим детям конфеты приносят, а мы для своих ребят подзатыльники припасаем. Кто о наших детях позаботится? Никто!

— Растут, как свиньи, — выкрикивает кто-то в толпе.

— А мрут, как мухи, — добавляет другой.

— О детях должны заботиться родители, — солидно говорит человек в шляпе.

— Родители, — обращаюсь я к нему. — А что я могу дать моим детям?

— Работать надо, — строго отвечает человек в шляпе.

— А разве мы не работаем? Кто же тогда работает, если не мы?

Раздаются аплодисменты, крики, смех. Поощренная одобрением аудитории, я продолжаю:

— Богатеи из нас соки жмут, а попы в это время нам зубы заговаривают. Правой рукой они на бога перстами указывают, а левой норовят к нам в карман залезть.

Когда я кончила речь и сошла с трибуны, меня обступили со всех сторон. Жали руки, благодарили, кричали что-то издали. Махали платками. Все это были женщины — армянки, русские, еврейки, грузинки, вся беднота многонационального Кисловодска.

На митингах я выступала часто. Трудовое население Кисловодска меня хорошо знало и любило. Когда начались выборы в городскую думу, я попала туда в качестве гласной. Здесь приходилось воевать с буржуазными дамами — патронессами.

Свершилась Октябрьская революция, и я вся ушла в общественную работу.

Организовала профсоюз домашних работниц. В качестве председателя этого союза мне снова пришлось воевать с буржуазными дамочками.

В начале января девятнадцатого года Кисловодск переживал тревожные дни: шла спешная эвакуация. На город наступали белые.

Я заболела тифом. Начался сильный жар, бред. В это время Кисловодск переживал ужасы белого террора. Шла беспощадная расправа с семьями рабочих, коммунистов, красногвардейцев. Всякий, на кого падало малейшее подозрение в сочувствии большевикам, подвергался изощренным пыткам. Не успела я стать на ноги после тяжелой болезни, как ко мне явились с обыском:

— Где твой муж?

А муж мой был в Красной армии.

— Обыскать помещение! — приказал офицер.

«Ищите, — думаю, — все документы зарыты в земле». Но все-таки сердце стучит, и руки дрожат.

Солдаты обыскали постель, пошвыряли на пол подушки. Перевернули квартиру вверх дном.

У офицера было предписание: независимо от исхода обыска Ряженцеву арестовать. Для белых было ясно, что я сочувствую большевикам. Кроме того рядом с нами жил Ткачев — коммунист, красный комендант Кисловодска. Не успев покинуть город, Ткачев где-то скрывался. Белые предполагали, что мне известно место, где он прячется.

— Покажи-ка, что это, — приказал солдату офицер.

Солдат, взяв под козырек, протянул офицеру детский матросский воротник.

— Откуда воротник?

— Воротник детский. Он у меня давно.

— Врешь! На нем казенное клеймо.

В это время солдат нашел две книги. Офицер их перелистал:

— Программа РКП. Ага! Вот как — «Железная пята». Ну, мы вам покажем железную пяту. Арестовать!

Шатаясь, наступая на разбросанные по полу вещи, я подошла к люльке, чтоб забрать грудного ребенка с собой.

— Взять ее! — взвизгнул офицер. — Щенка оставить дома!

Я положила ребенка на руки своей старшей девочке. Дети, плача и дрожа, обступили меня.

Повинуясь приказанию офицера, солдаты силой оторвали ребят.

По дороге я сказала конвоирам:

— Вот вы меня ведете... А с вашими женами, думаете, лучше поступают?

Солдаты угрюмо молчали.

★

Я очутилась в контрразведке, в камере для арестованных. Тяжелый смрадный воздух ударяет в голову. Камера переполнена людьми. Мужчины и женщины лежат на грязном заплеванном полу, сидят скорчившись. Землисто-серые лица, воспаленные глаза, всклокоченные волосы.

Я озиралась кругом, не зная, куда себя девать. Меня окружили и засыпали вопросами:

— Что слышно в городе? Какое положение на фронте? Нет ли у вас папирос? За что арестованы?

Нашлось «удобное» место у стенки на полу, где я и расположилась.

Настала ночь. Подвешенные к потолку керосиновые лампы тускло освещали камеру. Холодно. Хочется лечь, расправить ноющее тело, но цементный пол холоден, как лед. Нет ни подушки, ни одеяла. Впрочем, их нет у большинства арестованных. Многие спят на полу, сбившись в кучу и согревая друг друга собственным теплом.

Утром меня погнали наверх убирать помещение контрразведки. Я была этому рада: работа действует успокаивающе.

На лестнице раздался топот тяжелых ног. В комнату, неся на руках двух женщин, вошли солдаты. Положили женщин на пол и ушли. Остался часовой. Я принялась усердно тереть мокрой тряпкой пол возле лежащих женщин, чтобы лучше их разглядеть. Лица их показались мне знакомыми. Мать и дочь. Дочери лет шестнадцать, мать сейчас стала неузнаваема. Несколько дней тому назад это была еще довольно молодая темноволосая женщина. Теперь же в контрразведке лежала совершенно седая, изможденная старуха.

Часовой зевнул и лениво вышел из комнаты. Воспользовавшись этим, я наклонилась над седой женщиной:

— Что с вами сделали? Это я, Ряженцева, вы узнаете меня? Я тоже арестована.

На меня смотрели дикие, воспаленные глаза. Постепенно в них зажглась мысль. Женщина узнала меня. Дрожа всем телом, стиснув до боли мою руку, она хрипло выкрикивала отдельные слова. Теперь стал ясным ужасный смысл происшедшего: над девочкой надругались. На глазах матери ее изнасиловали белые негодяи. Сейчас обе были доставлены сюда «на допрос». Девушка лежала на полу неподвижно, полумертвая, бледная. Ее глаза были закрыты, и только веки вздрагивали часто-часто.

Вернулся часовой, и я поспешила отойти от женщин. Личные мои страдания теперь потускнели перед тем, что я узнала. Я поняла, что кругом много таких же, как эта несчастная женщина, и внутренне стала готовиться к отчаянной борьбе с белыми палачами.

К вечеру контрразведчики втолкнули в камеру всех моих ребятишек. Первой появилась старшая Клава с грудным ребенком на руках. За ней, держась друг за друга, вошли еще четверо. Оказалось, Клавдия, забрав всех братьев и сестер, явилась в контрразведку с требованием: «Взяли мать, берите и нас. Куда я с ними денусь?»

Взволнованные необычайным зрелищем, товарищи по камере тесно обступили детей. Все были возмущены:

— Это неслыханное зверство — разлучают грудного ребенка с матерью!

— Нет такого закона в мире, чтобы малых детей, как котят, оставляли на произвол судьбы.

Камера приняла решение: потребовать срочного рассмотрения дела Ряженцевой. В случае отказа объявить голодовку.

Через несколько часов меня вызвали на допрос.

С первых же слов мне стало ясно, что белогвардейцы хотят выпытать, где находится Ткачев.

— Вы должны нам сказать все, что знаете о нем, — заявил мне жандармский офицер.

Я знала, что Ткачев скрывается в яме для картофеля и мать носит ему туда пищу (в этой яме Ткачев просидел около года), но я ответила жандарму:

— Я о Ткачеве ничего не знаю.

— Не может быть, чтоб вы не знали. Он живет рядом с вами.

— Мне до моих соседей нет дела.

Офицер, прищурившись, недоверчиво поглядел на меня. Рука лежала на рукоятке револьвера:

— Мы знаем, что он не успел удрать, что он скрывается здесь, в Кисловодске. Худо вам будет, если мы узнаем, что вы его скрываете.

Я молчала. После тифа, после волнений этой ночи у меня от слабости дрожали и гнулись колени, звенело в ушах. Но я уже приняла твердое решение: умру, а Ткачева не выдам.

— Что же вы молчите? Мы заставим вас быть разговорчивей и сказать нам, где находится Ткачев. Вы бы лучше пожалели своих детей, чем Ткачева. Мы сгноим вас в контрразведке!

— Воля ваша, господин офицер! Вместо того чтобы на фронт итти, вы здесь сидите да с нами, бабами, воюете...

— Молчать! — у офицера оскалились зубы, глаза налились кровью.

В это время дверь кабинета распахнулась. Солдаты втолкнули мать красноармейца Ваньки Катыгина.

По приходе белых он с товарищем бежал в горы и там скрывался.

Тут же, за соседним столом, начался допрос Катыгиной. Контрразведчики требовали, чтобы мать выдала сына.

Измученная, но смелая женщина кричала в ответ:

— Сволочи вы! Чего вы меня мучаете?

— Дай ей двадцать пять нагаек! — услышала я позади себя.

Свистнула в воздухе тяжелая плеть, Катыгина вскрикнула. У меня появилось такое ощущение, что мне самой режут спину.

— Если Ткачев будет арестован, — негромко и зловеще сказал, обращаясь ко мне, жандармский офицер, — вы будете повешены вместе с ним.

— Воля ваша, хоть сейчас вешайте... Мы в вашей власти.

Послышался шум, падение тяжелого тела. Я повернула голову и увидела, что Катыгина лежит на полу и белая кофта ее залита кровью.

Но я чувствовала, что голос мой звучит твердо, в нем нет ни тени колебания. Повидимому, это подействовало на офицера. Он позвонил и сердито бросил явившемуся дежурному:

— Освободить!

Шатаясь, как пьяная, охваченная ужасом и ненавистью, я вышла из страшного дома. Но контрразведка не оставила меня в покое. Каждые три-четыре дня являлись на квартиру жандармы и, вновь перетряхивая скудный мой скарб, производили тщательный обыск.

Вешали мужчин и женщин, рабочих, матросов, комсомольцев — больше молодежь. Вешали публично. Со всех сторон к виселице стекался народ. Повесили Ксению Ге.

Когда площадь пустела, около виселицы оставались мы, красноармейские жены. Мы сговаривались между собой, как снять с петли повешенного товарища и предать его земле. Каждый раз на это приходилось брать у властей особое разрешение. Действовать нужно было с величайшей осторожностью, чтобы не навлечь на себя подозрение.

Не всегда нам удавалось получить тело товарища. Матросов, например, не разрешали снимать с виселицы и хоронить. Они висели до тех пор, пока не оборвутся. И тогда полуистлевшие тела их растаскивали по частям голодные собаки.

Несмотря на все трудности мне и другим женам красноармейцев удалось предать земле около ста жертв белого террора.

Жертвой контрразведки стал Шпарковский — комсомолец, активный работник Кисловодского совета. Он вернулся в белый Кисловодск. Его случайно опознал извозчик и выдал контрразведке.

Измученная мать, получив отказ от кисловодских властей выпустить ее сына на свободу, поехала в Пятигорск и с огромным трудом добилась приема у жандармского полковника.

Элегантный полковник любезно принял Шпарковскую. Мать, заливаясь слезами, умоляла пощадить молодую жизнь сына. Полковник внимательно, почти сочувственно смотрел на Шпарковскую.

— Успокойтесь! — сказал он приятным баритоном. — Ваш сын будет освобожден.

Не веря своему счастью, плача от радости и горячо благодаря великодушного полковника, Шпарковская вышла из кабинета. Она не подозревала, что сейчас же после ее ухода полковником была дана в Кисловодск срочная телеграмма: «Арестованного Шпарковского немедленно повесить».

А в соседней комнате, в общей канцелярии, в это время счастливая мать получала распоряжение за всеми подписями и печатями об освобождении ее сына.

Как раз в тот момент, когда Шпарковская выходила из вагона на перрон кисловодского вокзала, огромная толпа народа окружала виселицу. Был взволнован весь Кисловодск. Все знали молодого, безусого юношу, который сейчас с петлей на шее стоял под деревянной перекладиной. Он вырос на глазах местных жителей. Но мать еще ничего не знала.

В кисловодской контрразведке ее зовут в кабинет начальника. Он протягивает ей бумагу и говорит, стараясь сдержать улыбку:

— Эта бумага опоздала. Час тому назад ваш сын был взят для исполнения приговора на Пятницкий базар. Поспешите туда. Может быть, вы еще успеете...

У несчастной еще хватило сил куда-то двинуться. Вдогонку ей раздался дружный хохот жандармов.

На улице около контрразведки она падает. В ее руках судорожно зажата бумага за подписью полковника.

★

Как-то, проходя по Тополевой аллее, я услышала цокот копыт, горластое пение, гиканье и свист. Это шла «дикая дивизия». Впереди плыло черное знамя. Пьяные, красномордые шкуровцы ехали на лошадях и держали пики, на которые были насажены волчьи головы, черепа, пучки каких-то волос. Я остановилась, глядя на эту орду, и вдруг похолодела от ужаса. На одной из пик качалась голова красноармейца Вани Катыгина с широко открытыми, остекляневшими глазами. Она скрылась за поворотом аллеи, но я, не в силах сойти с места, продолжала смотреть вслед. Вспомнилась контрразведка, стоны и кровь Катыгиной... Нет, не спас Ваню героизм его матери.

После я узнала, как погиб Катыгин. Посланный из Кисловодска отряд окружил ущелье, где спрятались Ваня и его товарищ. Отличный стрелок, Катыгин долго не подпускал к себе шкуровцев. Наконец все патроны были расстреляны, и двое храбрецов попали в руки белых палачей. Тело Катыгина было изрезано в куски, на трупе его товарища оказалось восемнадцать ран.

Вечером, возвращаясь с работы, усталая и подавленная, я проходила по центральным улицам Кисловодска. Как быстро возрождается старая, проклятая жизнь! В ресторанах гремит музыка. За столиками сидят накрашенные женщины, офицеры и купчики. Улицы кишат проститутками. Буржуазия заискивает, лебезит перед военными. В честь золотопогонных «героев» устраиваются пышные банкеты и вечера. «Герои» обжираются, пьют до бесчувствия, дебоширят. Стреляют из револьверов в зеркала, в лакеев, в своих покровителей-буржуев, а подчас и друг в друга.

С ненавистью прислушивалась я к шуму и голосам, долетающим из ресторанов. Кровопийцы! Днем кровь рекой льют, а ночью в вине тонут.

★

Январь двадцатого года. По улицам Кисловодска тянутся длинные обозы с провиантом, оружием, снаряжением, обмундированием. Тут же разное добро, награбленное господами офицерами. Это белые бегут из Кисловодска. В город вступают наши, с восторгом встречаемые измученной беднотой. Миновала кошмарная пора хозяйничанья Шкуро.

Через три недели после прихода большевиков я вступила в ряды коммунистической партии.

Л. АРГУТИНСКАЯ

ТАТЬЯНА СОЛОМАХА

У меня на письменном столе лежит темная папка с тремя тонкими тетрадями, исписанными с начала и до конца.

В первой тетради ровный, крупный, четкий почерк, во второй — мелкий, точно бисерный, в третьей — размашистый, женский, с недописанными окончаниями слов.

К внутренней стороне папки прикреплена небольшая фотографическая карточка. Я долго вглядываюсь в чуть склоненную набок голову с красивым тонким девичьим лицом, обрамленным кудрявыми завитками, в слегка прищуренные лукавые глаза и такую же усмешку на небольших узких губах. На девушке вышитый украинский костюм, вся грудь увешана бусами, а через плечо до небольших щегольских туфелек на высоких каблуках свисает толстая кудрявая коса.

И я хочу представить себе другое лицо, бледное и измученное, с большими, строгими, горящими глазами, лицо «милой сестренки», как называл ее брат Николай, «так славно сумевшей умереть за дело революции».

И я снова открываю тетради и снова читаю эту страшную незабываемую историю.

«Как мне ни стыдно, нервы не выдержали, и заплакал слезами сейчас, в час ночи, старый партизан, брат Татьяны, Николай Соломаха.

Жалко мне стало ее, дорогую сестру».

(Из писем Николая Соломахи.)

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Мы дружно жили с Таней.

Помню я ее еще совсем маленькой девчонкой, в коротком платьице, босоногую, загорелую, с небольшой косицей на затылке.

Зимой она была занята в школе, вечера просиживала за уроками, а весной и летом нас нельзя было удержать дома. Мы вскакивали на рассвете, забирали по ломтю хлеба, удочки и бежали на речку ловить раков и рыб.

Это было нашим любимым занятием. Мы садились на еще мокрую, росистую траву и, не спуская взгляда с поплавка, часами смотрели на медленно текущую воду Урупа.

Иногда же Таня отбрасывала удочки, и мы начинали игры, которые выдумывала она. То мы были индейцами, то ехали в неведомые страны на воздушном корабле, которым управляла она, то, бродя по колено в болоте, отыскивали старые разрушенные города.

Я беспрекословно подчинялся сестре. Единственно, кто мешал жить, — ребята-казачата. Таня рассказывала мне, что они не давали ей прохода в школе и дразнили, называли мужичкой. Часто Таня возвращалась домой с подбитым глазом, с расцарапанным лицом и с синяками на худеньких руках. Я расспрашивал ее о том, что случилось, и она, смеясь, рассказывала, что дралась с мальчишками. Только от ребят я узнавал подробности. Когда Таню дразнили, она бросалась на казачат с кулаками. Но отцу на мальчишек она никогда не жаловалась.

Однажды мы пошли с ней купаться на реку. День был ясный, ветерок колыхал ковыль, и вся степь блестела под солнечными лучами. Мы долго плавали, Таня визжала, брызгалась, и стоило мне выйти из воды, как она бросалась ко мне, валила на песок и всего обмазывала темной липкой грязью.

А уже позже, когда мы занялись рыбной ловлей, к реке подошли пять казачат.

— А ну, выкидайтесь вон! — закричал старший, в темной кубанке.

Таня оглянулась, и я видел, как загорелись ее щеки.

— Если хочешь купаться, иди ниже, а нам торопиться некуда, — сердито бросила она.

— Вот еще новость! — снова закричал казачонок. — Вы тут с себя мужицкую грязь будете смывать, а мы после вас пачкаться станем. Не пойдете — все равно выгоним!

Я не успел опомниться, как Таня схватила камень и бросила его в стоящих ребят. Они разбежались. От них посыпался град камней.

Мы бросились за бугор. Я подносил камни, Таня, целясь, кидала их в подступающих ребят. Кто-то подбил ей глаз, кровь тоненькой струйкой бежала по щеке, но она не обращала на нее внимания и с азартом «отстреливалась». Иногда она поворачивала голову ко мне и коротко отдавала приказания:

— Давай камней побольше, скорей тащи!

Нам все-таки пришлось отступить.

Я бежал первым — так приказала Таня, — она же, прячась за бугры и кусты, медленно отходила назад, все время отбиваясь камнями.

Только у нашего дома мы присели отдохнуть. Потирая ушибленные места и размазывая по лицу кровь, она строго и внушительно говорила:

— Никогда не сдавайся в плен. Уж если дело плохо, лучше отступить, но только так, чтобы им было несладко.

И, немного подумав, добавила:

— Хоть девчонок не берут в армию, а я, когда вырасту, обязательно буду командиром.

★

Хороша степь, душиста по ночам, полна треска кузнечиков и щебетанья птиц в ясный, хороший день. Выйдешь за околицу, глянешь кругом — и нет конца зелени, убегающей к голубому горизонту. А по ночам степь звенит стрекотом цикад. Раскинулись в ней станицы белыми добротными казачьими домами, с покривившимися хатами казачьей и иногородней бедноты, со стуком молота у кузниц, с песнями и гармошками в сумерках.

У отца разрасталась семья. Днем он учил станичных ребятишек, а затем до поздней ночи возился в сарае, в огороде и в жужжащем разноголосом пчельнике.

А в летнюю пору от степи несся запах сена, и огромные возы, запряженные ленивыми волами, медленно двигались к станице.

★

По вечерам вся семья собиралась у стола.

Отец шил обувь, мать чинила белье. Мы, ребята, затаив дыхание, не спускали взгляда с Тани. Подперев ладонью голову, она читала вслух. Изредка отец отрывался от работы и долго, пристально, с особой любовью смотрел на дочь, и мне казалось, что он больше всех детей любит Таню. Но я не испытывал зависти. Так и должно было быть.

★

Когда Тане исполнилось двенадцать лет, она окончила сельскую школу, и отец увез ее учиться в Армавирскую гимназию.

Я долго стоял за околицей. Уже скрылась пыль от повозки, а я все еще смотрел на пожелтевшую степь.

Сколько бы я отдал за то, чтобы услышать рядом с собой громкий, заливчатый смех сестры!

★

Лето для меня стало самым лучшим временем года, потому что на каникулы приезжала Таня. Как много интересного рассказывала она! И город и весь мир вставали передо мной необычайно яркими. Сначала Таня казалась мне чужой в темном коричневом платье, с черным фартуком, но потом мать бережливо укладывала форму в сундук, и снова со мной была прежняя Таня.

В один из приездов она особенно увлекалась собиранием коллекций для гимназии. Я ходил с ней за цветами, помогал сушить их в речном песке, ловил бабочек и доставал яйца из птичьих гнезд.

Как-то мы вместе с ней пошли за яйцами. В одном месте я нашел такие, какие особенно нравились Тане. Но птица не хотела отдавать их. Тогда, недолго думая, я свернул ей голову и, набрав в шапку яйца, с торжествующим видом спустился вниз.

У дерева уже стояла Таня.

— Ты зачем гнездо разорил? — сердито спросила она. — Когда берешь одно яйцо — мать не замечает. А ты что сделал?

Она увидела птицу со свернутой головой, нагнулась к ней и осторожно погладила пальцами взъерошенные, взмокшие перья.

Я не знал, куда девать покрасневшее лицо.

— Гадкий ты, злой, жестокий! — кричала Таня со слезами в голосе. — Не люблю я тебя! — и вдруг заметила мое красное, вспотевшее лицо.

Она присела на землю, ножиком выкопала ямку, положила в нее птицу и засыпала ее землей.

— Никогда не надо зря проливать кровь, — тихо сказала она, затем встала и пошла в глубь леса.

Несколько часов я не находил себе места. Но к вечеру мы снова помирились и, усевшись на завалинке, долго пели песни.

★

Я очень смутно помню, как у нас в станице проходил пятый год. Одно ярко осталось в памяти. По широкой улице шли станичники. Люди были украшены красными бантами, возбужденно пели и что-то громко кричали. А впереди всех шел отец, и высоко над головой его полыхался красный флаг. Я никогда отца не видел таким молодым и красивым. И странно было то, что казаки шли под руку с иногородними, батраки — вместе со своими хозяевами.

В это лето я не узнал Тани. Она вытянулась, из угловатого подростка превратилась в высокую, стройную девушку с толстой и длинной косой.

Первую ночь Таня до рассвета просидела с отцом. Лежа на кровати и затаив дыхание, я прислушивался к их разговору. Таня спрашивала о революции, о гнете царского правительства. Отец раскрывал толстую тетрадь и читал из нее свои записи.

— Душит меня станица, — впервые говорил он с дочерью как с равной, — в город надо. Крестьянство без рабочих ничего не сможет сделать. А в город не возьмут меня. Экзамена на учителя я не сдавал, а там требования большие. Тяжело в станице. Когда она еще раскачается.

Таня молча слушала. Впервые я увидел ее такой серьезной.

На другой день она взяла у отца какую-то книжку и долго ходила с ней по степи. Я издали наблюдал за сестрой, боясь помешать, и мне казалось, что я потерял друга.

Но через несколько дней она позвала меня с собой в лес. Мы улеглись на высокую душистую траву, и Таня стала тихо рассказывать о поэте, которого звали Шевченко. Она говорила о том, как он боролся всю жизнь за угнетенный народ, как его мучили и преследовали, а он никого не боялся и писал свои прекрасные стихи, которые народ перекладывал на песни.

Я никогда не видел Таню в таком возбуждении. Она приподнялась на локте и, глядя в уходящую степную даль, стала тихо декламировать стихи. И такая сила и настойчивость были в ее голосе, решимость в широко открытых глазах, что мне стало страшно за нее.

Потом мы долго молча лежали. Я приподнялся и заглянул ей в лицо. Оно было бледно и строго.

— Таня, о чем ты думаешь? — робко спросил я.

— О чем? — вдруг улыбнулась она. — Так вот, смотрю в далекое-далекое небо, и мир мне кажется огромным и безбрежным. А когда по небу плывут облака, мне хочется улететь за ними, и тогда я такая сильная, что никто не сломит меня.

В это лето Таня уже помогала отцу по хозяйству. Она возилась на пасеке, на бахче с арбузами и дынями, поливала капусту, и еще издали был слышен ее громкий голос и звонкий смех.

Отец с чердака снес пачку книг, и по вечерам Таня читала вслух. Особенно мне запала в память книга «Овод» Войнич. Кончили мы ее поздно ночью. Наконец Таня дочитала последнюю строчку и захлопнула книгу. Глаза ее были красны и опухли от слез.

— Вот были же такие люди! Сколько я бы дала, чтобы посмотреть на них!

— А ты думаешь, у нас таких людей нет? — удивленно спросил отец и, отложив работу, стал рассказывать ей о ссыльных, о каторжанах, о тех, кто выпущен из тюрем с волчьим билетом и вынужден скитаться с одного места на другое.

Снова долго говорили они в эту ночь...

★

Шли годы. Отец часто тосковал. Он только немного оживлялся, когда к нему заходили «волчники». Мать возилась по хозяйству и с четырехлетней шустрой сестренкой Раисой.

Весной, когда Таня кончила седьмой класс, в семье произошло несчастье. Причиной его была ссора отца с попом. Поп давно недолюбливал отца. Ему не нравилось, что учитель не бывает в церкви, а при встречах не оказывает ему должного почтения.

Однажды, встретив отца на площади, священник стал кричать, что он безбожник, отрешился от церкви, развращает детей, не посылая их в храм божий, учит неповиновению и разврату.

Отец вспылил, попросил его не учить, а лучше самому поменьше обманывать народ. Поп затопал ногами и, оглядываясь на подходящий народ, закричал, что от такого, как отец, можно всего ожидать и что он, должно быть, ворует школьные деньги на содержание своей дочери в городе.

Тогда отец, не помня себя, ударил священника кулаком по лицу.

А через несколько дней, накануне пасхальных каникул, поздно вечером, школьный сторож постучался к нам в дом и передал срочный пакет, присланный из города.

Я не узнал отца, когда он появился в дверях. Растрепанные волосы дыбом стояли над высоким лбом. Он размахивал правой рукой, в которой была какая-то бумага, и, не глядя на меня, хрипло сказал:

— Меня выгнали из школы... как вора...

Лицо его налилось кровью, он глухо застонал, схватился руками за голову и со всего размаха упал на пол.

Всю ночь отец пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось кроме жалобного, несвязного мычания. Мы с матерью не отходили от его постели. Только на рассвете он пришел в себя, пробовал поднять руки, двинуть ногами, но они были скованы. Тоскующим взглядом он обводил комнату, всматриваясь в наши лица, точно ища помощи.

Его разбил паралич. Отец стал о чем-то настойчиво просить, указывая глазами на стену, где висела танина карточка. Я снял ее и поднес больному. Он заволновался, потом улыбнулся и закрыл глаза. По его щекам медленно текли слезы.

Утром под диктовку матери я написал Тане письмо.

★

Таня приехала неожиданно, когда отцу стало лучше; он уже мог немного разговаривать и двигать правой рукой. Левая половина все еще оставалась неподвижной. Я бросился навстречу сестре. Она торопливо шла по двору с побледневшим лицом и испуганными глазами.

— Как папа? — быстро, взволнованно спросила она.

— Ничего, сейчас лучше, — улыбнулся я ей и вдруг почувствовал огромное облегчение оттого, что она будет вместе с нами. Казалось, теперь все должно измениться и отец будет здоровым, как и раньше.

— Ты не ходи, я сама, — задержала она меня в первой комнате.

Я слышал, как она поспешными шагами прошла через комнату отца, слышал радостный возглас и поцелуи.

Меня испугал громкий смех Тани. Я вбежал в комнату. Таня сидела на кровати отца и, гладя его руку, весело рассказывала о гимназии, об экзаменах, о медали, которую она получила. Вся семья собралась вокруг. Отец вышел из своего обычного тяжелого состояния и, улыбаясь, слушал рассказы Тани.

Только один раз он зажмурил глаза и тихо сказал:

— Ну вот, я теперь калека. Никому не нужен.

— Это все ерунда, — перебила его Таня. — Дай время, поправишься — снова на работу пойдешь. А на попа не стоит обращать внимания, мы ему еще покажем.

Я исподтишка приглядывался к Тане и никак не мог ее понять. Может быть, она не знала, как опасно болен отец?

К вечеру отец устал и задремал. Таня долго еще гладила его руку, потом встала и вышла из комнаты.

Я бросился за ней.

Мы вышли на двор, когда на небе застыла большая круглая луна.

У ворот Таня остановилась, провела ладонью по моим волосам и тихо сказала:

— Ну вот, теперь я осталась старшей в семье. Не поправится он.

И вдруг, резко повернув меня к себе, заглянула в глаза:

— Запомни хорошо: гордиться ты отцом должен. Таких честных, как он, трудно найти. Всю свою жизнь отец людям помогал. А теперь его сильно обидели. Я вот говорила: на попа управу найдем. А кто нас послушает — иногородние мы. Да и отца в городе социалистом считают. Убила бы я их всех, растерзала душителей.

Я с удивлением смотрел на Таню.

Все лето Таня ухаживала за отцом и работала по хозяйству. Отец чувствовал себя гораздо лучше: опираясь на палку и волоча за собой ногу, он медленно проходил на огород, пасеку и наблюдал, как работала Таня.

Она несколько раз писала в город, прося разобраться в увольнении отца, но ничего не добилась. Когда же ей предложили преподавать в станичной школе, она с радостью согласилась.

С раннего утра Таня уходила в школу, возвращаясь оттуда поздно, и в нашем доме все чаще и чаще стали появляться ребятишки.

В свободное время мы много читали и гуляли.

Помню, однажды мы вышли с Таней на завалинку. Был тихий вечер. Солнце уже зашло за дальние облака, и прохладой повеяло от реки.

Таня улеглась на завалинку, подложила под голову руки и неподвижно смотрела на потемневшее небо, на котором загорались бледные звезды.

Для кого я росла и кохалась, —

прорезал тишину ее высокий голос.

Для кого я всю жизнь отдала...

Меня удивила грусть, которая прорвалась в напеве и словах.

Таня вдруг оборвала песню, пристально посмотрела на меня и улыбнулась.

— Это только так, в песне. А ты думаешь, я не знаю, зачем живу? — приподнялась она на локте. — Сколько я ночей об этом думала! Помнишь, я с тобой об отце говорила, когда заболел он? Сколько он дал мне, человека из меня сделал. Всю свою жизнь я хотела бы отдать за народ. Иногда я себя представляю на баррикадах, в тюрьме. Может быть, меня расстреляют так же, как и Овода. И когда я об этом думаю, мне становится так радостно и легко. Мне кажется, что я по каплям отдала бы всю свою кровь, только чтобы людям жилось лучше. Вот я все и думаю: как это сделать?

Мне почему-то страшно стало за Таню.

Я понял, что все, о чем она говорила, было не только слова, а гораздо большее, за что она, не колеблясь, отдала бы свою жизнь.

★

Где-то далеко началась война. Станица со слезами провожала уходящую молодежь, бабы тонко и надрывно плакали. За молодежью пошли старики, и притихла станица.

Таня притаскивала из школы газеты и вместе с отцом долго сидела над картой, обсуждая положение на фронтах.

К отцу зачастили волчники. Теперь он их принимал уже не один, а с Таней.

Однажды глубокой осенью к нам зашел волчник — молодой голубоглазый студент. Ловкий и рослый, он привлекал своим хохотом, шутками. Присев у печки и глядя на огонь, он высоким голосом напевал волжские песни, тихо наигрывая на гитаре.

Таня сидела в углу и с любопытством разглядывала студента.

Разморенный теплом и усталый за день, я незаметно для себя уснул. Проснулся я от громкого, возбужденного голоса.

Студент стоял, держась за спинку стула, ворот рубахи у него был расстегнут.

— Ведь это же понятно, — возбужденно говорил он. — Война империалистическая должна стать войной гражданской. Сотни, тысячи людей, вооруженных с ног до головы, повернут свои ружья против тех, кто веками угнетал их. А тогда — эх, что мы тогда сделаем!

Прохаживаясь по комнате и постукивая палкой, отец вдруг широко улыбнулся. Таня не спускала со студента потемневших, блестящих глаз. И когда он на минуту замолчал, она быстро подошла к нему и обеими руками схватила его руку.

— Так зачем же ждать? — резко, возбужденно спросила она.— Надо теперь же. Надо сейчас.

Студент засмеялся в ответ и быстрым, порывистым движением ласково похлопал девушку по плечу:

— Поторопимся — дело провалим. Надо к этому хорошо подготовиться.

— Но разве можно ждать? — снова возбужденно спросила Таня.

— А ты не горячись, — успокаивал ее отец. — Не пришло еще время.

Потом все втроем уселись за стол, и до меня долетали отдельные фразы студента. Он говорил о партии большевиков.

На рассвете, когда я работал на дворе, студент собрался в путь. Таня вышла проводить его к воротам. Я видел ее строгое, грустное лицо. Студент наклонился к ней и, смеясь, что-то тихо говорил. А затем он пошел по дороге, а Таня, подойдя к плетню, долго неподвижно стояла, не спуская взгляда с высокой, быстро удаляющейся фигуры.

Когда я вернулся домой, Таня сидела за книгой, которую оставил ей студент. И уже позже я заглянул в нее. На обложке было написано: «ЛЕНИН».

★

Я точно не знаю, когда Таня вступила в партию, но это было до переворота. Только уже позднее я узнал, что на квартире у Григория Половинко собиралась небольшая организация, состоящая из солдат, казаков-фронтовиков и нескольких иногородних.

О февральском перевороте нам сообщила Таня. Она бежала по двору и кричала, размахивая газетой. Случилось что-то радостное и большое, что заставило всех вскочить и броситься к Тане: задыхаясь, она читала сообщение об отречении царя.

Я увидел отцовские глаза, наполненные слезами. Таня тоже оглянулась на отца, бросилась к нему и обняла за шею.

Начиналась новая жизнь.

А потом?

Армия на фронте браталась с немцами, бросала окопы, разбегалась по домам. На улицах Петрограда шла борьба между восставшими рабочими и войсками Керенского. На Кубани раду возглавило белое офицерство.

С самого начала февраля Таня целиком ушла в партийную работу. Она выступала на митингах, разъезжала по ближайшим станицам, требовала прекращения войны, передачи земли трудящимся.

Против нее ополчились кулачество и учителя. Они как-то выгнали Таню с собрания, когда она выступала в школе, обозвали ее продажной девкой, немецким шпионом, предателем.

Но Таня спокойно относилась к таким стычкам. Она рассказывала мне о них и весело смеялась, поблескивая глазами:

— Это не важно. Мы все равно добьемся своего. Пусть орут. Не пойдут за ними массы.

★

Однажды в станице Отрадной ее чуть не избили кулаки. К этому времени мы с братом Григорием уже вступили в красногвардейский отряд. Мы собирались по вечерам, выходили в степь, и там кто-нибудь из фронтовиков учил нас, как обращаться с винтовкой и стрелять. Таня была одним из организаторов нашего отряда.

Иногда мы по очереди выезжали в станицы вместе с партийными товарищами, которые должны были выступить на митингах. Вот почему я и поехал вместе с Таней в станицу Отрадную. Перед отъездом один из товарищей рассказал, что в станице неблагополучно, что там орудуют кулаки и приехавшее белое офицерство.

Я чувствовал, что Таня волнуется, хотя внешне она была спокойна.

В станице заседала партийная организация. Таня зашла в избу и договорилась с товарищами, что пройдет на площадь, где уже начался митинг.

Площадь была полна народу. Мы с трудом протиснулись к трибуне. Там, на виду у всех, с погонами войскового старшины сидел рослый с чуть посеребренными волосами и важным видом станичный атаман. Заломив папаху на затылок и размахивая руками, выступал сотник в белой черкеске с серебряными газырями.

Он говорил о традициях вольного казачества, о том, что позор падет на головы верных и лучших сынов родины, если они не победят Германии.

— Надо забыть распри, нужно перестать иногородним баламутить народ и вместе с казачеством пойти на защиту отечества, — закончил он и, тяжело дыша, спрыгнул на землю.

Где-то рядом закричали «ура». Крик прокатился по площади, и, когда он затих, из толпы донесся злобный голос:

— Как на бойню вы нас зовете. А земли мы и не видали до сих пор. Что же, ребятишкам да бабью с голоду пухнуть?

Поднялся страшный шум. Кто защищал иногородних, кто кричал против них.

Я не заметил, как Таня взобралась на трибуну. Звонкий, чужой женский голос заставил успокоиться толпу.

— Да это ведь учительша, из станицы Попутной! — крикнул кто-то.

Я никогда не слышал, чтобы так выступали. Она говорила горячо, как настоящий оратор. И голос ее, ставший чужим и незнакомым, проникал в душу и заставлял верить каждому слову.

Она говорила о земле, о которой затаенно мечтали люди, о той жизни, которую нужно отвоевать с оружием в руках. А когда она заговорила о большевиках и произнесла имя — Ленин, — толпа замерла.

Мне бросилось в глаза нахмуренное лицо атамана, встревоженный взгляд сотника. Он наклонился к высокому пожилому уряднику, стоявшему рядом с ним и не спускавшему глаз с Тани.

Тревога сжала сердце. Урядник быстрым движением бросился к Тане и локтем оттолкнул ее в сторону.

— Казаки, не слухайте бабу! — пронзительно закричал он, заглушая танин голос. — Она из германских шпионов!

Таня старалась перекричать его, но крик и шум заглушали ее голос.

Урядник неожиданно обернулся к Тане и наотмашь ударил ее по голове.

Я видел, как она зашаталась, и бросился к трибуне. Но прорвать хлынувшую к ней толпу не было сил.

Неожиданно раздался резкий свист. Я заметил знакомое лицо товарища Чередниченко. Заложив пальцы в рот и заслоняя Таню от урядника, он пронзительно свистел. И этот свист как-то разрядил атмосферу. Не дав опомниться ошалевшим людям, Чередниченко закричал густым басом:

— Что вы делаете?.. Беззащитную женщину убить хотите? Разве это к чести казачества? Совести у вас нет — связываться с бабой.

Толпа еще долго гудела, люди продолжали спорить, но злоба пропала. Подоспевшие с собрания товарищи оттеснили Таню и помогли ей выбраться с площади.

Так спас Таню товарищ Чередниченко, позже ставший командиром красногвардейского отряда станицы Отрадной.

★

Большевики были загнаны в подполье. Таня не жила дома, ночевала у знакомых, скрывалась в камышах вместе с товарищами.

... В холодную осеннюю ночь по приказу подпольного ревкома красногвардейский отряд окружил управление станичного атамана и обезоружил власть. Всю ночь в станице шла стрельба, а на рассвете белые отступили в горы.

На первом заседании ревкома Таню назначили продкомиссаром.

Вся семья поздно ночью собралась дома. Таня прибежала позже всех. Она возбужденно рассказывала отцу о событиях.

В этот вечер она отрезала свою длинную вьющуюся косу. Мать испуганно закричала и заплакала.

Таня громко засмеялась и тряхнула коротко остриженными волосами:

— Нельзя иначе, мама. Намучилась я с ними. А теперь вот придется разъезжать за продуктами по станицам. Мешают они. Да ты не плачь, я ведь еще долго буду жить. Успеют отрасти.

Я смотрел на Таню и не узнавал ее: лицо стало иным, совсем детским. И я подумал: «Если бы ее нарядить в мужской костюм, какой бы славный из нее вышел мальчишка».

В эту ночь отец долго разговаривал с нами. Было поздно, когда мы разошлись. Я долго не мог заснуть. И вдруг в тишине раздался взволнованный, тихий голос отца:

— Как хорошо, что у нас такие дети! Слышишь, мать? И если бы не нога моя, проклятая, взял бы я винтовку и пошел бы вместе с ними. Ты думаешь, меня бы не приняли в Красную гвардию?

Таня теперь редко бывала дома: забегала только для того, чтобы переодеться и поесть. Мать упрашивала ее поберечь себя, но она всегда отвечала одно и то же:

— Нельзя сейчас, мама. Время такое, что каждая минута дорога. Мне ведь нужно накормить и армию и бедноту. За нас никто работать не будет. А кулачье народ мутит, продукты прячет.

Я часто заходил в ревком. Около Тани всегда было много женщин. Она отдавала им приказания, и женщины на подводах уезжали перевозить отобранное у кулаков зерно.

Я с удивлением прислушивался, как умела она отдавать распоряжения, и видел, что она пользовалась уважением товарищей.

★

Разгоралась гражданская война. Кругом вспыхивали восстания. Разбитые корниловские войска бежали на Кубань, Дон, в Чер-

номорье. Офицерство поднимало кулаков против советов. Станицы переходили из рук в руки.

Озверевшее белое казачество вместе с генералами и офицерством билось «за единую и неделимую Россию», за «вольное казачество» и жестоко расправлялось с семьями ушедших в Красную гвардию.

В нашем отряде была и Таня. Она прекрасно ездила верхом и стреляла почти без промаха. Во время походов она не отставала от ребят, шла бодрым размашистым шагом, и ее смех и песни далеко разносились по степи.

Однажды Таню чуть не убили кулаки, когда она отбирала продовольствие в соседней станице.

У мельника на базу беднота вскрыла запасы запрятанной муки. Таня приехала тогда, когда мешки с мукой уже были вытащены из ямы и ровными штабелями разложены по земле.

— Собрать все. Свезти в ревком, — приказала она и распорядилась арестовать мельника и его сына — здорового молодого парня, злобно смотревшего на нее.

Она задержалась в ревкоме, и, когда вышла на улицу, на темном небе уже ярко горели звезды. Подвода с красноармейцами, которая должна была ее дожидаться, куда-то уехала. До Попутной было верст пятнадцать. Таня нерешительно постояла на месте. Вспомнила крики, угрозы, которые раздавались на базу. В ревкоме же никого из товарищей не было, итти и разыскивать их по домам не хотелось. Люди могли подумать, что она чего-то испугалась. Но ночевать здесь было рискованно: еще не так давно в этой станице было кулацкое восстание.

Таня медленно пошла по улице, напряженно всматриваясь в темноту. В домах погасли огни. Кругом было пусто, только собаки лаяли в подворотнях.

За станицей в степи стало светлее. Таня осторожно шла, держа палец на предохранителе револьвера.

Верстах в двух от станицы пролегала небольшая балка с прогнившим мостом. Затаив дыхание и приглушив шаги, Таня перешла через него и вдруг совсем близко от себя услыхала выстрел. Над ухом тонко взвизгнула пуля.

Таня бросилась в сторону и, упав на землю, оглянулась назад. Две темных фигуры бежали к ней. Подпустив их поближе, она спустила курок. Фигуры отскочили и залегли в канаве. Таня ползла по земле и, изредка оглядываясь, стреляла по направлению шевелящейся травы.

Где-то далеко затарахтела подвода. И чем ближе доносился ее стук, тем страшнее становилось. Кто это был — свои или чужие?

И только когда подвода подъехала совсем близко, Таня узнала ямщика и двух бойцов.

— Куда ушла? — встревоженно кричал боец. — Мы ведь только за овсом поехали!

Поздно ночью Таня приехала домой. Стараясь не шуметь, я угощал ее топленым молоком, а она рассказывала, как ее подкарауливали кулаки.

— Я не растерялась, — говорила она. — Но все же было очень страшно. Уж очень глупо так умирать. Бестолковая смерть.

— А разве есть смерть толковая? — удивился я.

— Конечно, — усмехнулась она. — Я бы хотела умереть так, чтобы от этого польза была. А глупо — всякий может.

Я с некоторым сомнением смотрел на нее. И только гораздо позже я понял, о чем она говорила.

★

Летом восемнадцатого года белые сформировали отряды и начали наступление. Красная армия тогда еще не имела достаточного количества оружия и снаряжения, не имела крепкого командного состава.

Осень установилась холодная, с ветрами. Уже давно белые заняли Екатеринодар, за ним Армавир, и совсем близко от станицы шли бои с генералом Покровским. 11-я Красная армия отступала к Невинке, часть — к Ставрополю, где шли непрерывные, жестокие бои. Вспыхнул сыпной тиф. Он косил бойцов, оголяя фронт.

★

Мы оставили станицу после горячего боя. Отступали в сумерках. Подымая по улице пыль, цокали копытами лошади, тарахтели колеса подвод с имуществом и продуктами. Длинной вереницей растянулся отступающий обоз с женщинами, стариками и ребятишками.

Прикрывая обоз и отстреливаясь, мы медленно продвигались к дому, где на базу дожидались оседланные лошади.

Таня забежала домой, поцеловала мать, сестренку и обняла отца. Он крепко прижал ее к груди и взволнованно, торопливо говорил:

— Если с вами случится что, очень мне тяжело будет. А если с дороги свихнетесь — еще хуже.

Вблизи застучал пулемет. Таня оторвалась от отца и бросилась на баз. Ловко вскочив на коня, она хлестнула его плеткой и махнула рукой стоящим в дверях старикам.

★

С большими боями армия отступала к Невинке. Тыла не было: всюду шли бои. Станицы горели в борьбе.

Мы редко виделись с Таней: меня перебросили в другой отряд, брата Григория направили в соседнюю часть. Я старался через ребят узнать о сестре, которая находилась при штабе, но это не всегда удавалось.

Таню я увидел только в Невинке. Это было во время измены главнокомандующего Сорокина. После митинга я заехал в штаб.

Таня приехала туда только поздно ночью. Она вся посинела и никак не могла согреться.

— Весь день сегодня на собраниях выступала. Голос сорвала, — хрипло говорила она. — Какое большое преступление! Сорокин расстрелял лучших партийных товарищей. Разве кому-нибудь приходило в голову, что он изменит?

Я уговорил ее прилечь в соседней со штабом комнате и, хорошенько закутав, напоил горячим кофе.

Она немного отошла, согрелась и, блестя глазами, уверенно сказала:

— Из Москвы сообщение получено. К нам выслали целую группу красных командиров. Они через Царицын пробираются. Заменят старых офицеров, наладят дело, и мы опять пойдем в наступление.

— А ты думаешь, у нас достаточно сил, чтобы победить?

— Уверена ли я? Ну, конечно! Пускай отдельные поражения, неудачи — это временно: мы, конечно, еще пойдем в наступление. Армия сейчас перестраивается, накопляет силы, а потом сам увидишь, что будет.

Таня волновалась за младшего брата — Григория:

— Ты, Николай, съезди к нему, ведь он же мальчишка. Сдуру и в плен попадет. Видела я, как он в бою держится. Надо спокойно, а он прямо на белых рвется. Зачем свою голову даром отдавать? Никому это не нужно.

Я обещал навестить брата и поздно ночью уехал в часть.

★

Через несколько дней, как и говорила Таня, по всему фронту началось наступление.

Перед самым выходом из станицы я заехал навестить сестру. У дома, запрягая лошадь в телегу, возился брат Григорий.

— Ты зачем здесь? — удивился я. — Почему не в части?

— Да я тут уж второй день. Ты разве не слыхал, что Таня заболела? Из штаба меня вызвали за ней ухаживать. Доктор утром был, говорит — тиф. Я ее все в больницу уговаривал лечь — не хочет. Теперь велела лошадь запрячь.

— Да куда же ей ехать? — удивился я и прошел в дом.

Таня лежала на той же самой койке, на которую я уложил ее несколько дней тому назад. Она поспешно передавала какие-то бумаги молодому парню и рассказывала, что надо делать. Увидев меня, она чуть заметно улыбнулась и провела ладонью по лбу.

— Что же ты это, Танюша, так скандалишь? Не время сейчас, — попробовал пошутить я. — В больницу надо, сестренка. Ну, какое же тут лечение?

Она привстала, по щекам разлился яркий румянец. Я никогда не слыхал у нее такого раздраженного тона:

— Что вы все заладили одно и то же: в больницу, в больницу... Не пойду я туда.

— Да ведь ты никогда не поправишься, если за войсками будешь метаться.

Она вдруг показалась мне совсем маленькой и слабой. Лицо сморщилось, на лоб набежали морщинки, и, пряча увлажненные глаза, Таня тихо и взволнованно сказала:

— Не могу я оторваться от своих. От тоски тут одна умру. Да ты не бойся, все будет хорошо, Гриша сейчас со мной. Товарищи подводу дали. Поедем в обозе, торопиться не будем, — уговаривала она меня, и впервые за всю жизнь я почувствовал себя старше и сильнее ее.

Зачем я тогда не настоял на своем и не задержал ее в Невинке?

★

С победными боями мы продвигались вперед, по тому самому пути, по которому еще недавно отступали.

В начале ноября мы заняли село Козьминское, в двадцати верстах от станицы Попутной. Отряд на короткое время задержался на отдых. Часа два я обходил дома, чтобы узнать, где остановилась Таня с братом.

Один из бойцов указал мне небольшой домик в середине села. Не стучась, я открыл дверь. В лицо ударил спертый воздух. Я сразу увидел Таню. Она сильно изменилась, на бледном лице ярко выделялись огромные темные глаза.

Около кровати возилась какая-то женщина, подавая пить и оправляя одеяло.

Я видел худую, бледную руку с длинными, слегка дрожащими пальцами.

— Как дела там, на фронте? — чуть слышно спросила она.

— Хорошо, Танюша, видишь, как их гоним. Дом под боком. Дня через два и стариков наших увидим. Ты вот только поправляйся.

Она тяжело вздохнула и перевела взгляд в сторону.

Таня лежала молча и, казалось, не слушала меня. Откуда-то издалека донеслись звуки горна.

— Пора? — встрепенулась она.

Все громче и громче играл сбор трубач.

Я нагнулся к сестренке и поцеловал ее в горячий лоб. Она взяла мою руку и неожиданно крепко пожала ее.

На пороге я обернулся и увидел тревожный, тоскующий взгляд. Мне хотелось броситься к сестренке, взять, унести ее отсюда, уберечь от чего-то страшного, что огромным камнем давило мне сердце.

По улице уже скакали всадники. Я вышел наружу и прикрыл дверь. Разве я мог предполагать, что это была наша последняя встреча с Таней?

А через день случилось то, чего никто не ожидал.

Мы уже подходили к Попутной, когда, залетев в тыл, белые ворвались в Козьминки и заняли их. Наша часть стала спешно отступать к Невинномысской.

И только через год я узнал все, что случилось с Таней.

На другой день после моего отъезда брат решил к вечеру выехать в Невинку за фуражом. Кругом было спокойно, около Тани возилась хозяйка.

Поздно ночью Григорий с мешком овса подъезжал к Козьминкам. Ночь была темная, ветер поднял порошу, и плохо было видно, что делается впереди.

Он въехал уже в село, когда неожиданно раздалась стрельба. А затем навстречу понеслись повозки, подводы, тачанки, побежали с криком люди. Кто-то бежал в одном белье. Со всех сторон кричали бойцы и ошалело стреляли в сторону центра.

Григорий не растерялся, хлестнул лошадей. До дома, где лежала Таня, остался один квартал.

— Куда гонишь? — кричали ему вслед обозники. — Белая кавалерия все село заняла!

Обоз уже мчался в несколько рядов.

В первую минуту Григорий не мог понять, что случилось. Он вылетел на землю, подвода перевернулась, и, запутавшись в постромках, бились лошади. Его сбили отступающие подводы.

По улице уже свистели пули, совсем рядом тарахтел ручник.

Тогда, обрезав постромки, Григорий вскочил на коня и погнал его вслед за отступающими в панике людьми.

И только когда выехал из села, ясно понял: Таня осталась там, в руках у белых...

*

К вечеру, когда Григорий выехал в Невинку, у Тани поднялась температура. Она металась на постели, с жадностью пила воду и впадала в забытье, тонким, жалобным голосом звала отца, мать, меня и Гришу. Ее мучили страшные кошмары.

Иногда она приходила в себя, слегка приподнимала от подушки голову и тревожно прислушивалась к завыванию ветра.

— Гриши нет? Что ж он не приехал? — испуганно оглядывала она хозяйку, чужую комнату и маленький коптящий коганец.

Поздно ночью она открыла глаза и долго всматривалась в сморщенное лицо хозяйки.

Когда в селе раздалась перестрелка, Таня вскочила с кровати.

— Кто это там? — спросила она. — Брат приехал?

— Не видать еще, — ответила хозяйка.

Таня откинулась назад, прикрыла глаза ладонью. Лицо ее было мертвенно-бледно.

На дворе затопали лошадиные копыта. Хозяйка бросилась в сени. На улице разгорелась стрельба, откуда-то доносился испуганный крик.

А когда она вернулась в комнату, больная без памяти лежала у окна. Видимо, она пыталась выбраться наружу.

И уже позже, придя в себя, Таня снова заметалась:

— Пропала я теперь. Не выбраться мне отсюда.

Послышались мужские голоса, и кто-то громко и настойчиво застучал в дверь.

«Мне до боли тяжело вспоминать все это, но я хочу, чтобы наша молодежь узнала о героях, научилась, как надо бороться и жить и, если нужно, достойно умереть как большевику».

«Много нас, ее учеников, уже работает в промышленности, в сельском хозяйстве».

(Из письма бывшего ученика Татьяны Соломахи Григория Половинко.)

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Я уже второй год учился в школе, когда к нам прислали новую учительницу. Мы, ребятишки, с любопытством разглядывали Татьяну Григорьевну. Была она стройная, высокая, с длинной кудрявой косой, и нам казалось, что она только немного старше нас.

Кто-то из ребят сказал:

— Ну, такую можно и не слушаться. Теперь на уроке что хочешь, то и делай.

Быстрой, легкой походкой вошла она в класс и, поглаживая по голове ребят, расспрашивала о том, что мы проходили без нее.

С задней скамьи кто-то громко свистнул. Учительница обернулась назад и так посмотрела на мальчика, что мы поняли: она никому не позволит хулиганить. А потом она уселась у стола, мы сгрудились вокруг нее и слушали ее рассказы. Никто не говорил с нами так просто, интересно и хорошо, как она.

А на перемене Татьяна Григорьевна играла с нами в лапту и окончательно покорила ребят.

Каждое утро мы всем классом выходили к мосту и, как только на дороге показывалась высокая фигура учительницы, вперегонку бежали к ней. Каждому хотелось первому добежать до Татьяны Григорьевны, схватить ее за руку, итти рядом с ней.

Она знала, как живет каждый школьник, и часто ходила по домам и беседовала с родными.

Одно меня сильно смущало. К отцу иногда по ночам собирались какие-то люди, о чем-то разговаривали до рассвета и затем тихо расходились по домам. Среди них была одна женщина, и я страшно испугался, когда однажды в ней узнал нашу учительницу. О чем она говорила — я не знал, так как в эти ночи мать стелила мне постель на кухне.

Может быть, она рассказывала о школьниках или жаловалась на меня отцу, чего я боялся больше всего, так как знал его строгость.

Я решил обязательно узнать, о чем говорили эти люди по ночам.

Однажды, когда мать постелила мне на кухне, я быстро улегся и притворился заснувшим. Слышно было, как мать возилась в комнате, затем она вышла во двор. Я вскочил с кровати и подбежал к окну. Мать стояла у ворот, точно сторожила кого-то.

Я положил к себе на постель шубу, сверху прикрыл ее одеялом и на цыпочках пробежал в комнату отца. Там еще никого не было. На дворе скрипнула калитка. Я бросился под кровать и, затаив дыхание, прижался к стене.

Как у меня билось и замирало сердце! Я не обращал внимания на входивших мужчин. Наконец послышался веселый знакомый голос. Начиналось самое страшное. Я вспоминал все свои грехи, плохие отметки, и у меня тоскливо сжималось сердце и дрожали ноги.

Как будто издалека я слышал, как отец предлагал избрать председателя и секретаря. А затем чей-то незнакомый голос отчетливо сказал:

— По первому вопросу — о вооруженном восстании — предоставляется слово Татьяне Соломахе, делегату первой областной партийной конференции большевиков.

Я замер. Сердце заколотилось так, что было трудно дышать. В полной тишине учительница начала свой доклад. Я тогда не понял всего, о чем говорила она, и только позже, когда отец вернулся из Красной армии домой, он подробно объяснил мне все.

Она говорила, что единственное средство борьбы с буржуазией— это вооруженное восстание и взятие власти у Временного правительства. Она рассказывала о том, что в Москве и Петрограде уже пролилась рабочая кровь за советы и что теперь очередь наступила и для нас. Она настаивала на немедленной организации Красной гвардии и много рассказывала о коммунистической партии.

Я не помню всего, но никогда еще в школе я не слыхал, чтобы учительница говорила так убедительно и горячо.

Мне было так радостно и хорошо, что я хотел закричать, запеть, но, боясь, что меня найдут, я продолжал молча лежать.

Вскоре после этого собрания произошло то, о чем говорила учительница. Каждый день в станице шли митинги и собрания. Мы, ребятишки, обычно торчали у трибуны и слушали все, о чем говорила Татьяна Григорьевна. Нам нравилось, что у нее сбоку висел маленький черный револьвер, и, когда на соседние станицы налетали белые банды, она уходила вместе с отрядом выгонять кадетов.

Мы создавали целые легенды о нашей учительнице, и нам казалось, что во всем свете нельзя найти такой удивительной и храброй, как она.

★

Я не помню, когда из станицы ушли наши и пришли белые. Сильный недуг отбил у меня память.

Как страшно и одиноко было дома без отца, особенно по ночам. Белые ходили из дома в дом, арестовывали и уводили куда-то людей, разоряли хозяйства. На столбах у площади долго висели мертвецы.

Станичники сторонились друг друга, боясь доноса. Офицеры уводили из дома всякого, кто высказывал хоть небольшое сочувствие большевикам.

*

Как-то поздно вечером из Козьминок под усиленным конвоем белые привели пленных красногвардейцев. Говорили, что среди них находится одна женщина, но ее никто не мог разглядеть, так как всадники близко к арестованным не подпускали.

Подводы проехали всю станицу, а потом свернули на пригорок, где над Урупом примостилось старое здание станичного управления, занятое тюрьмой. Оно было тесное и маленькое, и круглые сутки около него виднелся часовой.

Мы, ребятишки, собрались в школу. Утро было ясное и солнечное; под ногами хрустели лужицы, затянутые ледком.

Мы бегали взапуски, играли в пятнашки, когда дверь из школы отворилась и на пороге показалась сторожиха. Лицо у нее было красное, опухшее, и сердито смотрели обычно добрые глаза.

— Бесстыдники! — крикнула старуха. — Нет у вас ни совести, ни жалости! Вы тут гоняете, а учительница, наша голубынька, в тюрьме заперта!

Не сговариваясь, мы всем классом бросились к станичному управлению.

Я вспомнил, как на рассвете за станицей раздавались выстрелы: это расстреливали пленных. И от одной мысли, что и с учительницей могут сделать то же самое, я почувствовал подступающие к горлу слезы.

Вся площадь перед станичным управлением была полна народу. Около самого здания на бревнах сидели старики, разговаривая и посмеиваясь. Рядом с ними стояли военные с нагайками. В задних рядах боязливо столпились иногородние и казачья беднота.

Вся площадь говорила о том, что поймали учительницу. Старики обсуждали это с радостью, молодежь угрюмо молчала, богатые казачки ругали комиссаршу и ожидали прихода атамана.

Он пришел не один, а с бывшим нашим учителем Калиной, который с первых же дней, как белые заняли станицу, надел офицерские погоны и сбоку на груди привесил георгиевскую медаль. Высокий и плотный, он шел около атамана и оглядывал толпу, небрежно ударяя по щегольскому сапогу стэком.

Я с ненавистью посмотрел на него. Сколько раз, когда в станице были наши, он забегал к отцу и говорил, что первым поступит в отряд, когда белые подойдут к станице. Сколько раз я видел его около трибуны, когда горячо выступала учительница, и тогда у него было другое лицо — заискивающее и покорное.

Толпа сразу притихла, старики соскочили с бревен и, сняв папахи, низко кланялись.

Охрана взяла на караул.

Начальник тюрьмы подбежал к атаману, взял под козырек и о чем-то докладывал ему.

Немного погодя я услыхал громкий голос Калины:

— Ну-ка, выводи комиссаршу. Мы с ней поговорим о земле, свободе и власти.

Я с трепетом смотрел на дверь. И вдруг мне страшной показалась толпа, дряблое лицо атамана с торчащими кверху усами и насмешливый взгляд Калины.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге показалась учительница.

Рядом кто-то громко ахнул, сзади пробежал изумленный шопот. А я не спускал взгляда с дорогого, милого лица; было страшно оттого, что оно так сильно изменилось и похудело. Бледные щеки впали, лицо стало длинным и узким, пропал румянец и ласковая улыбка.

Темное разорванное платье свисало клочьями, и казалось, что учительница еле держится на ногах.

Громкий крик, хохот, брань нарушили тишину. Учительница сделала несколько шагов вперед и удивленно оглядела толпу. И вдруг она заметила своих учеников. Она внимательно оглядывала нас, точно хотела понять — кто же мы. И по обычной нашей привычке, которая установилась издавна при встрече с учительницей, мы подняли в знак приветствия руки. Учительница чуть заметно улыбнулась, только уголками губ, и тоже подняла руку.

Слезы застилали мне глаза, лились по щекам. Хотелось подбежать к учительнице, защитить ее.

— А ну-ка, комиссарша, расскажи теперь сходу, чему ты детей учила, — подступал к ней Калина, размахивая стэком, и я только сейчас заметил по его возбужденному лицу и походке, что он пьян.— Может быть, как людей грабить, как хлеб из-под земли выкапывать да денежки к себе в карман класть?

Учительница свысока, спокойно смотрела на офицера, а я боялся, что он заденет ее по голове стэком, окружающие его казаки бросятся на девушку, задушат, разорвут на куски.

— Что же у тебя лицо такое? — снова кривлялся офицер. — На большевистских хлебах, видно, не больно сладко? Или ты, может быть, уже забыла о них? Будешь служить теперь нам?

— Большевики не бывают предателями, — неожиданно громко пролетел по площади знакомый звонкий голос.

— Учительство позоришь, — шагнул к ней Калина, размахивая кулаками, и вдруг развернулся и наотмашь ударил девушку по лицу.

Она пошатнулась и упала на землю.

Несколько казаков бросилось к ней, в воздухе засвистел шомпол, и сквозь рассеченное платье показалась кровь.

Учительница лежала молча.

Люди били возбужденно, с ожесточением, и каждый удар гулко отдавался в мозгу.

Где-то сзади закричала баба. Несколько человек растерянно заметалось.

Затыкая уши, я сорвался с места и, ничего не видя перед собой от брызнувших слез, побежал, не сознавая, куда, — прочь от тюрьмы.

★

Через несколько дней мы с ребятами снова побежали навестить Татьяну Григорьевну. Мы не знали, как помочь ей, но каждому хотелось пробраться в тюрьму, как-то выразить нашу любовь и сказать ей, что она не одна и что мы постараемся отомстить тем, кто посмел издеваться над ней.

Но перед тюрьмой снова шла порка.

Избитую, окровавленную учительницу подняли с земли и поставили у стены дома.

Она еле держалась на ногах. И опять меня поразило ее спокойное лицо. Я искал в нем страх, мольбу о пощаде, но видел только широко открытые глаза, пристально оглядывающие толпу. Вдруг она подняла руку и громко, отчетливо сказала:

— Вы можете сколько угодно пороть меня, вы можете убить меня, но советы не умерли. Советы живы. Они вернутся к нам.

Рябой, небольшого роста, с бельмом на правом глазу урядник Козлика со всего размаха ударил учительницу шомполом по плечу и рассек платье. А потом люди бросились на Татьяну Григорьевну, крики смешивались со свистом шомполов и глухими ударами. Пьяная орда навалилась на беззащитное тело, била ногами, руками, прикладами.

Когда учительницу подняли, все лицо ее было залито кровью. Она медленно вытирала бегущую по щекам кровь. Мы подняли руки, замахали ими в воздухе, но Татьяна Григорьевна не заметила нас.

— Не больно? — задыхаясь от усталости и отходя немного в сторону, спросил Козлика. — Я тебя еще заставлю милости просить.

Тяжело дыша, учительница двинулась к уряднику и вдруг резко бросила ему в лицо:

— А ты не жди. У вас просить я ничего не буду.

— Веди обратно, — приказал Козлика, и, когда стража подтолкнула учительницу к тюрьме, он со всего размаха ударил ее прикладом по спине. Она упала лицом в густую, липкую грязь. Кто-то кричал, заставляя ее встать, но она, повидимому, была без чувств. Тогда два казака схватили безжизненное тело за руки и волоком потащили к тюрьме.

Я весь дрожал от ненависти к белым.

Каждый вечер в течение двух с половиной недель я говорил себе, что больше никогда не пойду к тюрьме, и каждое утро я снова бежал туда.

Мы, ученики, собирались вместе. И в тот день, когда Татьяна Григорьевна замечала нас, мы плакали от бессилия и радовались оттого, что чувствовали себя ближе к ней.

Ее пороли всегда первой, и ни одного из мужчин не били так жестоко. Ей мстили за то, что она не кричала, не просила пощады, а смело оглядывала своих палачей. Ее били за то, что она — учительница, образованный человек — ушла к большевикам и до последней минуты оставалась с ними.

Наступала зима. Теперь Татьяну Григорьевну выводили на двор в одной рубашке. На худом, покрасневшем от мороза теле ярко выделялись синие кровоподтеки и красные полосы от шомполов. На спине — загнившие раны.

По ночам меня душили кошмары, я вскакивал с постели и будил мать.

— Мама! — испуганно шептал я. — Мама! Они ведь убьют ее. Надо же помочь ей. Надо спасти. Отчего ее никто не жалеет? Мама, что за звери кругом!

Мать снова укладывала меня и долго сидела рядом, гладя по голове.

— Молчи, сынок, молчи, — шопотом говорила она и украдкой вытирала слезы. — Жалеют, да что сделаешь? Разве скажешь? Убьют они, кто голос подымет.

Я долго безудержно плакал...

*

В серое вьюжное утро, торопливо семеня ногами, к тюрьме с узелком в руках подошла старуха — Наталья Семеновна, мать учительницы.

Арестованных еще не выводили на площадь, но ребята были уже на своих местах. Старуха нерешительно подошла к часовому и протянула ему какую-то бумагу. Не читая ее, часовой кивком головы направил мать к старшему — уряднику Козлике.

Она долго объясняла ему, что имеет письменное разрешение атамана пройти к дочери и перевязать ей раны.

Козлика сидел со скучающим видом, точно старуха говорила не с ним, и тонким хлыстом ударял по сапогу, как это делал Калина.

— Не пущу, — вдруг резко ответил он.

Старуха снова принялась уговаривать, протягивала бумагу с разрешением. Наконец урядник медленно поднялся и оглядел старуху с ног до головы.

— А ты чего же ко мне раньше не приходила? Или не видала, как твоя комиссарша у меня все зерно поотобрала, не слыхала, как в подводах его свозила? Так теперь, думаешь, меня жалость возьмет? Шкуру всю спущу ей, — горячился он, повышая голос. — Попомнит она Козлику. Нечего ей, бабка, раны перевя-

зывать, все равно новые будут. Решено ее повесить, — издевался он. — Да так, чтоб всем видно было. Вниз головой повесим.

Старуха охнула. Вдруг закричала:

— Изверги вы, проклятые! Пропасть бы вам всем!

Урядник повернулся к ней, схватил за плечи и, сильно тряхнув, отбросил старуху на землю. Она упала набок, платок сполз с головы, и по снегу рассыпались длинные седые пряди волос.

Козлика что-то крикнул. Двое казаков схватили мать за руки, двое навалились на ноги. Она билась по земле, извивалась, стараясь освободиться, но Козлика с размаху опустил на нее шомпол...

Вначале еще было видно, как судорожно откидывалась назад седая голова, а потом она поникла в снег. Серая юбка покрылась красными пятнами; они расходились все шире и шире.

Когда казаки встали и отошли в сторону, на земле застыла неподвижная старческая фигура: беспомощно торчали тонкие ноги в белых домотканных носках и мужских полусапожках.

— Померла? — испуганно спросил кто-то рядом с нами. — Мученица, святая.

— Отойдет, — поймал возглас Козлика. — Ничего, зато дочь повидает.

В это время скрипнула дверь, и на площадь вывели Татьяну Григорьевну.

Откуда — больная, измученная — брала она столько сил? На мертвенно-бледном лице выделялись огромные, горящие глаза. Все тело было в рваных ранах.

Люди напряженно застыли. Учительница заметила нас и быстро подняла руку вверх. Затем она оглянулась на Козлику, и мне показалось, что он слегка растерялся и, храбрясь и нервничая, крикнул Татьяне Григорьевне в лицо:

— Что, комиссарша, казачество у нас отнять захотела? Где же твои советы? Задрали хвосты и побежали? Всех дружков твоих поймали. А братьев в Моздоке повесили.

Учительница медленно оглянулась на него, переступая босыми ногами по снегу.

— Не торопись, — тихо сказала она. — Придут еще советы. Живы они. Сметут вас с лица земли. Только этих вот жаль, — указала она рукой на стоявших казаков-станичников. — Обманули вы их, белопогонники. Придет время — поймут они, что делали. А вам, белогвардейцам, пощады не будет.

Урядник подскочил к ней и медленно стал оттягивать прилипшую к телу рубаху. Струя крови побежала по ногам учительницы. Я видел, как от боли вспыхнули щеки у Татьяны Григорьевны, видел закушенные губы. И в этот самый момент она заметила лежавшую лицом в снег старуху.

— Мама! — закричала она, и от этого крика холодная волна пробежала по всему телу.

Учительница бросилась к матери, но ее обхватили, отталкивая от лежащей.

— Пропустите попрощаться! — крикнул подошедший атаман.

Казаки отпустили руки, и учительница бросилась к матери. Она упала перед ней на колени и, охватив голову старухи, приподняла ее и мелкими, быстрыми поцелуями покрывала окровавленное лицо.

— Мама!.. И тебя тоже, мама! — тихо, взволнованно повторяла она.

— Довольно! Прекратить! — снова раздался голос атамана.

Учительницу оттащили в сторону.

— Звери вы! — громко крикнула она уряднику. — Все равно вас сметут! Гадины!

Как ее били после этого!

— Хватит, а то забьете до смерти. А мы еще заставим комиссаршу на допросах говорить, — снова раздался голос атамана.

А когда учительницу волоком потащили к тюрьме, по снегу пополз за ней кровавый след.

«Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной сидят трое моих детей и спрашивают, отчего я плачу:

— Ведь тетя Таня завоевала нам свободную жизнь. Почему же ты плачешь?»

(Из письма Раисы Соломахи, сестры Тани.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Мне было тринадцать лет, когда красные отступили от нашей станицы. И вместе с ними ушли Таня и двое моих братьев— Григорий и Николай.

Сколько ночей до рассвета мы просидели в своей комнате с отцом и матерью и, слушая, как завывает в трубе ветер, плакали о тех, кто ушел!

Даже днем на улицу было страшно выходить. Ветер качал на столбах трупы повешенных станичников с большими остекленевшими глазами и синими распухшими лицами.

Кругом стоял плач и стон: белые жгли дома казаков и иногородних, которые ушли с Красной армией, выгоняли сирот на улицу, и босые, раздетые ребятишки в стужу ютились около обгоревших развалин.

А за станицей, на полях, ветер шелестел неубранной кукурузой и потемневшими подсолнухами, и гнили, охваченные морозом, картофель, бураки и бахчи.

Рыскали за буграми голодные, одичавшие собаки, находили трупы станичников и пленных красноармейцев, которых белые не позволяли хоронить, и, рыча и огрызаясь, рвали на части застывшее человеческое мясо.

Меня нельзя было удержать дома. Я целыми днями бегала по станице, а к вечеру приходила домой и рассказывала отцу о том, что видела. Мне хотелось плакать, слезы подступали к горлу, но я сдерживалась при больном.

Мы вместе с матерью ухаживали за ним и старались как-нибудь отвлечь его мысли от Тани.

... Я видела, как белые привезли больную, измученную Таню. Я видела, как ее пороли.

Дрожа от ужаса, я вглядывалась в родное, милое лицо и прислушивалась к ударам плетей. Мне хотелось броситься к Тане, защитить ее от ударов, быть около нее, как-то помочь ей.

Только через неделю мне удалось пробраться в тюрьму.

Каждый день на рассвете мать будила меня, давала завязанную в тряпку посуду с едой и совала за кацавейку бутылку с аракой.

Иногда по дороге меня останавливали женщины и, оглядываясь, украдкой давали мне какой-нибудь гостинец для Тани.

Когда около часового никого не было, я поспешно совала ему в руки бутылку. Он торопливо открывал дверь и, как котенка, сталкивал меня в помещение. Я с размаху падала на цементный пол, стараясь сохранить еду, которую посылала мать.

Спертый, кислый воздух ударял в лицо.

Люди с ужасом оглядывались на скрип двери. Каждый ждал, что пришли за ним. По ночам белые целыми партиями уводили куда-то арестованных, а наутро тюрьма наполнялась новым народом. Каждый ждал своей очереди днем и ночью.

Тюрьма была тесное, маленькое каменное помещение, доотказа набитое арестованными. На холодном полу лежали больные, а здоровые не имели места для того, чтобы прилечь.

Я всегда с ужасом всматривалась при свете маленького коганца в темные, засохшие пятна на стене, и мне казалось, что там тоже была и танина кровь.

Я осторожно пробиралась между лежащими и усаживалась около Тани. В первые минуты я не могла разговаривать и только молча гладила худые, с голубыми прожилками руки. Таня тормошила меня и старалась развлечь шуткой.

Иногда она показывала свои раны и рассказывала, как на допросах издевался и бил ее дулом револьвера офицер Михайлец.

Я часто просила ее, чтобы она не грубила белым:

— Если так будешь, убьют они тебя. Не надо, сестренка.

— Все равно убьют, Раечка, — усмехалась она. — Не оставят они меня в живых. Я хочу, чтобы они увидели, как умеют умирать большевики.

Заметив дрожащие губы и полные слез глаза, она трепала меня ладонью по волосам и старалась успокоить:

— Ничего, девочка, не так это страшно. Вот глупо я в плен попала — это да. Надо было послушаться Николая и не плестись за армией. Тогда бы все иначе сложилось.

Она часто расспрашивала меня о больном отце, о матери, наказывала получше ухаживать за ними и просила, чтобы они не волновались за нее:

— Так я спокойнее буду.

Как хорошо к Тане относились арестованные! Как они прислушивались к каждому ее слову! Они старались поудобнее устроить Таню на холодном полу, подкладывая под нее свою одежду и тряпки.

— Не надо, ребята, — говорила она. — Ведь у вас же самих ничего нет. А мне и так лежать неплохо.

Но они все же настаивали на своем и осторожно, боясь прикоснуться к израненному телу сестренки, каждый день перестилали ей подстилку.

Иногда она собирала их около себя и долго рассказывала о партии, о борьбе с белыми, о Москве, о Ленине:

— Советы временно отступили, они крепки, скоро вернутся, и тогда будет новая, прекрасная жизнь. Нас могут убить белые, товарищи, к этому надо быть готовыми. Но дело наше не умрет. Надо только стойко переносить все пытки, чтобы весь народ увидел, что мы сильны, что нас сломить нельзя.

Я не понимала, почему, когда Таня говорила о смерти, товарищи становились спокойнее. Может быть, она заражала их тем, что горело в ее душе, заражала своей силой и выдержкой.

Ведь среди них не было больше женщин.

Часовой часто стучал прикладом в дверь, приказывая замолчать. Но Таня не обращала на него внимания.

Я ее иногда страшно ревновала к товарищам. Я хотела, чтобы она была только со мной, чтобы ее слова были только для меня, и я чувствовала обиду оттого, что она не отдавала мне всего своего времени.

И только уже гораздо позже я поняла: Таня обрабатывала каждую новую группу арестованных, уговаривала каждого товарища стойко и крепко держаться во время порок.

Поздно вечером я подходила к дому с мыслью о том, не случилось ли чего с родителями.

Отец выходил из своего угла, с трудом волоча больную ногу, и, присаживаясь около стола, подробно расспрашивал меня, как Таня держит себя во время порки. Отец взволнованно слушал, и я чувствовала, что он гордится такой дочерью, как Таня.

Потом он долго молча сидел, и я с болью смотрела на седую, непрестанно качающуюся голову.

Однажды вечером, выслушав меня, он позвал мать и тихо, не глядя на нас, сказал:

— Если с Таней что-нибудь случится — не надо плакать. Мы не должны им показывать своих слез. Пускай не радуются. Таня не хотела бы этого.

А по ночам я слышала, как на кровати ворочался отец. Скрывая от нас горе, он потихоньку до утра плакал.

Последний день я провела с Таней до поздней ночи.

Когда я присела около нее, меня испугало непривычно строгое лицо и плотно сжатые губы. Таня лежала с закрытыми глазами. Я смотрела на покрытые гнойными струпьями распухшие ноги, на огромные синяки под глазами и рассеченную, припухшую губу.

Таня вдруг застонала, заметалась и, привскочив, широко открыла глаза. И теперь в них не было обычной теплоты и ласки.

Она с ужасом оглядывала темные, сырые стены и вдруг, точно поняв, где она и что с ней, тяжело вздохнула и опустила голову на подстилку.

В первый и последний раз в жизни я увидела в ее глазах безграничную тоску и только теперь совершенно ясно поняла, как горячо и безудержно хотелось Тане жить.

Заметив меня, она необычайно обрадовалась и, крепко схватив мои пальцы, приложила их к горячему лбу.

Ей, видимо, было невыносимо тяжело.

Сквозь разорванное платье я видела грудь, ноги и все тело Тани в кровоподтеках и ранах. Многие были глубокими. Они, должно быть, сильно мучили ее.

Я вытащила захваченный из дома бинт и хотела перевязать раны.

Таня открыла глаза, чуть заметно улыбнулась и слабо закачала головой.

— Не надо, — тихо сказала она. — Теперь уже бесполезно, — и вдруг, схватив край рубахи, резко дернула его — хлынула яркая струя крови.

Таня глухо застонала.

Я не спускала взгляда с бледного лица.

— Зачем ты себя мучаешь? — вырвалось у меня.

Она прислушивалась к шуму в коридоре. Мне показались отдаленные шаги.

— Лучше сама, — торопливо сказала она, и в голосе ее послышалась тревога. — Они отрывают нарочно медленно. Быстрей рвать легче...

Топот приближался по коридору. Таня быстро повернулась ко мне:

— Лезь скорей под нары, а то заметят тебя здесь. Это за мной.

Я еле успела спрятаться.

Чей-то резкий голос стал выкрикивать фамилии. Среди вызванных была Таня.

Ее под руки вытащили из камеры.

Тут же за дверьми, в коридоре, началась порка товарищей; звякали шпоры — повидимому, били ногами.

Я заткнула пальцами уши, судорога сдавила горло.

Скрип двери привел в себя. Что-то тяжелое прогрохотало по ступенькам лестницы. Кто-то громко, истерически заплакал. Я не выдержала и выскочила из-под нар.

На полу, разметав руки, неподвижно лежала Таня. Я бросилась к ней, трясла ее за плечи, подымала голову, чувствовала на ладонях горячую, липкую кровь и с ужасом всматривалась в мертвенно-бледное лицо.

Несколько человек бросилось к Тане. Я видела кругом испуганные лица, дрожащие пальцы, и мне показалось, что уже все кончено.

Таня вдруг тяжело вздохнула и открыла глаза. Осторожно, точно маленького ребенка, товарищи подняли ее на руки и бережно положили на место.

Я уселась около нее и стала прикладывать ко лбу холодную, мокрую тряпку.

Надо было взять себя в руки, чтобы как-то облегчить тяжелое состояние Тани.

Когда она открыла глаза, серые сумерки вползли в камеру сквозь узкое, маленькое окно.

Кто-то из товарищей зажег коганец, и темная струйка копоти заметалась, подымаясь к потолку.

Мы долго молчали. Таня о чем-то сосредоточенно думала. Я прилегла рядом с ней и, прижимаясь, старалась ее согреть.

Она снова спрашивала об отце, об избитой матери, о том, что не разрушили ли белые хозяйство.

— А о братьях ничего не слышно? Волнуюсь я за них. Живы ли? — тяжело вздохнула она и крепко сжала мою руку.

— Вот что, сестреночка, — снова начала Таня немного погодя; я почувствовала необычайно серьезные нотки в ее голосе — так она еще со мной никогда не говорила. — Хочется мне сегодня поговорить с тобой как с большой, как с другом.

Волнение охватило меня; хотелось навсегда запомнить каждое слово, каждую фразу сестры.

— Я думаю, что сегодня ночью меня убьют, — тихо, так, чтобы не было слышно окружающим, сказала она.

— Зачем ты так говоришь? — перебила я ее. — Разве они могут убить такую больную, как ты? — убеждала я Таню, стараясь отогнать от себя страшную мысль. — Не может этого быть, Танюша. Напрасно ты об этом думаешь.

— Не надо волноваться, — гладила она меня ладонью по волосам. — Может быть, мы с тобой сегодня в последний раз разговариваем. А мне так много хочется сказать. Как бы мне хотелось увидеть то, что будет потом, когда мы победим. И мне грустно оттого, что я не могу этого сделать. Но помни, Рая, что смерть, которую мне готовят, — это почетная смерть.

Я смотрела на пламя коганца, и мне казалось, что оно так же билось и металось, как Таня.

— Скоро придут наши... красные... Я не увижу братьев. Расскажи им подробно все, что ты видела здесь. Пусть они передадут всем, как меня пытали, как мучили и как я умерла. Я никого не предала и до конца осталась верным членом партии. И пусть

братья знают, что я их очень сильно любила. Пусть крепко помнят мои заветы и так же до конца будут преданы партии.

Сквозь застилающие глаза слезы я видела, как тяжело поднималась ее грудь и сдвинулись темные тонкие брови.

Она молча лежала, стараясь успокоиться. Мне показалось, что ее голос дрожал, когда она говорила со мной.

Неожиданно она прижала меня к себе, заглянула в глаза.

— Рая, скрой от отца, — поспешно шептала она, — не говори ему, пока братья не придут. Пожалей его. Не выдержит он. Умрет.

Я разрыдалась, только теперь почувствовала, что у нее остались последние часы жизни. С материнской нежностью она обнимала, ласкала, целовала меня и даже шутила — больная, вся в ранах.

Я чувствовала ее поцелуи у себя на лице, на груди, на руках, чувствовала ее горячее, сильное объятие.

На мокром цементном полу громко застонали, рядом кто-то сдержанно заплакал. В дверь постучал часовой.

Мы поняли, что мне надо уходить.

— Ты скажи нашим, что мне очень и очень легко, — торопливо говорила она. — Я счастлива так, как никогда.

Она снова погладила меня по волосам, взглянула в глаза и крепко поцеловала в губы.

Кто-то оторвал меня от Тани и вытолкнул в коридор.

А когда на другой день я пришла к тюрьме, часовой не впустил меня к Тане. Я плакала, просила, умоляла его.

— Да уйди ты, честью прошу, — уговаривал он меня, пряча в сторону взгляд. — Начальство пускать не велело.

Я не заметила, как сзади подошел Козлика.

— Нечего тебе тут околачиваться! — грубо крикнул он на меня. — В расход комиссаршу вывели.

Вот что я узнала о ее смерти.

На рассвете седьмого ноября казаки ввалились в тюрьму.

Все поняли, зачем они пришли.

Кто-то закричал, заплакал, кто-то забился на полу.

Таня вскочила сама.

— Тише! — крикнула она. — Не надо плакать! Вы не одни, товарищи! Мы вместе все пойдем!

А когда арестованных начали прикладами выгонять из камеры, Таня у двери обернулась назад к тем, кто оставался.

— Прощайте, товарищи! — раздался ее звонкий, спокойный голос. — Пусть эта кровь на стенах не пропадет даром. Скоро придут советы!

В раннее морозное утро белые за выгоном порубили восемнадцать товарищей. Последней была Таня.

У нее, еще живой, сначала отрубили руки, потом ноги и затем голову.

Верная своему слову, она не просила пощады у палачей.

Так могут умирать только большевики!

ПЕРВАЯ БОЛЬШЕВИЧКА ГОР[1]

Вера Тибилова выросла в горах Южной Осетии. Ее отец — бедняк-осетин — всю жизнь работал на других. С детства поняла Вера, что все, куда ни взглянешь, — и горы, покрытые тенистыми лесами, и долины с их садами, виноградниками и пашнями, и даже быстрые горные речки — все, к чему так привыкла Вера и что любила, принадлежало «сиятельным» князьям Грузии. Ни клочка земли, ни одного фруктового дерева не было для бедняка-осетина. И нужда заставила его вместе с семьей перебраться в Тифлис — там искать кусок хлеба. Но в городе было еще больше таких, как он, бедняков. Жизнь становилась все труднее и труднее.

Однажды вечером отец долго не приходил. Вера уже начала беспокоиться — не случилось ли что с ним. Она сидела у окна бедной своей каморки и ждала. Отец был единственным человеком, который заботился о всей семье. Далеко за полночь пришел отец. Он был чем-то озабочен. Подойдя к ней, он положил свою дрожащую морщинистую руку на плечо девушки и медленно заговорил.

В тишине голос отца звучал сдавленно и печально. Морщинистое лицо его вздрагивало, глаза смотрели поверх головы дочери. Вера не слышала его слов. Она поняла только одно: чтобы избавиться от нужды, отец выдает ее замуж. Воля отца — нерушимый закон. Дочь, не исполняющая его волю, не может называться дочерью. Но кроме закона была еще у Веры большая жалость к отцу. В старческих бесцветных глазах она видела надежду уйти от цепкой нужды.

Отец продал — обменял на хлеб Веру, когда ей исполнилось всего четырнадцать лет. Чужой человек не спросил Веру, хочет ли она быть его женой. Он просто, словно вещь, взял ее и привел в свой дом. Но замужество не облегчило положения семьи. Началась война. Она длилась долго-долго. У Веры родилась дочь. В это время с фронта стали возвращаться солдаты. Они заполнили город. От них Вера впервые услыхала о революции. Новые несчастья опять обрушились на голову Веры: в уличной перестрелке убили мужа, через несколько месяцев умерла дочь. К отцу тоже зашла беда. Он потерял работу. Жалкий и беспомощный, отец согнулся и высох еще больше. Вскоре он умер, и Вера осталась одна. А жизнь кругом бурлила все больше и больше. С шумных

---

[1] По материалам «Истории гражданской войны».

солдатских митингов, с беспокойных улиц все сильнее и настойчивее стали доноситься до нее непонятные вначале слова: большевики, советы.

Вера стала ходить на митинги. Она обыкновенно становилась поодаль и прислушивалась к словам ораторов.

После собрания она торопилась к подругам, знакомым горянкам, и передавала им все, что слышала на митинге.

Однажды она услышала радостную весть. Там, далеко за горами, рабочие победили. Они вырвали власть у богачей. Это была первая настоящая радость у женщины, видевшей в жизни только горе и нужду.

Город ожил, заволновался. Молодежь, старики, женщины собирались на митинги. Вера теперь уже не только слушала. Она сзывала женщин на митинг, сама стала выступать. Незаметно у нее оказалось много знакомых солдат; женщины, встречая ее на улицах, приветливо здоровались с ней.

Но, беседуя с солдатами, рассказывая женщинам о революции, Вера все больше и больше чувствовала, что у нее нехватает знаний. Тогда она набросилась на книги. Читала много. Скоро она смогла сдать экзамен на учительницу начальной школы. Теперь ее потянуло в горы. Ведь там совсем нет людей, которые бы могли разъяснять темным горцам смысл происходящих радостных и больших событий. Вера поехала в родные места — в аул Теречвани Южной Осетии.

Здесь первой из горянок Вера вступила в подпольную большевистскую организацию. Ее пылкие слова звучали среди молодежи и женщин. Вместе с листовками Вера разносила по соседним аулам горячий призыв готовиться к решительному бою с врагом.

А враг не дремал. В горах рыскали контрреволюционные отряды. Князья, муллы, богачи свинцом и виселицами усмиряли горцев, поднявшихся на великую борьбу.

Тревожные дни двадцатого года. Белые бандиты напали на аул. Засвистели шомпола и нагайки. Полилась кровь детей, женщин и стариков.

Отряд революционных горцев ушел в горы. С отрядом ушла и Вера. Она вместе с бедняками вела борьбу против белых.

Гулко гремели орудия. Белые, вооруженные пушками, пулеметами и ручными гранатами, теснили красных партизан.

В партизанском отряде не было ни пушек, ни пулеметов, хуже того — нехватало даже винтовок. Бойцы, окруженные с трех сторон белыми, отбивались камнями. Единственный путь к отступлению — узкое ущелье — грозил смертью. За выступом, у входа в ущелье, строчил вражеский пулемет.

Вера из-за камня видела, как падали партизаны, сраженные пулями белых. Пройдет час-другой — и от отряда не останется ни одного бойца. В ее разгоряченной голове неотступно билась мысль: «Надо что-то сделать. Иначе смерть отряду. Но что же сделать?..» Вера до крови кусала свои сухие губы и пристально

искала глазами уязвимое место в позиции врага. Пулеметная стрельба в ущелье привлекла ее напряженное внимание.

— Вот, вот! — радостно вскрикнула она и, припав к земле, ящерицей поползла к ущелью.

Острые камни царапали колени, руки, лицо. Кровь стекала с оцарапанной щеки. Вера ничего не чувствовала. С винтовкой в руке она ползла все выше, обрывалась и, стиснув зубы, снова ползла. Наконец она взобралась. Внизу, на склоне горы, виднелись ненавистные спины, погоны и затылки двух белых пулеметчиков.

Вера, прицелившись, выстрелила. Пулеметчик дернулся и застыл. Пулемет умолк.

Оставшийся в живых белогвардеец растерянно обернулся. Меткий выстрел уложил и его на месте. Вера бросилась к пулемету, сорвала с головы серый платок и что было силы крикнула:

— Товарищи!.. Сюда!

Партизаны перебегали к ущелью. Вера стояла у пулемета и победно махала платком. Белые открыли стрельбу.

— Падай... Убьют! — крикнул ей подбежавший партизан. Он повернул пулемет в сторону белых.

Вера качнулась. Тело ее вдруг налилось усталостью, перед глазами замелькали мушки. Она упала. Вражеская пуля пробила ей грудь. Кровь яркими пятнами покрыла платье.

Долго болела Вера.

В это время в Закавказье хозяйничали меньшевики. Оставаться здесь было опасно. Поэтому прямо из лазарета, в котором нелегально лежала Вера, после выздоровления она уехала во Владикавказ.

Явилась в комитет большевиков.

— Пошлите в горы. Буду добивать врага, — попросила она.

Работники комитета взглянули на впалые щеки Веры и ответили:

— На фронт ты, товарищ Тибилова, не пойдешь. Иди, подымай горянок. Участок большой, ответственный. Понадобится наша помощь — приходи: поможем.

В горах не смолкала стрельба. Партизаны добивали белых. Вера все время мысленно была с ними. Она стала работать среди горянок. Ингушские, осетинские, чеченские аулы помнят ее горячие речи и неутомимую энергию.

В одном ауле она организовала небольшой отряд медицинских сестер и обучала их, как могла, перевязкам. Отряд ушел в горы. Она переправляла партизанам чистое белье, пищу и вести из дому. Старые женщины стирали белье бойцам и заботливо ухаживали за их детьми.

В свободное время Вера созывала горянок. Тепло и понятно рассказывала она им о большевиках, о равном праве женщины с мужчиной, о новой жизни. Горянки слушали и одобрительно покачивали головами.

Заболел ли у горянки ребенок — Вера утешает мать и помогает ей выходить ребенка. Кончился хлеб у другой женщины — Вера доставала его и приносила горянке.

Женщины аулов шли к Вере поделиться своими сокровенными мыслями, шли за советом и помощью. Довольные, уходили от нее горянки, говоря между собой:

— Доброе сердце у нашей Веры...

Враг разбит. Гражданская война окончена. Страна приступила к восстановлению разрушенного хозяйства.

Веру Тибилову послали учиться.

Жадно взялась она за изучение книг великого Ленина. В книгах так много интересного и волнующего! В них Вера находит яркое объяснение причин векового рабства и угнетения народов царизмом и его палачами. Ей теперь понятно, почему закреплял царизм неравенство женщин. Перед глазами проходят картины из проклятой жизни отца. Гнет, нищета, бесправие.

Ночами Вера, отрывая часы у сна, пишет книгу о женщинах гор.

Учась, она держит тесную связь с горянками. На каникулы Вера возвращается в родной аул. И снова, как в годы гражданской войны, собирает женщин, делится с ними знаниями, призывает горянок участвовать в общественной жизни.

Горянки, как и прежде, внимательно слушают Веру, идут к ней за помощью и советом. И не одна женщина порывает с дикими обычаями прошлого.

Вера для женщин — наглядный пример.

Каждая горянка стремится быть такой же, как большевичка Вера.

В двадцать втором году собрался съезд горянок. Делегатки шумно и деловито заняли места. В зале торжественная тишина. Выборы в президиум нарушили тишину, всколыхнули горянок. С разных сторон зала делегатки дружно, с любовью выкрикивали:

— Веру Тибилову!..

— Большевичку Веру!..

— Тибилову-партизанку!..

Вера, волнуясь, поднялась в президиум, радостно окинула взором зал.

Красные повязки на головах горянок. Нет прежнего забитого вида, сутулости. Счастливые смуглые лица. Независимый, гордый взгляд говорил о том, что женщины гор освобождены навсегда, что никогда горянки больше не будут рабынями.

Теплая волна пробежала по телу Веры, кольнула ее сердце. Вера пошатнулась и упала на стул.

Горянки бросились к Тибиловой. Вера была неподвижна. Старая, мрачная жизнь, годы борьбы, ранение подорвали ее сердце. Оно не выдержало.

Делегатки плотной стеной окружили Тибилову — первую большевичку гор, которая отдала свою жизнь за счастье всех горянок.

Ж. БОЗИЕВА

ПАРТИЗАНКА

Записала и обработала Ида Брук

На левом берегу бурного Черека расположена Нижняя Балкария. В цветущей местности создан большой колхоз имени Настуева Юсуфа. В этом колхозе я сейчас живу и работаю.

Мне шестьдесят лет. Возраст не мешает мне работать бригадиршей лучшей женской бригады. Об этом говорят пять премий, которые я получила. Помимо колхоза я активный член культурно-массовой секции сельсовета.

Много прожила я, многое осталось позади.

Но никогда не забуду, как издевались князья над нами, бедняками гор. Двести лет проживу — не забуду.

Хорошо помню и дни большой борьбы. Поднялись бедняки. Поднялся народ против ненавистных князей.

Девятнадцатый год. Белый отряд Серебрякова стал пробираться в Балкарское ущелье.

Я надела большой темный платок на голову и, бросив последний, прощальный взгляд на свой дом, пошла вместе с мужем Ваймзой и сыном Маткиреем на борьбу за освобождение своего народа от рабства.

Оружия не было. Те, у кого были винтовки, пошли впереди — охранять ущелье. Их вел товарищ Настуев.

По приказанию Настуева остальные партизаны охраняли ущелье, где проходила дорога.

Партизаны собирали груды камней, чтобы в любую минуту сбросить их на дорогу, когда по ней двинутся кадеты.

Я не отставала от других. Я хорошо умела пробивать глубокие ямы в скалах вокруг дороги. В эти ямы я клала порох. В нужную минуту зажигали его. Скала взрывалась и обрушивалась на головы белобандитов.

С этого началась моя новая жизнь, связанная в один крепкий узел со всем партизанским движением Балкарии.

Белые подходили к Балкарскому ущелью. У них было все — пулеметы, винтовки, патроны. Враги были одеты в новые сапоги и хорошие шинели. Они не знали голода и холодных, замораживающих ночей Балкарского ущелья.

Белые наступали на аулы. Началась перестрелка. В первых рядах были Настуев и Нагеров. Я была с ними.

Белые оттесняли партизан в глубь ущелья. Товарищ Нагеров был убит. Меня ранили в правую руку. Я сорвала с головы большой темный платок и обмотала раненую руку.

У меня была сила, ненависть и здоровая рука. Я бросала левой рукой в белобандитов острые камни. Зажигала пороховые ямы в скалах, вызывая обвалы и взрывы. Белые думали, что взрывы — это выстрелы из пушек и что у нас их много.

Напуганные постоянными взрывами, враги торопливо отходили назад. Борьба за Балкарское ущелье продолжалась три месяца.

Вся беднота Балкарии помогала красным партизанам. Партизаны стойко держались, перенося все лишения борьбы в горах. Белые вызвали к себе большое подкрепление и после упорного боя взяли Балкарское ущелье.

Бедняки Балкарии, оставшиеся в живых, разбрелись по селениям. Настуев поднялся на самую высокую скалу и скрылся там. В селении нашлись предатели, которые донесли белым о том, где скрывается Настуев.

Красные партизаны, рассыпавшиеся по селению, узнав о грозящей Настуеву опасности, крадучись, пошли к нему, чтобы предупредить и спасти.

Итти было очень трудно. Князья и белогвардейцы из отряда Серебрякова следили за нами и по пятам следовали за Настуевым.

Я пошла одна в горы к Настуеву...

В течение суток по горам раздавались беспрерывные выстрелы. Это белые стреляли в партизан, идущих к Настуеву.

Бороться с белыми было тяжело. Они ловили партизан и жестоко расправлялись с ними, расстреливая и вешая на месте.

Они схватили Настуева, связали его и повели в дом князей Женьюковых. Бросив его туда, они заперли дверь и поставили усиленную охрану.

Все же белым не удалось всех арестовать.

Как спасти Настуева? Как вырвать его из когтей смерти? Голова вспухла от мыслей. Надумала. Собрала я всех женщин из бедноты селения и повела их к белым властям просить об освобождении Настуева.

Женщины, сняв платки, — что считалось знаком большого горя, — плакали и умоляли освободить Настуева. Но я ошиблась. У врага нельзя просить. Его надо уничтожать. Белые посмеялись над нами, разогнали и избили нас.

Ночью несмотря на усиленную охрану удалось устроить побег Настуева. Вместе с ним скрылась в горах и его семья.

Утром белобандиты разграбили аул и сожгли дома горцев.

Мой муж и сын тоже скрылись в горах. Я осталась одна в селении. Тяжелым, рабским трудом сохраняла свою жизнь и добывала хлеб для тех, кто находился в горах.

По ночам ко мне приходили с гор. Я передавала провизию, стирала и чинила белье партизан. Нередко и сама относила им пищу и белье и сообщала ценные сведения о планах белых.

Так вместе со своим мужем и сыном я, не отставая ни на шаг, шла на борьбу за счастье своего народа и, как я узнала позже, за счастье и хорошую жизнь всех тружеников.

В селении Нижняя Балкария все знают меня. Спросите, где живет Бозиева-Жалдусхан, — вам каждый укажет мой дом. Часто меня заставляют рассказывать о боях с белыми, о моем ранении. Я рассказываю. А вот в каком месте Балкарского ущелья зарылась пуля, которая пробила насквозь мою правую руку, — сказала бы, да не помню.

Вы спрашиваете, почему я держу в руке этот красный шелковый платок? Я сейчас размахивала им в воздухе, провожая лучших, передовых девушек нашего селения в конный пробег. Они, наши девушки — сильные, здоровые — строят и крепят замечательную новую молодую жизнь.

Я радуюсь их счастью и здоровью. Радуюсь тому, что недаром боролась и пролила свою кровь там, в горах.

Ж. ОЛЬМЕЗОВА

ЖЕНЩИНА ГОР

Записала и обработала Ида Брук

Крупные звезды блестят над снеговыми вершинами гор Кабардино-Балкарии. Быстро несутся узкие горные реки.

Любит Ольмезова Жузек узкие шумливые реки и высокие величественные горы. Много лет смотрит она на них и каждый раз видит в них что-нибудь новое.

Сегодня впервые за много лет Ольмезова проехала мимо гор, не посмотрев на них ни разу, даже не повернулась в их сторону. Молча сидит Жузек в машине, плотно сжав губы.

Радостно блестят глаза Жузек Ольмезовой. Ей исполнилось девяносто лет, но она чувствует, как замечательно хорошо жить.

Как много хочется сделать Жузек! Она работает в колхозе селения Верхний Хулам Черекского района. Ольмезова является лучшей бригадиршей в этом колхозе и самой старшей по возрасту ударницей всей Кабардино-Балкарии.

Крепкая, богатырски-здоровая женщина Жузек. Нет глубоких морщин на ее лице несмотря на то, что много ей пришлось пережить в годы гражданской войны. Вместе с мужем и сыном она дралась с белыми за свободную счастливую жизнь.

Сегодня Жузек рассказывает молодым и радостным колхозницам о своем прошлом...

«Много заработали князья Шакмановы на нашей семье. Шесть раз они продавали нашу семью другим князьям. Потом за бесценок покупали всю семью обратно и снова продавали ее. В промежутках между продажами нам приходилось работать, не зная ни одной

минуты отдыха. Князья заставляли мою семью ходить далеко в горы, рубить там высокие деревья и тащить их на себе вниз. Самую тяжелую работу наваливали они на своих рабов, жалея животных, но не заботясь о человеке.

В девятнадцатом году мой сын Жюнус забрал лошадей у князя Шакманова, раздал их бедным горцам и бежал с ними в горы, организовав партизанский отряд. Первый раз в жизни ко мне в дом пришли князья Шакмановы. Стали требовать у меня, чтобы я сообщила им, куда ушел сын. Ничего они у меня не узнали.

Однажды ночью Жюнус приполз домой и свалился без сознания. Он заболел оспой...

Князья Асланбек и Аслангери Шакмановы прискакали вслед за ним. Они стали стучать плетьми в окна, потом ворвались в дом, подняли больного Жюнуса с постели и стали требовать у него выдачи большевиков. Жюнус, собрав последние силы, схватил наган и, пытаясь в них стрелять, крикнул:

— Два раза люди не умирают!

Тогда рассвирепевшие князья выволокли его на снег и стали бить шомполами его и старика-отца.

Я бросилась на князей. Но один из них крикнул:

— Бить мать прикладами!

И меня били до тех пор, пока я потеряла сознание. Очнувшись, я не могла вздохнуть, так как мне сломали два ребра.

Еле поднявшись, я пошла искать сына и мужа, но их нигде не было. Тогда, выйдя за селение, я увидела тридцать шесть человеческих трупов. Они были связаны попарно, и около каждой пары снег был окрашен кровью. Я узнала трупы сына, мужа, соседей и родственников... Похоронив их, я ушла в горы... В ущелье я нашла скрывавшийся там партизанский отряд. Присоединившись к отряду, я не расставалась с партизанами.

Мне было семьдесят пять лет. Я помогала раненым, кормила бойцов. Еще крепка была моя рука и зорок глаз. Мало было винтовок у нас в отряде, но бойцы часто поручали мне стоять в горах с винтовкой и не подпускать близко врага.

Как могла, я продолжала бороться за то, за что погибла моя семья».

Долго рассказывала Жузек колхозницам о своей жизни. Все теснее и теснее обступали ее женщины, и, смотря на них, Жузек не чувствовала себя одинокой. Она знала, что, потеряв свою маленькую семью, приобрела себе большую пролетарскую родину.

Вытерла Жузек платком свои сухие, но воспаленные от сдерживаемых слез глаза и сказала:

— Когда мне исполнится даже сто лет, я всегда буду готова на защиту красного знамени не только нашего Союза, но и всего мира.

Женщины с любовью и гордостью смотрели на Жузек. Девяностолетняя Жузек вместе с ними — с молодыми, полными радости и силы — принимает активное участие в строительстве новой жизни нашей великой родины.

А. КУЧИН

ЧЕЧЕНКА ФАТИМАТ

Отец Фатимат, чеченец Асби Арсанов, работал во Владикавказе на цинково-серебряном заводе. Был Асби еще совсем молодым, когда пришлось покинуть родной аул и уйти в русский город. Причиной тому была старинная вражда между родами. Чужой род мстил за пролитую кровь роду Арсановых.

Асби должен был спасать свою жизнь.

Недолго пришлось поработать на заводе. Волновалась рабочая Россия, повсюду шли забастовки и стачки. На заводе прекратились работы. Вместе с другими рабочими угодил Асби Арсанов в далекую угрюмую Сибирь — в ссылку.

Из царской тюрьмы он возвратился к своей семье, когда его младшей дочери Фатимат исполнилось десять лет.

Шустрая, бойкая черноглазая Фатимат всегда была любимицей Асби. Всякий раз, получая скудную получку, приносил он маленькой Фатимат дешевенький подарок.

Но труден и горек был хлеб Асби. На заводы больше его не принимали. Он жил тем, что ходил по дворам с пилой и узким тяжелым колуном. Никакой работой он не гнушался, делал все, что придется.

Однажды в сумерках Фатимат сидела у дверей хибарки, где они жили, поджидая отца с работы. Зажигались огни в слободке Шалдон, на узкой крутой улице кричали грязные оборванные ребятишки. Вдруг к девочке подошел незнакомый, хорошо одетый русский:

— Ты чья девочка? Ты дочь Асби?

Фатимат посмотрела на незнакомца. Серый костюм, соломенная шляпа с лоснящейся черной лентой, начищенные ботинки. В руке тросточка.

У отца не было таких знакомых. Подозрительный человек.

Фатимат ничего не ответила, поднялась и убежала во двор. Через щели рассохшегося забора стала наблюдать за незнакомцем. Он подошел еще раз к воротам, вынул маленькую книжечку, заглянул в нее и посмотрел на домовой фонарь, где чернел номер дома. Потом ушел, вертя тросточку между пальцев.

На следующее утро Фатимат рассказала отцу про загадочного незнакомца. Асби нахмурился и промолчал.

В этот день он не пошел на работу, а, взяв девочку за руку, направился с ней к Осетинской слободке. Там ему нужно было получить заработанные деньги. Всю дорогу он молчал, раздумы-

вая над чем-то, и то и дело оглядывался по сторонам. Никак не удавалось Фатимат развеселить пасмурного отца.

Остановились у Чугунного моста, перед богатым домом, где жил присяжный поверенный. Тут острые глаза Фатимат заметили вдали идущего за ними вчерашнего человека. Еще дальше тарахтела на булыжнике извозчичья пролетка. Пролетка приближалась, в ней сидели «цари». (Всех офицеров дети слободки Шалдон называли «царями».)

— Цари едут, — сказала Фатимат отцу, когда они вошли в прихожую. Навстречу, ковыряя после сытного обеда зубочисткой во рту, вышел сам хозяин.

— А, здравствуй, Асби! — сказал он благодушно, поправляя пенсне. — За деньгами?

На парадной лестнице послышались шаги, звон шпор. В дверях появилось двое офицеров, а сзади виднелось лицо человека в соломенной шляпе, с тросточкой в руке.

На всю жизнь запечатлелась в памяти черноглазой Фатимат эта картина.

Асби побледнел. Он стоял, комкая облезлую папаху и поглаживая кудрявую головку маленькой Фатимат.

— Ты Асби? — спросил один из «царей».

— Да, — ответил отец.

— Именем закона ты арестован, — проговорил «царь».

На лбу у него Фатимат заметила большое родимое пятно, было похоже, что это третий глаз.

Офицеры защелкнули на руках отца короткую никелированную цепь с браслетами и увели его с собой.

Много ночей не спала потом Фатимат. Все казалось, что на нее смотрит страшный трехглазый «царь». Больше она не видела отца и никогда не узнала, какая его постигла участь.

Прошло десять лет. Фатимат выросла и превратилась в стройную, курчавую, красивую девушку. Началась революция. Всей душой была Фатимат с теми, которые боролись за бедноту, за свободу. Всей душой ненавидела тех, которые погубили ее отца. Было грозовое, полное небывалых событий лето восемнадцатого года.

Белые банды полковников Беликова и Соколова разогнали собравшийся во Владикавказе революционный съезд терских народов.

По слободке Шалдон, разыскивая скрывшихся большевиков, рыскали офицеры.

Не миновала обыска и квартира Фатимат. Встретившая лютых гостей дряхлая старушка-мать получила тяжелый удар прикладом по лицу. На плече у Фатимат вспухли рубцы от казачьих плетей. Белые ушли, не обнаружив ничего подозрительного.

Оставив больную мать на попечение своей старшей сестры, Фатимат вступила в красный санитарный отряд. Скоро отряд был направлен в город Грозный. Кругом бушевала война, гор-

ное эхо вторило раскату пушек. Белые, собрав крупные силы, наседали на Грозный. Началась осада города. День и ночь шли яростные бои.

Фатимат появилась на позициях. Она пришла в белой косынке и в солдатских штанах, с винтовкой и санитарной сумкой. Вместе с бойцами лежала в передовых цепях под рвущейся в небе шрапнелью.

Винтовка Фатимат от стрельбы становилась горячей, губы запеклись и почернели.

Командующий отдал приказ перейти в наступление. Бешеным натиском красные части опрокинули врага и ворвались в станицу Грозненскую. Но здесь наступление приостановилось. Тремя густыми колоннами бросились белые в контратаку. Красные подались назад.

В гостинице «Север» засел десяток красноармейцев. Фатимат была с ними.

Белые окружили гостиницу. Их бронепоезд бил по гостинице из своих орудий почти в упор. Один за другим валились убитые красноармейцы. Стонали раненые, лежа на полу среди щебня и битого стекла. Измученная Фатимат едва успевала накладывать повязки.

Только что успела она оттащить от разбитого окна четвертого убитого, как снаружи огнем и дымом грохнул снаряд из бомбомета. Подкравшийся к самой стене белогвардеец направил на нее винтовку. Фатимат ловким ударом приклада выбила ее из рук врага.

Опустела санитарная сумка, кончился запас марлевого бинта. К этому времени из десятка бойцов уцелели лишь трое. Казаки оцепили засевших в гостинице и принялись забрасывать ручными бомбами. Грохот взрывов, крики. Дым и густая пыль застилали комнату. Тогда Фатимат сорвала с левой руки краснокрестную повязку, взяла винтовку, перекинула через плечо окровавленный брезентовый патронташ и заняла место около двух угловых бойниц.

У стены, хрипя, умирал тяжело раненый. Рядом стоял красноармеец с перевязанной головой и, не отходя от бойницы, продолжал стрелять по наступающим. Сбоку от Фатимат примостился второй, легко раненый боец. Втроем они отстреливались от казаков.

Фатимат увидела замешательство белых. Приближавшаяся казачья цепь остановилась в пяти саженях от гостиницы, залегла и начала окапываться. Застучали пулеметы. Но огонь защитников гостиницы не стихал. Обойму за обоймой выпускала Фатимат по белым. Старалась бить на выбор — без промаха.

Так держалась полуразрушенная гостиница «Север» до прихода подкрепления. Прибывшие санитары снесли убитых в санитарную двуколку.

Уцелевшие бойцы ободрились. Фатимат попрежнему с винтовкой в руках не отходила от бойницы. Казаки поднялись с земли, снова с криком бросились к гостинице.

— Давай бомбы! — крикнула Фатимат.

Бойцы из прибывшего подкрепления стали забрасывать атакующих ручными гранатами. Видно было сквозь дым, как падают и разбегаются во все стороны казаки.

Вдруг увидала Фатимат: к угловой бойнице, подняв над собой гранату, приближается офицер. Он был без фуражки, лысина его блестела. На лбу темнело большое родимое пятно. Фатимат узнала кровного врага:

— Это он!

И она выстрелила, нацелившись прямо в пятно, которое казалось третьим глазом. Офицер рухнул на землю ничком. В этот момент с правого фланга затрещали по казакам наши пулеметы. Это прибыло свежее подкрепление из красной сотни.

Сто дней длилась осада Грозного. Мужественно отбивался от наседавшего врага измученный, малочисленный гарнизон. Три с лишним месяца сражалась Фатимат в рядах красных бойцов. По всему левому флангу мелькала ее белая косынка. С винтовкой она не расставалась.

Однажды, пользуясь коротким затишьем на фронте, Фатимат пришла в казарму. Прибыла помощь из двух чеченских селений — Гойты и Алхан-Юрта. Войдя в казарму, Фатимат услышала чьи-то гневные голоса, брань на чеченском языке. Окруженные бойцами, ругались, сверкая глазами, два чеченца. Оказалось, что два кровника, долгое время безуспешно выслеживающие друг друга, совершенно неожиданно встретились на позициях. Вслушалась Фатимат в перебранку заклятых врагов и, подойдя к одному из них, заговорила на родном языке:

— Зачем вы пришли сюда?

— Воевать с офицерами, — ответил один из кровников.

— А разве вы — офицеры, что затеяли войну между собой? Вы пришли сюда помогать трудящимся, а не сводить личные счеты.

Другой горец — из Гойты — ответил презрительно:

— Давно ли ты скинула юбку, чтобы стать судьей над мужчинами?

— Я скинула юбку тогда, когда стала бойцом. И юбку эту я берегу для тех трусов, которые боятся покинуть старые обычаи... Вот она!

Фатимат выхватила из своей санитарной сумки комок пестрой материи. Она подошла к чеченцу из Гойты:

— Вам не место здесь! Если не желаете дружно защищать свободу, то ступайте в те ущелья, куда вас загнал русский царь. Вспарывайте животы друг другу, но помните, что революция этого не потерпит... Ступайте!

— Я не пойду, — сказал чеченец, отступая перед женщиной.

— Я тоже, — отозвался другой кровник.

В казарме была тишина.

— Не пойдете? Так сейчас же помиритесь.

У алхан-юртовца на глазах блестели слезы. Гойтинец стоял, понурив голову, судорожно сжимал рукоять кинжала.

— Магомед! — крикнул алхан-юртовец. — Давай забудем старую вражду. Будем жить по-новому!

Гойтинец с прояснившимся лицом протянул руку бывшему своему врагу.

Отряд красных повел наступление на станицу Грозненскую.

На левом фланге, в цепи, держа винтовку наперевес, шла Фатимат. Сзади дымил медленно двигавшийся красный бронепоезд. Идя по полотну, Фатимат внезапно заметила выходящий из-под шпал длинный электрический провод. Скрытый в траве, он тянулся по направлению к железнодорожной школе, которая находилась поблизости.

Фатимат подозвала ближайшего красноармейца и указала ему, тот дал знак товарищам. Провод перервали. Из-под рельсов осторожно вытащили большую круглую мину.

Фатимат бросилась в ту сторону, куда уходил смертельный шнур. Маленький домик стоял недалеко от насыпи. Фатимат была уже около домика, когда услышала внутри голоса. Она остановилась, подкралась к окну.

У пробитой снарядом дыры в стене сидели двое в погонах около какой-то непонятной машины. Фатимат осмотрелась. Электрический провод соединялся с этой машиной. Белые поджидали красный бронепоезд, чтобы взорвать его. Они не знали о судьбе подложенной мины — ее скрывала возвышавшаяся перед домиком высокая железнодорожная насыпь.

Фатимат, не раздумывая больше, вскинула винтовку и уложила на месте обоих золотопогонников.

Красные продвигались вперед. Их левый фланг приближался к керосиновому железнодорожному заводу. Запылал подожженный резервуар емкостью в сто тысяч пудов. Над сухими зарослями «Голубинцева сада» стеной вставал черный лохматый дым, в нем мелькали красные языки пламени.

— Ура! — прокатилось по наступающей цепи, и красноармейцы хлынули вперед, с винтовками наперевес.

Из железнодорожной водокачки затарахтел пулемет. Несколько бегущих упало. Фатимат поспешила оттащить раненого, но что-то сильно толкнуло ее в грудь, и она упала.

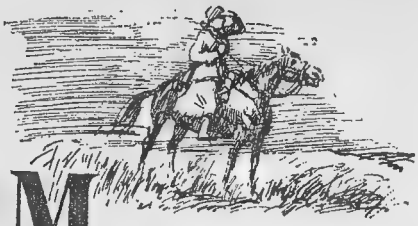
Подбирая раненых вместе с санитарами, шли два чеченца, недавних кровника. Они первые увидели белую, зацепившуюся за сухой примятый бурьян косынку, которую колыхал ветер.

Когда санитары укладывали обвисшее тело Фатимат на окровавленные носилки, чеченцы угрюмо переглянулись.

— Это наша чеченка. Она умерла за нашу свободу, — проговорил гойтинец.

— Одна из многих, — повторил алхан-юртовец.

И оба, не сговариваясь, бросились к водокачке, откуда раздавались последние выстрелы белогвардейцев.



Е. ЛИТВИНОВА

СЕГОДНЯ

Много светлого и радостного у нас. Мы богаты своей молодостью, своим счастьем. Посмотрите на мою мать. Ей восемьдесят лет. Она потеряла мужа и дочь — мою младшую сестренку,— но никакое горе не может сломить ее. Видите, как она прямо и бодра? Это благородное ее сердце, наполненное гордостью за мужа и дочь Феклушу, молодит и не дает состариться. Видите, как тепло светятся ее глаза? Это горит в них счастье новой счастливой жизни. Жизни, которую мы завоевали и которую наша партия большевиков превращает в светлую и радостную, цветущую и счастливую.

Так вот, слушайте... Вся моя молодость протекла в беспросветной нужде. Сколько я ни работала на казаков-богатеев, а хлеба досыта не наедалась. Батрачила у паразитов до двадцати лет, но больше одного рубля в месяц не получала. Отца потеряла давно, еще в пятом году. Он был политическим, и его расстреляли. В империалистическую войну поступила работать в госпиталь в станице Павловской Кубанской области. Туда прибывали раненые солдаты с Западного и Кавказского фронтов. Вот отсюда и началась моя подпольная революционная деятельность, а потом и боевая. В семнадцатом году вступила в большевистскую партию.

Однажды после Февральской революции со мной заговорили два раненых солдата. Спросили, кто я и кто мой отец. Я ответила, что батрачка. Об отце умолчала. Они назвались рабочими Путиловского завода. Тогда я взяла их на проверку. И когда мы хорошо поняли друг друга, я сказала правду, что отец мой был политическим, учил меня, девятилетнюю дочь, ненавидеть всех паразитов и говорил, что надо бороться за хорошую жизнь трудящихся. Его расстреляли казаки в пятом году тут же, недалеко от станицы, когда он выехал на Тихорецкую.

Проверяли и меня солдаты. Приходили домой, говорили с матерью, осторожно расспрашивали об отце.

Помню, как-то врываются в больницу два урядника. Солдаты сидели в моей комнате. Я сказала им: «Полиция!», и они разбежались по палатам. Возле печи стоял большой самовар. Я сняла трубу и пихнула в самовар бумаги, которые оставили подпольщики. Урядники долго обыскивали и меня и постель. После обыска урядник спросил: «А почему у вас в комнате пахнет табачным дымом?» Я ответила, что курю сама.

Подпольные работники узнали об этом обыске и о моей ловкости. В тот день меня и приняли в подпольную организацию. Феклуша была грамотной и помогала мне в работе: писала на заборах большевистские лозунги, расклеивала листовки.

После Октябрьской революции на Кубани начались бои. Красногвардейские отряды дрались с контрреволюционными бандами. В начале восемнадцатого года, после одного боя, к нам доставили сорок восемь человек раненых красногвардейцев. Днем и ночью мы выхаживали их. Потом красные отошли, вошли белые. Я осталась при госпитале, чтобы оказать помощь раненым. Я уничтожила их документы и, когда вошли белые, сказала, что это мобилизованные рабочие, они ремонтировали железную дорогу и вот там их поранило. Но среди раненых нашей больницы оказался белогвардеец, который выдал нас. Он сказал:

— Вот эта сволочь есть самая злая большевичка. Она порвала их документы.

Белые стали раздевать раненых, глумиться над ними.

Я опять вступилась, говорю:

— Им будет холодно лежать на полу раздетыми.

Белые засмеялись и сказали:

— Мы вывезем их в поле, где приготовили для них яму, и бросим красную сволочь в могилу живьем. Зачем тратить патроны?

Офицер потребовал записную книгу больницы, чтобы убедиться, красные это или мобилизованные рабочие. Но книгу не нашли. Я ее уничтожила. В ней были записаны имена раненых бойцов 1-го коммунистического полка. Белые разозлились, взяли двух раненых, меня и повели расстреливать. Нас подгоняли штыками. Во дворе они выстрелили в одного красногвардейца. Он упал и крикнул:

— Всех не перебьете! Нас много! Не задушить вам революции!

Другому они воткнули дуло винтовки в рот, потому что и он кричал: «Да здравствует революция!» Так и застрелили его. А меня дернули за руку и увели в пустую комнату. Белогвардейцы бросили меня на пол... Глумились... Я была без сознания.

Вскоре станицу заняли наши и освободили меня. Я вступила в отряд в качестве бойца, разведчика и сестры милосердия. В этом отряде была пулеметчицей и Феклуша — моя младшая сестренка.

Восемнадцатый год был самым тяжелым годом для революционных войск Северного Кавказа. С Дона при поддержке немцев нажимала казачья конница атамана Краснова. С Маныча и Сала налетали кулацко-калмыцкие банды. От Черноморья наступала Добровольческая армия Деникина. Со стороны Баталпашинска и Зеленчука совершали набеги волчьи стаи Шкуро. В районе Белой глины и станицы Егорлыцкой оперировали белые банды.

Враг наступал со всех сторон, замыкая огненное кольцо. 11-я армия была разута, раздета и не имела боеприпасов. Мы отбивались от наседавших белобандитов холодным оружием. Ряды

наши редели с каждым днем, а петля вокруг нас стягивалась у́же. Командарм Сорокин предавал нас. Надо было искать выхода.

Наша 3-я боевая колонна находилась на станции Овечка. Все повозки были полны ранеными и больными красноармейцами. Я работала до упаду. А тут и медикаментов нет и ни клочка марли, ни одного бинтика. Снимали с себя белье, рвали в куски, перевязывали раненых.

Это было в конце августа восемнадцатого года. Из Царицына нам привезли много патронов. Эти патроны Сорокин отобрал. Наш командир ездил к главкому, вернулся мрачным и злым. Он сказал, что ему приказано Реввоенсоветом итти на помощь 10-й армии к Царицыну, а Сорокин не разрешает и говорит, что он — главком и хозяин на Северном Кавказе и ничьих распоряжений выполнять не будет. Мы не послушались Сорокина и двинулись на город Святой крест. Туда пришли еще некоторые части.

Там и была сформирована Стальная дивизия. Командование повело ее к Царицыну. Я находилась при 1-м революционном кавалерийском полку. Мы пошли через Дивное, Кресты на Маныче, Заветное, Чепурники. По пути на нас нападали кулацко-калмыцкие банды. Я принимала участие в схватках с бандитами как рядовой боец и тут же оказывала раненым товарищам медицинскую помощь. В песчаных степях уходила на разведку и доставала ценные сведения. Феклуша в перерыве между боями ухаживала за ранеными и больными. Воды не было, много бойцов и беженцев умирало от жажды.

В тяжелых, нечеловеческих условиях проходили мы пески. Кругом тиф, голод, безводье, красновские банды. Но мы преодолели этот путь! Нас шло семьдесят с лишним тысяч человек: двадцать две тысячи бойцов и пятьдесят тысяч беженцев. В конце сентября наша Стальная дивизия пришла в Заветное. По прямому проводу связались с Царицыном — с товарищами Сталиным и Ворошиловым. Реввоенсовет царицынского фронта приказывал Стальной дивизии как можно скорее прибыть к Царицыну.

Впереди нас лежала деревня Чепурники. Феклуша оделась монашкой и отправилась в разведку. Она побывала в Чепурниках, продавая там иконки и крестики, собрала сведения о белых и вернулась в дивизию. В Чепурниках были расположены астраханская добровольческая армия князя Тундутова, два офицерских полка и кулацко-калмыцкая конница. Вооружены они были до зубов. А у нас ни патронов, ни снарядов. Белые открыли по нас огонь из пушек и пулеметов. Но мы, воодушевляемые нашими командирами, так понеслись навстречу свинцовому ливню, что никакая сила не могла удержать нас. Ровно сорок пять минут чесали мы спину князю Тундутову, пока не содрали совсем бандитскую шкуру. В этом бою я была сильно контужена снарядом и отправлена в госпиталь в Бекетовку.

Этим ударом мы разрушили план атамана Краснова захватить красный Царицын.

После прорыва к Царицыну и разгрома Донской армии генерала Краснова, отброшенной за реку Дон, мы уже в другом отряде пошли на помощь 11-й армии, которая пробивалась сквозь пески с Северного Кавказа на Астрахань.

Опять мы ходили в разведку. По дороге встречали замерзших красноармейцев и лошадей.

Зажиточные калмыки не давали и не продавали нам ни хлеба, ни мяса, ни воды. После Яндык стали попадаться раненые и больные. Но как спасти их, когда кругом враги да снежная метель?

Помню одного раненого — у него большая гнойная рана на ноге. Промыть бы ее, но горячей воды нет. Идем в кибитку, просим, но кулаки-калмыки неумолимы. Тогда наполняем кружки снегом, согреваем их своим теплым дыханием и добиваемся ничтожных капель воды. Но какой воды! Соленой и горькой, как полынь, с песком, жесткой, как железные опилки. Рвем на себе белье, обтираем гной, перевязываем раны. Доим украдкой калмыцких коров, поим молоком раненых. Некоторые сжимают губы, не хотят принимать, отказываясь в пользу тех, у кого есть еще силы, а их просят оставить в степи, чтобы умереть в снежных буранах.

Мы старались помочь всем: поднимали раненых, несли их на своих плечах, вели под руки уставших, выбившихся из сил бойцов. Мы сохраняли каждого товарища, не давали потухнуть угасавшей жизни. Мы, женщины, беззаветно преданные делу великой партии большевиков, спасли сотни жизней лучших сынов революции. Мы снова скопили свои силы. И снова ударили на врага. Огненным ливнем смыли в Черное море все паразитические язвы с советской земли, на которой теперь цветет наша светлая, радостная жизнь.

В. ДЮБИН

ФЕКЛУША-ПУЛЕМЕТЧИЦА

Пролетарская революция застала Феклушу Литвинову на Ясиновских рудниках Донецкого бассейна. Она работала на шахте откатчицей вагонеток. Тяжелый труд, угольная пыль, постоянное недоедание сделали ее худощавой и бледной.

Но в работе Феклуша не уступала мужчинам. Бойкая, дерзкая, она не давала в обиду себя и своих товарищей хозяину шахты, а среди подруг считалась лучшей плясуньей и певицей. Товарищи любили эту восемнадцатилетнюю девушку за ее веселый характер и непокорность.

В первые дни после Октябрьской революции большевики начали формировать на шахтах рабочие отряды. Обучали шахтеров стрельбе из винтовок и пулеметов. Готовились к схватке с контрреволюцией.

В декабре семнадцатого года на Ясиновских рудниках был сформирован красногвардейский отряд. Он двинулся через Лозовую на Киев, где хозяйничали петлюровцы.

В первый же день создания отряда Феклуша нарядилась в чистое платье и явилась в рудничную контору, где производилась запись добровольцев в красногвардейский отряд.

Она подошла к командиру, посмотрела на него теплыми светло-голубыми глазами, протянула руку:

— Здравствуйте! — и решительно добавила: — Пишите в отряд. Пулеметчиком буду.

Так вступила Феклуша в новую жизнь.

Под Киевом, у стен Киево-печерской лавры, прозванной «куренем смерти», томилось в подвалах несколько сотен рабочих арсенала, приговоренных петлюровцами к смертной казни. У этих стен петлюровцы сотнями расстреливали рабочих. Здесь героически сражалась Феклуша. Ни сама она, ни ее неразлучный друг «максим» не знали устали и передышки.

Были случаи, когда в пулеметных лентах не оставалось ни одного патрона или цепь красногвардейцев начинала отступать под жестокими ударами противника. Тогда Феклуша снимала с пояса ручные гранаты и обращалась к бойцам:

— Да разве же шахтеры когда отступали? Вперед, товарищи!

Двадцать шестого января восемнадцатого года Киев был взят красными, арсенальцы спасены от смерти. В боях под лаврой Феклуша получила первое боевое крещение и показала себя настоящим героем и отважным бойцом революции.

★

С севера, со стороны города Шахты, наступали красногвардейские отряды на Новочеркасск. В страхе перед красными генерал Корнилов оставляет город и идет донскими степями на Кубань. Отряд донецких шахтеров получил задание — перерезать путь Корнилову и уничтожить остатки его банд. Из Ростова эшелон двинулся в юго-восточном направлении. На одной маленькой станции, близ станицы Мечетинской, отряд выгрузился и пошел маршевым порядком. Корниловцы только что прошли в южном направлении, оставив на одном из хуторов пятьдесят своих бойцов с отмороженными руками и ногами. Шахтеры кинулись вслед. По дороге встретили группу молодых казаков в сорок пять человек. Их вел за собой девятнадцатилетний парень в очках. Все они были на лошадях. Командир отряда остановил их, спросил:

— Кто вы и куда едете?

— Я, — ответил парень, — Иван Иванович, казак Мечетинской станицы. А это — мои верные соколы. Там, в станице, гото-

вят хлеб-соль Корнилову, а мы к тебе, батько, встречать генерала шашкой и пулей.

— Ого! — воскликнула Феклуша. — Молодцы ребята!

Командир окинул пытливым взглядом задорных, чубатых казаков и сказал:

— Благодарю вас, товарищи, от имени революции. Присоединяйтесь!

Казаки лихо прогарцовали мимо отряда. Феклуша сидела на тачанке у пулемета, ежась в овчинном полушубке; она посматривала на очкастого парня. Парень держал подмышкой какой-то продолговатый футляр. И когда отряд тронулся в путь, Феклуша поманила к себе парня.

— Как зовут тебя? — спросила Феклуша.

— Ваней. — Он улыбнулся и тоже спросил: — Никак девкой будешь?

— Ишь, диковина какая! Ты вот посмотрел бы, как я беляков утюжу, а то — «девка, девка». Баба тебе не человек, что ли?

— Да нет, — смутился Иван Иванович, — это я так...

— А это что у тебя за коробочка такая?

— Футляр. А в нем скрипка.

— Скрипка? — удивилась Феклуша.

— Ишь, диковина какая! Ты вот послушала бы, как я играю на ней, а то — «скрипка, скрипка», — в тон ей ответил парень. И оба они засмеялись.

— Ладно, — сказала Феклуша. — Когда прихлопаем Корнилова, тогда на радостях ты мне сыграешь, а уж я спляшу тебе.

С той минуты между ними завязалась крепкая дружба.

Отряд шел всю ночь. Долгую морозную ночь. Впереди пехота, за ней конники, а позади скрипели телеги обоза. Бойцы высматривали врага. Но его не было видно. Разведчики возвращались с одними и теми же вестями:

— Не слышно и духа корниловцев...

Приближался рассвет. Когда отряд поднялся на взгорье, стало совсем светло. Впереди лежала ложбина, за ней высился бугор. В отдаленье виднелись стрелковые части и черные движущиеся ленты обоза.

Вражеская кавалерия шла на флангах.

— Вот они! — крикнула Феклуша и захлопотала у пулемета.

Со стороны корниловцев послышался орудийный выстрел. Высоко в воздухе просвистел снаряд, упал на землю, всполошил обоз. Лошади шарахались в сторону, не шли вперед. Рванул землю второй снаряд. Бойцы невольно пригнулись. Феклуша выпрямилась на тачанке, засмеялась:

— Ишь, стращает. Нашел, кого запугать. Под «куренем смерти» не то видали. Правда, ребята?

— Ого-го-о! — пробасил один боец. — И то под пух разделали!

Бойцы заулыбались и пошли веселей. Пехоте был дан приказ нанести врагу лобовой удар, а конники помчались ложбиной в обход Корнилову. Враг открыл сильный пулеметный огонь. Бойцы легли на землю и поползли на взгорье. Белые поливали из пулеметов. Ползла и Феклуша, таща за собой пулемет. Кто-то выстрелил из винтовки и крикнул:

— Вот они! Уже видно их!

Феклуша приподнялась и увидела редкую цепь корниловцев, лежавших на снегу. Пулеметы работали без умолку. Из кожухов бил горячий пар. Далеко, позади цепи, уходили главные силы противника под прикрытием кавалерии. А тут, перед отрядом, лежала только одна офицерская сотня.

— Обманули, собаки! — вырвалось из груди командира стрелковой роты Скибы.

Он выхватил из ножен шашку, обернулся к бойцам:

— Встать!

Все поднялись и двинулись на врага. И в ту же минуту корниловцы прекратили стрельбу. Они тоже встали и пошли навстречу. Они шли с винтовками наперевес, сверкая щетиной штыков. Вот они совсем уже близко...

Феклуша сняла с себя карабин, сорвала с пояса гранату:

— Стой!

Офицерская цепь замерла.

— Товарищ Скиба, — сказала Феклуша, — дозволь вручную с ними.

Скиба ткнул вперед шашкой:

— Вы сдаетесь?

— Кидай винтовки! — выбежала вперед Феклуша.

Две цепи, как две стены, рухнули одна на другую. Кололи друг друга свирепо. Взлетали приклады винтовок, штыки, клинки. Феклуша отбивалась прикладом карабина, стреляла в офицеров в упор. Но вдруг она заметила, как Скиба и офицер, вцепившись друг в друга, покатились по снегу. К ним подбежал еще один офицер, ударил Скибу прикладом по голове. Но в то же мгновенье Феклуша пронзила его штыком и подняла Скибу...

На взгорье громыхали пушки. Остатки корниловцев спешно отступали.

Скиба рванулся вперед, но, сделав шаг, упал.

Феклуша передала Скибу одному бойцу, схватила пулемет, проволокла его в сторону, установила на верхушке кургана и обрушила на отступающего врага свой гнев и ненависть. Феклуша сидела возле своего «максима», пригнувшись, и повторяла:

— По врагам революции полным веером — огонь!

Красногвардеец, работавший вторым номером у Феклуши, едва успевал подавать ей пулеметные ленты.

На этот раз Корнилов ускользнул. Долго еще носился отряд по Кубани, и пулемет Феклуши скосил насмерть не одну сотню белогвардейцев. Она все время говорила:

— Эх, самого Корнилова повстречать бы мне...

И повстречала. Весной восемнадцатого года Корнилов с войсками Кубанской рады подошел к Екатеринодару и черной тучей обложил город с трех сторон. Рабочие фабрик и заводов, руководимые городской партийной организацией и ревкомом, выступили против генерала. К ним подоспел на помощь из станицы Новодмитриевской отряд, в котором была Феклуша. Он зашел со стороны разъезда Энем и внезапно ударил по врагу с фланга. Третьи сутки гремели орудия. Корниловцы рвались в город. Пулемет Феклуши, не умолкая, рассеивал горячий свинец. На четвертый день меткий снаряд красной артиллерии врезался в штаб белых и убил Корнилова. Белогвардейцы в панике бежали.

После боя, узнав о смерти Корнилова, Феклуша подошла к Ивану Ивановичу и сказала:

— А теперь, Ваня, бери скрипку и играй «Яблочко».

Иван Иванович поправил очки, коснулся смычком струн. В этот день Феклуша плясала особенно лихо.

Июльским вечером, после трехмесячных беспрерывных боев с белогвардейцами на Кубани, в Ставропольщине, в районе Егорлыцкой и Белой глины, отряд шахтеров, пополненный партизанами Дона и Кубани, прибыл на Тихорецкую.

От бессонных ночей и переутомления Феклуша осунулась, похудела, но глаза ее попрежнему пылали решимостью и отвагой. Она была в простеньком белом ситцевом платье с черными крапинками, подпоясана пулеметной лентой. На голове соломенная шляпа, на ногах солдатские ботинки, за плечами карабин, на поясе висели ручные гранаты.

Прошли июль, август, наступил сентябрь. Командир отряда, уехавший в Царицын к Сталину, не возвращался. Армия была голодной и разутой. Белые свирепели, наседали со всех сторон, а отбиваться было нечем: боеприпасы иссякли. Сорокин устраивал в своем штабе пьяные оргии, справлял по станицам свадьбы. Среди бойцов начинал расти глухой ропот. Они говорили, что командир теперь не вернется и все пойдет прахом. И только Феклуша не поддавалась унынию, бодрила товарищей:

— Держитесь крепко на ногах, а то дунет ветер — упадете и носы расквасите.

Бойцы смеялись. К ним возвращалось бодрое настроение.

Сорокин попытался расформировать отряд, но опоздал. Внезапно прибыл командир, прорвавшийся из Царицына. Он привез с собой на тринадцати грузовых машинах снаряды, патроны для революционных войск Северного Кавказа и приказ товарища Сталина о переброске 3-й колонны — как теперь назывались отряды — на царицынский фронт.

*

В Святом кресте из частей 3-й колонны была сформирована Стальная дивизия. В составе дивизии было шесть тысяч сабель

и двадцать две тысячи штыков. За бойцами пошли матери, сестры, жены и невесты. Когда армия выступила из Святого креста, Феклуша, проезжая на тачанке мимо обоза беженцев, погрозила куда-то вдаль и крикнула:

— Ну, берегись, бандит Краснов!

Женщины с восхищением смотрели на Феклушу. Они любили ее и верили ей.

На привалах Феклуша приходила к женщинам, вела с ними беседы, пела песни, грустные, тягучие, и приговаривала:

— Эх, бабоньки! Вот завоюем себе все права на свободную жизнь, да разве же такие мы тогда песни запоем? Все забудется: и горе, и нужда, и проклятая наша жизнь собачья. В новых песнях будет сказано только про счастье и радость, что кровью своей добываем мы...

Феклуша звала Ваню, заставляла его играть, а сама плясала. Новой бодростью зажигались сердца жен и матерей бойцов.

Стальная дивизия вступала в безводные, песчаные степи. В Сухой буйвале хотели запастись провиантом и фуражом, но местные власти отказали. Оказалось, Сорокин послал приказ о том, что бойцы дивизии — изменники и предатели революции, и требовал ареста и расстрела командования дивизии.

Приказ командарма обогнал Стальную дивизию по телеграфным и телефонным проводам. Местные власти, опираясь на этот приказ, требовали за провиант и фураж деньги, но дивизионная касса была пуста. Правда, можно было взять все это силой, однако к ней не хотели прибегать. Бойцы хорошо помнили приказ командования дивизии о том, что за каждую нитку, взятую самовольно у жителей, виновные будут расстреливаться. Стали доказывать, что дивизия идет к Царицыну на помощь 10-й армии по приказу наркома Сталина, просили снабдить дивизию фуражом и провиантом.

Но местные власти были напуганы Сорокиным и неумолимы. Тогда выступила вперед Феклуша, перехваченная поперек и крест-накрест пулеметными лентами. У нее тряслись руки и дрожали губы:

— Гадины... Кого на колени ставите? Бандиту Сороке поверили? Мы и кровь, и сердце, и свои молодые жизни за советскую власть отдали. А вы?

Она сняла с головы соломенную шляпу, вынула из кармана солдатской телогрейки деньги, бросила их в шляпу, крикнула:

— А ну, братва, сыпь — давай, у кого что есть! Выворачивай карманы!

Бойцы начали вытряхивать карманы, и в феклушину шляпу посыпались кредитки, монеты и часы. Засуетились и беженцы. Открывали сундуки, шарили руками в одежде, где были потайные карманы. Понесли Феклуше — кто деньги, кто серебряные серьги, золотые обручальные кольца и другие вещи. На собранные деньги были закуплены провиант, фураж, бочки — их сейчас же напол-

нили водой. Вечером того же дня Стальная дивизия выступила в поход.

За Сухой буйвалой местные руководители догнали дивизию, вернули деньги и вручили казначею бумажку о том, что население добровольно снабдило бойцов Стальной дивизии фуражом и провиантом. Феклуша строго посмотрела на них и сказала:

— Что, прошибло? Ну, смотрите же, чтоб в другой раз контру не разводить.

★

Второй день шла по пескам Стальная дивизия. Тяжелый и трудный был путь. Справа, из глубин безводных степей, налетали белокалмыки, слева — белые казаки, но бойцы, отражая атаки врага, продолжали итти вперед. В одной схватке с белокалмыками Феклуша была ранена в голову. Косой сабельный удар по черепу был легким, но рана беспрестанно сочилась кровью. И все же Феклуша не покидала своей тачанки. С окровавленным бинтом на голове она настороженно сидела у пулемета.

Провиант кончался, вода была на исходе, пересыхали бочки. Люди и лошади получали воду порциями. И чем меньше оставалось воды, тем больше встречалось песка. Мелкий, зыбучий, он засыпал глаза и лез в горло.

А на перегруженных повозках стонали больные тифом и раненые:

— Пи-ить! Воды мне...

И Феклуша слезала с тачанки, худая и почерневшая, шаткой походкой направлялась к раненым. Отдавала им свои порции воды, утешала, как могла:

— Товарищи, потерпите немного... Скоро будет Волга... Широкая, бескрайняя, и воды-то в ней...

Перевязывала им раны, забыв про свою, укладывала их поудобнее на повозках и все приговаривала:

— Дорогие мои товарищи, родные мои... Волга уже близко. Слышите? Это вода шумит...

Больные и раненые успокаивались, потом начинали бредить, и шорох жесткого песка они принимали за шум многоводной Волги.

Закрыв глаза, Феклуша лежала на тачанке. Мучила жажда, но она лежала молча. С востока бурунами катились пески, путали ноги, слепили глаза. У бойцов слабел шаг, ноги увязали в песке, никли отяжелевшие головы. Буксовали колеса, скрипели оси телег, и возницы с горечью шептали:

— Эх, дегтю бы... Проклятый песок.

Ваня неотступно следовал за тачанкой Феклуши. Протирая очки и прижимая рукой футляр скрипки, он с трудом передвигал ноги. И когда бойцы, обрывая шаг, начали останавливаться и отставать, приседая в изнеможении на песок, Феклуша открыла потускневшие глаза. Увидев Ваню, она улыбнулась и поманила его к себе.

— Ну как, плясунья? — заулыбался Иван Иванович, нагнувшись к Феклуше.

— Ты вот сыграл бы что-нибудь, — попросила она.

— Можно. Заказывай...

— Сыграй веселую, чтоб наши товарищи бодрее шагали.

Ваня вынул из футляра старую, облезлую скрипку. Ее знали все бойцы. И теперь она с ними как лучший и преданный товарищ. Ваня взобрался на тачанку, взмахнул смычком, и на повозках зашевелились забинтованные люди:

— Нажимай!

Ветер злится, переходит в буран.

Песня громче, звонче и выше. Твердеет шаг. Песня подхватывает всех и несет вперед, навстречу пескам. Но вот лопнула струна... Ваня играет на трех. Потом рвутся еще две — играет на одной. И, наконец, обрывается последняя... Иван Иванович замахнулся скрипкой, хотел швырнуть ее в песок, но Феклуша удержала его:

— Не смей! Видишь, как бойцы идут? За что же ты ее...

Протянула ему руку:

— Спасибо. И тебе спасибо и вот ей, — указала она на скрипку, — другу нашему. Сохрани. Когда отвоюемся — починим ее, и ты еще сыграешь нам не одну песню о нашей боевой молодости.

И Ваня бережно уложил умолкшую скрипку. Скрипка сделала свое дело. Твердо, с бодрой песней, шагали бойцы.

На пятые сутки, утром, Стальная дивизия вырвалась из смертельных объятий песчаной пустыни и подошла к селу Заветному. Взяв запасы воды, провианта и фуража, дивизия в тот же день направилась форсированным маршем к Чепурникам. Здесь разыгрался страшный бой. У Чепурников белые устроили заслон из офицерских полков, калмыцкой конницы и астраханской армии князя Тундутова. В Стальной дивизии нехватало огнеприпасов. Бойцам пришлось сражаться почти одним холодным оружием.

Бой длился сорок пять минут. Стальная дивизия разгромила крепкий, казавшийся несокрушимым белогвардейский заслон — открыла себе путь к Царицыну.

После боя Феклушу нашли возле ее «максима» тяжело раненой.

Один из отрядов Стальной дивизии после разгрома Краснова двинулся на Астрахань. Товарищи взяли с собой и Феклушу.

Долго не заживали раны, полученные под Чепурниками. Лишь к концу девятнадцатого года выздоровела Феклуша и смогла вернуться к боевой жизни. С кавалерийским дивизионом 49-й стрелковой дивизии направилась она в Кизляр, откуда думала пробраться домой, в Ростов, и повидать свою старушку-мать. Но не исполнились мечты Феклуши. Дивизион ее был направлен в Баку, где в двадцатом году в боях с остатками отброшенных в Закавказье деникинских банд и погибла боевая пулеметчица Стальной дивизии — Феклуша Литвинова.

Е. КУЗНЕЦОВА

КОННОАРМЕЙКА

Начало борьбы

Два ранения, две контузии и двадцать пять казацких плетей, полученных мной, сильно отразились на моем здоровье и памяти. Поэтому подробно все факты своей жизни сейчас изложить не могу. Я передаю только то, что сохранилось у меня в памяти до сегодняшних дней.

Я родилась в 1901 году в селе Сергиевском Александровского района, на Северном Кавказе.

Отца своего я очень мало помню — он умер, когда мне было всего лишь около шести лет. Мать моя, бедняжка-казачка станицы Темнолесской на Северном Кавказе, жива. Она была свидетельницей жестоких расправ белогвардейских офицеров с партизанами-односельчанами. В ее присутствии пороли плетьми и меня. В годы гражданской войны моя мать подвергалась преследованию со стороны приходящих в село белогвардейских банд и местных кулаков из-за меня и моего родного брата — партизана. Мое участие в партизанских отрядах и участие моего брата стоили ей много здоровья, но зато сейчас она видит, за что мы боролись. В 1906 году после смерти отца, который батрачил тридцать лет, семья наша осталась в крайне тяжелом положении. Для того чтобы кое-как прокормиться, всем нам — матери, мне и брату — пришлось итти на заработки.

Брат мой поступил в ученье к кузнецу, где и жил, не возвращаясь к нам, а мы с матерью ходили на поденную работу к помещику и местным кулакам — этим и кормились. Когда мне исполнилось восемь лет, меня на летнее время отдавали в няньки, а с наступлением осенних холодов хозяева отправляли обратно к матери, так как я не имела ни одежды, ни обуви. Нянька Елена — так звали меня в нашем селе.

В школу я попала уже подростком. Матери удалось найти себе постоянную работу сторожихой в местной аптеке, где она получала пять рублей в месяц.

Школу я окончила хорошо и поступила уборщицей-сторожихой в сельскую земскую библиотеку. Летом кроме того ходила также и на полевые работы к помещику Ефременко.

Работа в библиотеке имела большое значение в моей жизни.

Первым человеком, указавшим мне мое место в борьбе против эксплоататоров, была заведующая библиотекой М. В. Чертова.

Ей как своему учителю, показавшему мне правильный революционный путь борьбы, я многим обязана.

В этой же библиотеке я встретилась с другим моим учителем — матросом Черноморского флота товарищем Рыльским. Вокруг него сколотилась группа, в группе была и я. Рыльский говорил смелые слова о власти и войне. Беседы Рыльского еще более укрепили бурлившую во мне злобу и ненависть к самодержавию и буржуазии, и я стала работать с ним.

★

После Февральской революции в Сергиевском власть перешла в руки торговцев и кулаков. Эсеры торжествовали победу. Но вот пришел великий Октябрь. Начались за эту власть ожесточенные классовые бои. На помощь нам подошел организованный Рыльским красногвардейский отряд. Отряд принужден был сразу же вступить в бой с бандами белогвардейского генерала Шкуро, который в это время хозяйничал в Ставрополе и в ближайших к Ставрополю селах. Небольшой этот отряд в боях со Шкуро рос и пополнялся за счет местных партизан.

Особенно много партизан в отряд Рыльского пошло из Сергиевского, Калиновки, Михайловки и города Александрова. Это были малоземельные и безземельные крестьяне и батраки-иногородние.

К июлю восемнадцатого года отряд Рыльского имел в своем составе батальон пехоты и кавалерийский полк, носивший впоследствии название «Первого революционного ставропольского кавполка». Этот полк целиком вошел в состав Первой конной армии Буденного.

К этому времени организовался и другой отряд против белогвардейских банд под командой товарища Назаренко.

В период формирования отрядов по заданию партийной организации я выявляла белогвардейские и эсеровские группировки в селе; держала тесную связь с отрядами Рыльского и Назаренко. По моему указанию была ликвидирована кулацко-эсеровская группа нашего села. Ее главари — торговец Ефремов, Олиференко, сын помещика Ефременко и сын торговца Новиков — были расстреляны отрядом Назаренко как отъявленные контрреволюционеры.

Отряды пополнялись людьми, укреплялась дисциплина, но банды Шкуро попрежнему были для нас угрозой. К Шкуро стекались богачи-казаки, сыновья помещиков, торговцев и вообще все контрреволюционно настроенные элементы.

Под напором этих банд наш отряд в начале июля должен был отступить из нашего села на восемнадцать верст. По партийной директиве я осталась в селе для наблюдения за белыми и для связи с отрядом. Было установлено, что отряд Рыльского через два-три дня с боем должен возвратиться обратно в Сергиевское. Фактически же нашему отряду удалось занять Сергиевское только на седьмой день.

Целую неделю жестоко расправлялись белогвардейские офицеры, сынки помещиков, с населением. Особенно зверски посту-

пали они с семьями участников партизанских отрядов и с молодежью.

В первый день своего прихода в село озверевшие банды зарубили насмерть председателя сельсовета товарища Медведева и студента Полянского. Убивали даже подростков. Приводили их в помещение бывшего сельсовета и там рубили головы тесаками и шашками. При этом заставляли их приносить с улицы камень, чтобы удобнее было отрубить голову. Вот как они мучили несчастных ребят!

Потом бандиты поймали и меня. Впрочем, я и не пряталась. За мной пришли два казака и офицер — спросили Елену.

Я вышла, и офицер сразу же стал меня допрашивать: сколько у партизан оружия, кто входит в состав отряда? Он допытывался, какое я принимаю участие в работе отряда. На вопросы я не отвечала. Офицер объявил мне, что я за свою шпионскую работу в пользу красных должна быть повешена, но, принимая во внимание мою молодость и что я, по его мнению, могу быть полезной для работы в разведке у белых, он дарует мне жизнь. Вместе с тем приказал тут же всыпать двадцать пять плетей. В одно мгновенье два казака подскочили ко мне, подвели к кровати и уложили меня, другие схватили мать за руки и держали ее во все время порки.

Офицер стоял возле двери и отсчитывал удары. Я напрягла все силы, ни разу не крикнула, но после шестого или седьмого удара потеряла сознание. Моя мать очень сильно кричала. Ей казалось, что я умираю. После порки я в течение недели не только не могла встать, но даже не могла поворачиваться без посторонней помощи. На седьмой день наш отряд снова занял село, и я оказалась среди своих. Но красногвардейцы не остались в селе, а пошли дальше в наступление. Наш отряд дошел почти до Ставрополя, но у Шкуро было больше людей и оружия, и отряд отступил, оставив Сергиевское в руках белых. На этот раз меня не оставили в селе, и я, хоть и больная, но пошла со своим отрядом. Итти пешком и ехать верхом я не могла, поэтому меня посадили на грузовик. На этом грузовике были два пулемета и одно легкое орудие.

Отряд наш отступил по направлению к уездному городу Александрову. По дороге — в Калиновке — произошел бой.

Белогвардейские цепи, выставленные под Калиновкой для встречи нашего отряда, стали отступать. Наш грузовик на сильном ходу прорвался через цепь белых, и мы оказались у них в тылу с одной пулеметной лентой и одним снарядом, но белые этого не знали — они растерялись от неожиданности и стали разбегаться, кто куда. Один офицер выскочил из своего автомобиля и тут же застрелился.

В это время из Калиновки налетел конный отряд белых, открыл из винтовок стрельбу по грузовику и пошел на нас. Подоспевшая на помощь наша пехота оттеснила конный отряд белых и заняла Калиновку. Во время перестрелки Рыльский был ранен пулей в плечо. Я повезла его на перевязочный пункт.

Проехав не более двух верст, мы увидели, что навстречу нам движется большой конный отряд. Отряд, приближаясь, начал из

винтовок обстреливать нас. Нужно было, не медля ни минуты, скрыться.

Мне пришлось бежать буквально под градом пуль. Мы разбежались в разные стороны. Белые обстреливали нас.

Забежав за бугор, я увидела крестьянина, косившего жаткой хлеб. Стала просить его принять меня к себе на жатку и тем спасти меня от расправы, обещав заплатить ему за это пятьсот рублей. Крестьянин согласился взять меня к себе, причем тут же добавил, что денег не возьмет. Я быстро скинула с себя верхнее платье, которое, кстати сказать, было запачкано кровью Рыльского, и села за жатку. Через несколько минут подскакало к нам несколько верховых. В числе их я узнала командира эскадрона нашего отряда Данилу Деркач. Тут же выяснилось, что нас приняли за белогвардейцев и решили изловить живьем. После этого я долго искала Рыльского и, наконец, нашла его в селе Журавке больным, с воспаленной раной. Я передала ему находившиеся у меня деньги отряда, а сама пошла рядовым бойцом во 2-й эскадрон нашего кавалерийского полка, впоследствии влившегося в 6-ю кавалерийскую дивизию.

В рядах конного корпуса

Двадцать третьего июня девятнадцатого года 6-я кавалерийская дивизия стояла в армейском резерве возле станции Воропаевка. В это время в глубокие тылы нашей армии прорвался корпус генерала Мамонтова.

Противник занял селение Большую Ивановку, а одна из его дивизий уже двигалась на Камышин. Двадцать четвертого июня полк белой конницы с батареей вырвался к Волге и обстрелял пароходы.

Нашей дивизии было приказано очистить тыл от неприятеля. Быстрым маршем выступили навстречу врагу. Двадцать пятого июня, заняв Дубовку, 6-я дивизия отбросила от Волги полк белых, пошла по его следам и возле Малой Ивановки встретила главные силы Мамонтова. Здесь мы приняли первый бой с прославленной конницей врага. Не дав развернуться, корпус белых атаковал нас. Черной лавиной неслась на нас вражеская конница. Наши эскадроны смешались и стали отходить.

На пути отступления лежала топкая, илистая речка. Единственный деревянный мостик связывал оба берега. На мосту — ни разъехаться, ни разойтись. Какая-то повозка, зацепившись колесом, перевернулась и загородила дорогу. На мостике началась суматоха. Бойцы прямо на конях бросились в речку и, увязая в иле, пытались перебраться вплавь.

На берегу осталось брошенное прислугой орудие с зарядным ящиком. Враг наседал по пятам. Еще минута — и орудие достанется ему. Нашими же снарядами он начнет расстреливать нас.

Старшина эскадрона Панько Золотарев соскочил с лошади, побежал назад, перебрался через мостик к орудию и хотел вынуть

замок. Ему долго это не удавалось. Налетели кубанцы. Панько выхватил наган и, расстреляв все патроны, упал. Он получил девять сабельных ударов.

Очнувшись, он увидел себя в окружении казаков, но сдаваться не хотел. Угрожая пустым наганом, Панько Золотарев вырвался из кольца и бросился под обрыв. Казаки махнули на него рукой, считая погибшим.

А он прополз по оврагу, переплыл речку и, обессиленный, уткнулся в камыши на берегу. Здесь его нашли наши бойцы и принесли ко мне на перевязку. На Панько страшно было смотреть — так исполосовали его казаки.

Мамонтову не пришлось порадоваться нашей неудаче. На помощь подошла 4-я кавалерийская дивизия, и мы сообща здорово потрепали корпус Мамонтова. Он должен был прекратить свой рейд в тылах нашей армии.

В этот же день, двадцать шестого июня, приказом по армии обе дивизии объединились в 1-й конный корпус. Мы вошли в славные ряды буденновской конницы. Заняв правый фланг 10-й армии, мы вместе с ней отступали, когда Царицын был сдан.

На путях отступления наши части пополнялись и крепли. Конница обновляла свой потрепанный конский состав. Немало хороших лошадей досталось нам в немецких колониях.

Мне привели прекрасного золотисто-рыжего коня. Я сразу его полюбила. Это была умная, спокойная, сильная лошадь. Она хорошо понимала меня, как бы угадывая каждое мое намерение, и часто выручала меня в бою. Ну, и я платила тем же. Заботилась о ней, как ни о ком в жизни. Отдавала последний кусок хлеба. Нередко «воровала» для нее овес и молоко, чего никогда не делала для себя.

Лошадь была три раза ранена. Я сама лечила и ухаживала, вынимала пули, заливала раны коллодием. Лошадь терпеливо выносила боль.

В одну из наших атак она попала под пулемет. Четыре пули ударили в грудь.

Крупные слезы капали из глаз умирающей лошади. Я плакала о ней, как можно плакать только о самом близком.

Тесня и сбивая пехоту 10-й армии, враг неуклонно двигался к Камышину. Двадцать восьмого июля город был оставлен нашими войсками. Белые, развивая удар, преследовали нас, забирая нашу пехоту. И тогда на зарвавшегося врага снова обрушилась ударная группа конного корпуса.

В этой атаке мы полностью уничтожили два полка сводной горской дивизии белых, захватив трофеи и пленных. На следующий день наша ударная группа разбила атаманскую кавалерийскую дивизию. Конный корпус наносил удар за ударом противнику. И с каждым днем эти удары становились сокрушительнее.

Тяжелые бои и походы от берегов Маныча к Царицыну и Камышину были суровой школой для нас, ставропольцев. Из нестройных

партизанских полков наша 6-я дивизия выросла в крепкое боевое ядро конного корпуса. Идя рядом с прославленной 4-й кавалерийской, мы учились у буденновцев искусству бить врага.

В долгие месяцы боев и походов я полюбила свою бригаду, свой 32-й полк, свой 2-й эскадрон, который не покидала.

Здесь я нашла свой второй дом, друзей и товарищей.

В нашей дивизии было немало женщин. За полками в обозах шли семьи бойцов, бежавшие вместе с нами из родных мест. Женщины помогали бойцам: стирали белье, чинили, штопали, шили. Жена нашего комбрига В. И. Книга была бригадным фуражиром.

Но в строю женщины встречались единицами. В нашем эскадроне я была одна. И это меня нисколько не беспокоило. Я знала, что ребята, когда нужно, не дадут меня в обиду. Законы дружбы и товарищества крепко связывали нас в бою и на отдыхе.

В одном из боев снарядом убило мою лошадь, а меня тяжело контузило в голову, грудь, бедро и спину. Несколько дней я не шевелилась, не слышала, не говорила, превратившись в какой-то бесчувственный чурбан. Сознание вернулось ко мне только на пятый день пребывания в лазарете.

Целый месяц я не вставала с койки. Наконец это лежание стало невыносимым. Мысль, что полк, быть может, наступает, что ребята без меня гонят и бьют врага, мучила меня. Я не выдержала. И однажды украдкой, полуглухая, полунемая, бежала из лазарета. Нашла свой полк, добилась того, что мне дали лошадь и разрешили встать в строй.

Еще больная, я пошла со своим эскадроном. И вот здесь, в окружении родных ребят, в боевой обстановке, я стала быстро поправляться.

В это время 10-я армия, перестроившись и окрепнув, снова шла в наступление. Под ударами конного корпуса белые откатывались к берегам Дона. Здесь, в районе станицы Казанской, мы дочиста разгромили группу конных войск генерала Савельева. Только жалкие остатки врага успели перебраться на другую сторону реки.

Однажды перед вечером возле какой-то деревни наш полк встретил крупную часть белой конницы. Враг не принял удара и бросился наутек. В лощине, слева от деревни, лежало целое поле зрелого уже подсолнуха. В вечернем солнце огненными кольцами горели его круглые шапки.

Спасаясь от флангового удара, белая конница решила укрыться в подсолнухах, но здесь ее окружили и полностью уничтожили наши эскадроны. Это были части волчьего дивизиона Шкуро. Только несколько человек штабных успело проскочить в деревню и скрыться за горой.

★

В самый разгар нашего наступления конница Мамонтова вторично прорвала фронт красных войск. Быстрыми налетами опустошала она тылы 8-й армии. Одновременно генерал Шкуро захватил

город Воронеж. Командование южного фронта бросило против Мамонтова конный корпус. Но на этот раз Мамонтов не отважился встретиться с конницей Буденного и поспешно отступил к Воронежу, где соединился с генералом Шкуро.

Конный корпус готовился к удару на Воронеж.

В ночь на семнадцатое октября наша первая бригада заняла селения Хреновое и Рыкань у переправы через реку Усмань. Главные силы дивизии стояли сзади, в Рождественской. Справа от нас расположились части 4-й кавалерийской дивизии.

Два дня мы вели тщательную разведку расположения белых, приводили в порядок себя, коней, вооружение. Мы знали, что впереди предстоит трудная и ответственная задача: разбить соединенные силы Шкуро и Мамонтова и взять город.

Чтобы дать отдых полкам, командир корпуса приказал временно перейти к обороне. Сама природа толкала к этому. Осенняя хмарь нависла над полями и селами. Проливной дождь ни днем, ни ночью не давал отдыха. Дороги расползлись потоками вязкой грязи. Бросать при таких условиях в конные марши усталые части корпуса не было возможности. К тому же становилось холодно и ветрено. Можно было рассчитывать, что не сегодня — завтра дороги окрепнут.

Генерал Шкуро, командовавший всеми силами белых под Воронежом, решил нанести нам сокрушительный удар. Он бросил против конного корпуса двенадцать кавалерийских полков, один полк пехоты, двадцать два орудия, два бронепоезда и сто двадцать пять пулеметов.

Белые, как видно, не сомневались в успехе. Но еще накануне им был подброшен ложный приказ Буденного о наступлении корпуса в совершенно другом направлении (на Лиски). Генерал Шкуро поверил «перехваченному» приказу и рассчитывал захватить нас врасплох.

Рано утром конные массы белых обрушились на нас. На участок первой бригады были брошены четыре полка Терской дивизии и два мамонтовских донских полка. Не ожидая такого удара, мы не выдержали и отошли за речку, расстреливая казаков почти в упор из пулеметов.

В этот момент во фланг противнику ударили части 4-й кавалерийской дивизии, а вскоре подоспела и наша вторая бригада. Белые полки, попав под перекрестные удары с фронта и с фланга, откатились назад, оставив сотни убитых, раненых и пленных. Нам досталось семь орудий с зарядными ящиками и пятьдесят два пулемета. Такая же судьба постигла белых и на других участках.

К концу дня мы заняли селение Усмань, расположенное на двух рукавах маленькой речки. В центре села возле церкви стоял штаб бригады. Наш 32-й полк со своим штабом занял переднюю часть села по другую сторону речки.

Из окон хаты, где поместилась я с бойцами, была видна ветряная мельница, а немного дальше к Воронежу — небольшой лесок.

К вечеру наш эскадрон (дежурный) сделал глубокую разведку впереди расположения полка. Мы обошли несколько хуторов и, не найдя признаков неприятеля, спокойно вернулись на ночлег в деревню. Убрали лошадей, поужинали. Было уже совсем поздно, когда я приготовилась лечь спать.

И вдруг оглушительно затрещали пулеметы. Несколько пуль, пролетев в окно, впилось в печку. На пол посыпались куски глины. Ребята — во двор. Повскакали на коней и вылетели из ворот. Успел выскочить и наш кучер с санитарной линейкой. Наспех подтянув подпругу, я вскочила в седло и тоже метнулась на улицу. Грохот выстрелов несся от ветряной мельницы. Неприятельские пулеметы с короткой дистанции били по деревне.

Плохо различая в темноте, я доверилась коню. Через минуту мы были возле речки. Впереди — вода, слева — проволока и мост. Лошадь прыгнула, но неудачно — зацепилась ногой за проволоку. Падаю вместе с лошадью, больно ударившись о телеграфный столб.

Очнулась. Пробую подняться, а надо мной уже стоит лошадь со съехавшим набок седлом. Вижу, на задней ноге кровь. Сорвана кожа. Первая мысль: перевязать. И я, забыв свой ушиб, занялась перевязкой лошади. Подскочили ребята, помогли сесть на коня. Вместе помчались на сборный пункт — к штабу бригады.

Что же произошло? Пользуясь темнотой, противник снял наши посты, подполз к ветряной мельнице и почти в упор по деревне открыл ураганную стрельбу. Но большого эффекта не добился. Дивизия построилась и приняла бой.

Рубка началась отчаянная. Как всегда, я без шашки и винтовки, с одним наганом в руке. Вижу: командир соседнего эскадрона Борец, спешенный, бегает среди своих, размахивая шашкой. Под ним убило лошадь, а резервной еще не подали.

Я сразу сообразила: надо выручить Борца.

Командиру конь в атаке важнее, чем мне. Быстро подскакала и отдала свою лошадь, а сама взобралась на санитарную линейку, которая шла за нами.

К утру восточный берег реки Воронежа был усеян трупами белых.

Мы стояли в маленькой деревушке. Впереди — река. На высоком обрывистом берегу в зареве заката четко вырисовываются силуэты зданий, церквей и садов. Это — Воронеж.

У противника выгодная позиция. Полная свобода обстрела. А нам предстояло брать город в лоб, форсировав предварительно реку.

Три дня мы готовились к решительному удару. Буденный с командирами дивизий изучал места переправ. Инженерная часть готовила материалы для плотов и моста. Комиссары вели беседы в эскадронах. А бойцы, как обычно, чистились, чинились и набирались сил перед боем.

В минуты отдыха в эскадронах слышались гармошки, удалое пение, вихревые пляски.

В ночь на двадцать четвертое октября по эскадронам была отдана команда: «Быть наготове!»

Это значит: спать не раздеваясь, лошадей держать в седлах.

Перед рассветом новая команда: «По коням!»

Эскадрон без шума вышел из деревни. Было еще темно. Сухо.

Слегка морозило. Мы тихо двигались к реке, прикрываясь холмами и перелесками.

По пути встречали наши хорошо укрытые огневые точки. Двадцать орудий, сорок пулеметов должны были прикрывать наши переправы.

6-я дивизия шла в лоб городу. 4-я еще накануне ушла в обход с севера. В той стороне слышался уже гул боя.

Но вот и река. Впереди — розовеющие в первых отсветах утра окраины города. Инеем подернуты берега и сады над рекой.

Отдали лошадей коноводам и в пешем строю бросились вперед к переправам — на заранее подготовленные плоты — и просто вплавь и вброд. За рекой — отчаянный треск выстрелов. И тогда ураганным огнем вспыхнул наш тыл. Орудия и пулеметы через головы наступающих начали бить по правому берегу и городским высотам.

Не знаю, как перебралась через реку. Помню себя уже на горе. Эскадроны, сбив белых на берегу, ворвались в восточные окраины города. Мокрые, обледеневшие, мы брали улицу за улицей, квартал за кварталом. В этот момент 4-я кавалерийская дивизия с боем захватила северную часть города, а в южный пригород вступала 12-я стрелковая.

Навстречу нам с оружием в руках выступили руководимые большевиками воронежские рабочие. Они ударили в тыл белым и заняли железнодорожную станцию. К шести часам утра город был очищен от белых. Забирая пленных и трофеи, наши части погнали врага к Дону. Дорого достался этот день белым. Впопыхах генерал Шкуро оставил нам свой штабной поезд и немало всякого добра.

К вечеру, подтянув коноводов, орудия и пулеметы, наша 6-я дивизия расположилась на отдых в городе. Я с десятком товарищей попала в какой-то богатый особняк. Владельцы его бежали. Остались прислуга и экономка. В комнатах — полный кавардак. Шкафы и комоды раскрыты. Постели выворочены, подушки раскиданы. Стремясь захватить самое ценное, хозяева все остальное просто выбрасывали на пол.

Устраиваемся, кто как может. Сушимся, греемся.

После тяжелой переправы, холода и боевого дня, чувствую, начинается жар. Послала за доктором.

А наутро снова на коня. Уже начинались бои за переправы через реку Дон.

Взятие Ростова

Новый — тысяча девятьсот двадцатый — год застал нас недалеко от Ростова. Помню, остановились в небольшом хуторе. После нескольких дней оттепели вновь начались морозы. Утром рано получили приказ: выступать!

На подходах к какому-то селу встретили цепи противника. Полк шел на левом фланге. Наши левофланговые эскадроны уже вступали в село, как вдруг из-под горы вынырнула колонна неприятельской конницы. В бешеной атаке летели на нас белые. Среди наших бойцов кое-кто перетрусил. В рядах возникло беспокойство. Это заметил враг и с еще большим напором летел в атаку.

Полк начал отступать, не выдержав бешеного удара. Белые готовы были торжествовать. Какой-то полковник с бородой, скакавший на рыжем длиннохвостом коне, заметил меня. Полковник принял меня, очевидно, за комиссара. Погнался. Я уже чувствовала над головой взмах его клинка. Но в этот момент кто-то подскочил и выстрелом из нагана сбил полковника.

Между тем полк оправился, прекратил отход и снова ударил на белых. Белые от неожиданности замялись, а затем бросились назад. Село было взято нами. Здесь мы захватили много пленных, оставили с ними для охраны небольшой отряд, а сами двинулись дальше, к Ростову. В небольшой лощине я увидела двух раненых красноармейцев. У меня оставалось еще несколько бинтов. Попросив одного из товарищей подержать лошадь, я занялась перевязкой. Все готово. Теперь надо как-то перевезти раненых в лазарет. Вижу, по дороге катится подвода. Останавливаю. Ворошу сено, чтобы поудобней устроить раненых. И вдруг сюрприз: в подводе прикрытые сеном и кошмой два белых офицера с винтовками под боком. Пришлось «попросить» их освободить место для раненых, а самих направить куда следует.

Стало темнеть. Холод усилился. Бои по всей линии затихли. Это последняя передышка перед Ростовом. Сегодня мы должны войти в город. Меня это особенно радует. Ведь это, значит, мы вновь вступаем в родные, близкие края. Теперь уже недалеко Ставрополь и наша Сергиевка. Что-то делается дома? У меня нехватает терпения. Хочется скорее-скорее вперед.

Ну, вот и пошли. Команда: «Осторожно, не курить, тихо!»

Шли долго. Или, быть может, мне только казалось, что слишком долго. Вот мы у черты города. От нашего полка отделяется отряд. Ему поручают взять тюрьму. Я пытаюсь присоединиться к этой группе, но, к сожалению, это мне не удалось. Пришлось вернуться в свой эскадрон.

Мы въезжаем в какую-то улицу. Тихо. Еду впереди эскадрона с помощником командира Золотаревым, старшиной эскадрона Молочко. С интересом приглядываемся к новому для нас городу (это была одна из его окраин).

Неожиданно тишина разрывается гулкой, быстрой очередью пулемета. Пули пропели над нашими головами. Но вот хватается за голову Золотарев. Охнул Устинов, наш комвзвода. Ему попало в руку. Старшине Молочко разбило челюсть. Ребята не растерялись. Уже раненный, Золотарев дает команду:

— Эскадрон! Отойти назад!

Мы быстро перестраиваемся. Золотарев передает командование другому товарищу. Я собираю раненых в группу и отправляюсь с ними на перевязочный пункт. Между тем перестрелка усиливается. Под градом пуль мы проскакиваем в тыл, в какой-то хуторок, где остановился наш обоз. Перевязала раненых, погрелась и поскакала обратно.

Теперь пробраться труднее. Выстрелы несутся со всех сторон: из окон, из ворот, с чердаков и заборов. Застигнутый врасплох противник делает последнюю попытку удержаться в городе.

Всю ночь медленно двигаемся по улицам, выбивая и вылавливая из дворов скрывшихся белогвардейцев. Частенько натыкаемся на веселые пирушки — это господа офицеры празднуют рождество христово, не подозревая о падении города.

Все чаще и чаще начинают попадаться группы рабочих. Узнав о нашем вступлении в город, они спешат навстречу конной армии. Помогают нам вылавливать белых, показывают дорогу, становятся нашими проводниками. С их помощью мы находим деникинский арсенал. Это большое каменное здание с полуподвальными окнами в решетках. Охрана арсенала пробует сопротивляться, но под угрозой наших пулеметов и бомб вынуждена сложить оружие. Мы захватываем арсенал.

Утро девятого января встречаем в центральных кварталах города. Толпы рабочих восторженно приветствуют приход буденновцев.

Поединок с офицером

После Ростова двинулись на Кубань.

Первая бригада под командой товарища Книга и вторая — под командой товарища Апанасенко. Шли в наступление на Усть-Лабу. Не доходя версты три-четыре до станицы, мы увидели развернутый фронт, но фронт стоял не двигаясь. Кто-то крикнул: «Сдаются!» Против нас были офицерские полки. Раздалась команда: «В атаку!» Выставили пулеметы и открыли огонь. Я подъехала к командиру эскадрона и говорю ему:

— Товарищ командир, надо отличиться и побольше захватить трофеев.

— Уезжай к пулеметам, а то покажут тебе трофеи, — сказал командир.

И действительно, неприятель допустил нас на совсем близкое расстояние и вдруг ринулся в атаку.

Не успела я опомниться от всей этой неожиданности, как рядом появился офицер. Он хотел ссадить меня с лошади взмахом клинка,

но лошадь сделала прыжок, и офицер промахнулся. Несколько минут мы кружились на одном месте. Офицеру хотелось взять меня живьем. Он, наверное, принял меня за политрука или комиссара. Изловчившись, он ударил меня клинком в спину. Не растерявшись, я выхватила браунинг и первой же пулей наповал положила офицера и забрала у него полевую сумку с документами. Но когда я попыталась сесть на лошадь, то в глазах потемнело, чувствую, что в сапоги и брюки натекла кровь.

Взяв лошадь за повод, я направилась к левому нашему флангу, где были пулеметчики.

Пулеметы левого фланга работали бесперебойно, а на правом фланге сгруппировалась неприятельская часть. Там убили пять человек пулеметчиков. Я сдала лошадь кучеру, взобралась на тачанку и села вторым номером. Вся эта история продолжалась несколько минут.

Неприятель был уничтожен. Большинство деникинцев потоплено в реке Усть-Лаба. Богатые достались нам трофеи. Товарищи искали меня среди трупов. Они видели, как на меня напали, как офицер бросился рубить меня, оставшуюся в тылу у противника. Приехав на квартиру, я успела сдать захваченную полевую сумку, обмундирование и тут же от потери крови потеряла сознание. Но через три-четыре дня поправилась, окрепла — и снова на лошади, снова в бою.

В. КОРОБКОВ

ТРИ ЖИЗНИ ТЕТИ ВАРИ

Начало замужней жизни Варвары Егоровны ничем не отличалось от жизни других жен рабочих.

Это была жизнь для мужа, для семьи. Варвара Егоровна должна была заботиться о детях, о стирке белья, об ужинах и обедах. И, рассказывая об этой жизни, Варвара Егоровна больше говорит о муже и о детях, чем о себе самой: ее как бы не существовало.

Муж Варвары Егоровны — Василий Федорович Шабров — считался хорошим бондарем. За мастерство и ценили его хозяева бондарных мастерских. Работал он в Астрахани.

С 1902 года Шабров начал работать в Дагестане, сначала у Митюхина, а когда в Петровске обосновались астраханские купцы Рябинцевы, перетащили они к себе и Василия Федоровича. Впрочем, недолго он сидел на одном месте. В начале японской войны

отец потребовал приехать вместе с женой Варварой Егоровной домой, на родину. Отцовская воля была законом.

«Не приедешь — паспорта не дам да еще этапным порядком вытребую!» писал старик.

Пришлось подчиниться. Поехал Василий Федорович к отцу на родину, в Рязанскую губернию, но не остался там. Вернулся снова в Петровск, оставив жену в родительском доме.

Уже в то время Василий Федорович слыл «неблагонадежным». Он имел связь с нелегальными рабочими кружками и был на подозрении у полиции. Пришлось ему бежать с товарищами в Астрахань. Но полиция не оставляла их и в дороге. Не успели еще доехать до Астрахани, как их встретили агенты полиции и произвели тщательный обыск. Ребята успели сжечь кое-какие документы и благополучно добрались до Астрахани.

И вот Василий пишет жене в деревню: «Варя, приезжай». Варвара Егоровна, недолго думая, приехала в Астрахань, но мужа там не нашла. Пришлось ему убраться от зорких глаз полиции в Баку, и где-то неподалеку, в Сальянах, устроился он на работу.

Поехала туда и Варвара Егоровна. Стали жить все вместе: Василий Федорович, Варвара Егоровна и сыновья Григорий и Петр. Вскоре заболел Василий Федорович и умер.

Так наступила для Варвары Егоровны вторая полоса жизни. Надо было воспитывать сыновей, выводить их «в люди». Дети оказались смышлеными. Старшему, Григорию, едва исполнилось пятнадцать лет, а он уже разбирался в политике: ходил тайком вместе с дядей и двоюродным братом по нелегальным кружкам и собраниям.

Варвара Егоровна ничего не знала об этом. Случилось однажды с Гришей несчастье: прибежал домой избитый и окровавленный. А что произошло с ним, так и не могла допытаться...

Только в германскую войну, когда уходил на фронт, Григорий признался матери в том, что он уже давно занимается политикой и что помят был тогда лошадью налетевшего казака.

Варвара Егоровна жила с сыновьями в Порт-Петровске. Младший, Петр, работал бондарем на Ташевском заводе. Он связался с подпольным кружком. В семнадцатом году ушел Петр на турецкий фронт. В том же году погиб на фронте Григорий.

Зимой семнадцатого года, когда солдаты уходили с позиций, двинулся в полном составе и 2-й Карский полк, где служил Петр. Большинство солдат полка было ставропольчане, и теперь им надо было пробраться на родину в Ставрополь. Пошел с ними и Петр Шабров.

Из Ставрополя в Порт-Петровск Петр Шабров вернулся только в феврале восемнадцатого года и принялся за революционную работу.

В марте восемнадцатого года город был внезапно захвачен нахлынувшими с гор бандами имама Гоцинского. Застигнутый врасплох ревком Петровска спешно эвакуировался на пароходах в Астра-

хапь. Но лишь немногие из советских работников и бойцов успели выехать. Большинство осталось в городе. Остался и Петр Шабров, скрываясь у матери.

В городе начались грабежи, убийства и пожары. Это хозяйничали банды Гоцинского. В это время шел из Баку на родину Туркестанский полк. Вместе с подоспевшими на помощь отрядами астраханцев и бакинцев рабочие Петровска прогнали Гоцинского.

У большевиков Петровска было в эти дни немало хлопот. Банды Гоцинского, отступив и перестроившись, снова нагрянули с гор, заняли окраины города и угрожали вокзалу. Они подступили к городу как раз в тот момент, когда эшелоны Туркестанского полка только что оставили его. Туркестанцы, узнав о налете Гоцинского, немедленно вернулись в Петровск. Десятитысячная армия Гоцинского была окончательно рассеяна.

Варвара Егоровна редко видела сына в эти боевые дни. Когда прогнали последнюю банду из городских предместий, усталый, вернулся Петр домой.

— Вот что, мама, — сказал он, — если хочешь помочь нам, займись-ка убитыми и ранеными.

Варвара Егоровна, созвав соседок — жен и матерей рабочих, — принялась за работу. Свезли в одно место убитых, обмыли их. Собрали денег на похороны, достали оркестр и знамена.

*

Город жил напряженной и нервной жизнью.

Совету пришлось бороться с бандитизмом и грабежом.

Петр Шабров со своими товарищами немало поработал в эти дни. Часто среди ночи он вскакивал по условному сигналу и с винтовкой бежал на сборный пункт. И каждый раз с замиранием сердца провожала его Варвара Егоровна.

Не успел Петровск оправиться от налета Гоцинского, как подступил к городу новый враг — английский наймит полковник Бичерахов. Он шел с бронированным поездом, дальнобойной артиллерией и канонерками. Пять дней бились большевики Петровска с хитрым и ловким врагом. Но техника у врага была лучше нашей. Пришлось красным оставить Петровск. Едва вступили в город бичераховцы, как началась расправа с большевиками. Всех, кто был с оружием, немедленно забирали в контрразведку. Домовладельцы выдавали врагам оставшихся в городе большевиков.

Усталый и встревоженный, прибежал домой Петр. Винтовку спрятал в трубу. Город заняли враги. Надо скрываться.

Скрывались — кто где мог. Кто прятался в пивных бочках на складе Жигулевского завода, кто — на чердаках и в подвалах. Прятались в трубах, в лабазах и на плоту городского рыбного промысла. Контрразведка хозяйничала в городе. Каждый день возле холодильника находили трупы расстрелянных. Попался вместе с другими и Петр. В подвалах контрразведки арестованных долго и зверски избивали.

Заперли его с товарищами в тюрьме. Потом город забрали турки, и уцелевшим удалось выйти из тюрьмы. Вышел из тюрьмы и Петр. Варвара Егоровна плакала от радости: она не надеялась больше видеть его в живых.

И на этот раз недолго побыл Петр у матери. Не успели в городе обосноваться турецкие власти, как снова начали хватать большевиков. Тогда Петр Шабров уехал в Астрахань. И больше не вернулся. Только из Черного рынка он прислал маленькое письмецо.

«Мама, — писал он, — если хочешь помочь нам, организуй матерей и жен наших и держите связь с Красной армией».

И вот началась для Варвары Егоровны новая — третья — полоса жизни. Потеряв мужа и обоих сыновей, она нашла новую цель в жизни.

Варвара Егоровна стала в Петровске маленьким центром, вокруг которого завязались широкие подпольные связи. С этого момента Варвару Егоровну называли просто «тетя Варя». В ее полуподвальную квартирку на Соборной улице потянулись тайные нити из Астрахани с директивами партии, нередко от самого товарища Кирова. Через тетю Варю эти нити уходили в горы, где Буйнакский и Махач-Дахадаев собирали партизанские отряды в тылу у врага.

Порт-Петровск стал центром большевистского подполья в Дагестане.

Недалеко от города, за бурунами, на пустынной песчаной косе, по вечерам останавливались рыбацкие лодки. Люди выгружали на берег сети и рыбу, шли в буруны, к маленьким домикам железнодорожного поселка. Здесь в одном из домиков жил машинист станции Петровск-Кавказский. С песчаной косы к нему на квартиру под видом рыбаков приходили посланцы из Астрахани, приносили свертки с деньгами, подпольную литературу, директивы.

Иногда рыбацкая лодка, бесшумно подойдя среди ночи к берегу, так же бесшумно и незаметно уходила обратно в море, оставив в воде тяжелый груз. Утром выходили к морю из поселка женщины, товарки тети Вари, с корзинами белья. Кончив полосканье, они забирали вместе с бельем и груз, оставленный ночью рыбаками. Это была тяжелая железная банка с запаянной крышкой. Ее вскрывали, очищали от содержимого и снова запаивали. А вечером женщины, прикрыв бельем, относили банку на то же место у берега.

Астраханские «посылки» через своих людей передавались дальше, на квартиру к тете Варе. Отсюда увозили их в Темир-Хан-Шуру.

В городе и в соседнем ауле Тарки имелись для этого испытанные связисты. Они получали эти «посылки» — свертки с деньгами и литературой, а иногда и оружие — и на лошадях через перевал уходили в горы.

Случалось, к тете Варе являлись партийные работники, которым надо было помочь скрыться или пробраться в горы для работы.

Пришел к тете Варе и машинист, помогавший подпольщикам. Ему пришлось бежать из бурунов. Он получил задание — сбросить

с северного мола в бухту паровоз и вагоны. Надо было заградить выход в море для бичераховских судов. Но попытка не удалась. В депо возвращаться было нельзя. Начальник депо Ногайцев уже давно присматривался к подозрительному машинисту. И вот настало время скрываться от глаз контрразведки. Переночевав у тети Вари, он уехал в Баку.

Тете Варе помогали женщины-бондарщицы. Приходили к ней жены рыбаков, которые возили «посылки» и людей в Астрахань и обратно. Они переодевались мусульманками и ходили в горы по заданиям тети Вари.

Работа кипела. Между Астраханью, Баку и городами Дагестана установилась непрерывная связь. Росли и крепли подпольные отряды будущей Красной армии. Расширялась партийная организация. Но весной девятнадцатого года новый удар обрушился на большевиков Дагестана. Контрразведка белых почти полностью захватила подпольный военный совет в Темир-Хан-Шуре. Двадцать семь человек лучших боевых товарищей были застигнуты врасплох, и в числе их — товарищ Буйнакский.

Оставшиеся на свободе попытались было собрать партизанские отряды в горах и взять Темир-Хан-Шуру, но не удалось. Неудачей кончилась и вторая попытка — освободить заключенных во время перевода их в Петровскую тюрьму. Нападение на поезд у селения Кафыр-Кумух было отбито. Отряд красных, потерпев поражение, должен был снова рассеяться и скрыться. Тринадцатого июня девятнадцатого года по приговору военно-шариатского суда Буйнакский и двенадцать дагестанских большевиков были расстреляны.

Работать в подполье в городе и в горах стало труднее. Опасности и провалы грозили организации на каждом шагу. Но полуграмотная тетя Варя терпеливо и упорно продолжала свое дело.

Отдавшая все свои силы большевистскому подполью, она никогда не падала духом, вербовала людей, устанавливала «связи».

На станции Петровск работала своя, железнодорожная, организация. Тетя Варя связалась с ней. В среду подпольщиков проникли провокаторы. Контрразведка искусно ввела в организацию своего человека — офицера Брагина («Бориса»). Этот офицер в качестве жениха одной из подпольщиц выведал все, что было нужно, и в удобный момент захватил почти всю организацию. Арестовано было сорок пять человек, и среди них — тетя Варя. Впервые пришлось ей познакомиться с деникинской контрразведкой. Там она встретила многих своих товарищей по работе. Тетя Варя хорошо помнит Федосеева и его жену, избитых и окровавленных. Били и многих других. Тетю Варю не тронули, но пригрозили:

— Погоди, старая, и тебе достанется!

А потом был суд. Присудили к повешению. Но в это время тетя Варя заболела — у нее был тиф. Ее вынесли из зала суда на руках. Что было дальше — она не помнит.

Власти белых приходил конец. Отряды партизан уже подступали к Петровску. Красная армия надвигалась с Северного Кав-

каза, тесня остатки деникинцев. В марте месяце двадцатого года деникинцы спешно отступили под натиском Красной армии. Грузили пароходы, уничтожали ценное имущество, взрывали вагоны со снарядами. Не успев докончить расправу со своими жертвами, деникинцы оставили город. Наконец в город вступили красные войска. Незадолго перед этим, когда тетя Варя лежала в тюремной больнице, пришли контрразведчики, чтобы забрать ее и прикончить. Но врач не выдал и сказал, что она уже мертвая.

Тетя Варя осталась жива.

Е. ЧЕРКАСОВА

СЕСТРА-КАВАЛЕРИСТ

Я дочь рабочего-бондаря. Нас было девять детей, из них шестеро сыновей и три дочери. Бедность и нищета царили в семье. Родители были вынуждены нас с малых лет посылать работать к помещикам и кулакам. За пять месяцев работы одно ведро проса — вот сколько я получала. Было мне в это время восемь лет.

В тринадцатом году меня отдали по найму в станицу Баталпашинскую к торгашу Хомякову. Он меня избивал, а хозяйка заставляла стоять по целым ночам у кровати и чесать ей голову, чтобы ей лучше спалось. Тайком выходила я на двор и заливалась горючими слезами. На этом же дворе проживала врач Мухина — добрая старуха. Она часто видела издевательства надо мной моих эксплоататоров и от души жалела меня. Решив помочь, она устроила меня к себе в больницу в качестве рабочей. Там я проработала до пятнадцатого года. После этого родители забрали меня к себе в село Дербетовку Ставропольской губернии. Вскоре меня выдали замуж за одного из деревенских батраков. И я и мой жених были бедняки, поэтому пришлось занять у помещика Переверзева денег на свадьбу. После женитьбы нужно было итти к помещику отрабатывать взятые деньги. У Переверзева мы проработали до шестнадцатого года.

Скоро муж мой был взят на фронт, а мне пришлось опять итти работать по найму, уже с шестимесячным ребенком. В ноябре семнадцатого года вернулись с фронта два моих брата и забрали меня от помещика.

В это время в Медвежинском районе уже хозяйничали белогвардейцы и шли бои. Часть раненых красногвардейцев была привезена в нашу больницу в Дербетовку. Я поступила туда на работу в качестве сестры. Врачи и медицинский персонал отказы-

вались давать раненым бойцам первую необходимую помощь. В мае восемнадцатого года мои четыре брата пошли добровольцами в красногвардейский 1-й Виноделенский кавалерийский отряд, а я осталась при больнице.

Отец мой был осужден за убийство князя Чепуркина в Баталпашинском отделе. Этот князь-помещик издевался над иногородним крестьянством. Десять лет отец пробыл в тюрьме и ссылке и во время революции пятого года бежал. Он хорошо разбирался в политических вопросах. Работая в больнице, я часто с ним беседовала. Все спрашивала, когда же будет конец издевательству над нами. С малых лет кипела во мне обида за все то, что пришлось переносить от кулаков и помещиков.

В один из летних дней восемнадцатого года я дежурила в больнице. По селению проходил красногвардейский отряд. Командир отряда зашел в больницу и спросил раненых бойцов, кто у них врач. Они указали на меня. Командир засмеялся. Выглядела я не очень солидно — мне было девятнадцать лет. Он начал расспрашивать раненых бойцов, хорошо ли я за ними присматриваю. Они в один голос заявили: «Да, это наш верный товарищ. Она отдает нам все свои силы». Крепко, на всю жизнь запомнились мне эти слова.

Кончила я работу в больнице, пришла домой. Мать вручила мне распоряжение нашего сельского ревкома о немедленной явке в ревком. Там мне сообщили, что согласно распоряжению командира отряда я должна явиться в отряд и вступить в него. Я не упала духом, а, наоборот, вернулась домой такая радостная, что мать начала меня ругать:

— Что ты думаешь? На кого ты оставляешь малютку? — и начала плакать. Но отец мне сказал:

— Ничего, дочурка, пока я жив, буду воспитывать своего внука.

В этот же день прибыли домой мои два брата из отряда товарища Шейко. Они приехали вербовать добровольцев. Я решила отправиться со своими братьями добровольцем в отряд Шейко. Помощником командира этого отряда был мой муж Тимофей Степанович Черкасов. Так в отряде образовалось целое «семейное» звено кавалеристов: я, мой муж и четверо моих братьев.

Мне было тяжело оставлять своего ребенка. Ведь я, может быть, расставалась с сыном навсегда. Но я и вида не подавала, так как знала, что это необходимо для революции.

Отец мой, много испытавший горя в тюрьме и ссылке, провожая нас, говорил:

— Только вооруженной силой вы сможете завоевать свое право.

Я решила помогать бойцам на фронте, оказывать первую помощь в бою, лечить их раны.

Находясь при эскадроне, я всегда совместно с бойцами выезжала в разведку. В боях с белыми я также принимала с оружием в руках непосредственное участие.

Во время стоянки готовила совместно с бойцами перевязочный материал, который так трудно было достать.

В момент организации отряда в наших рядах совершенно отсутствовали специалисты-врачи — они не шли в красные отряды.

Приготовляли все сами, в боевой обстановке. Нам приходилось оказывать не только первую помощь раненым, но и ухаживать за ними до конца выздоровления, так как своих лазаретов у нас до девятнадцатого года не существовало.

Были на фронте тяжелые минуты, но я не терялась. Однажды пришлось бороться против паники, охватившей некоторую часть бойцов.

Это было во время боя под селом Петровским. У железнодорожной насыпи белые прорвали передовую нашу линию, и бойцы стали поспешно отступать. Мне удалось собрать часть бегущих, организовать их, после чего мы открыли огонь по противнику. Мы не только задержали его, но даже отбили пулемет с линейкой. Этот трофей был передан командиру 1-го кавалерийского полка товарищу Книга.

Во время неожиданного налета белых на село Предтечу мне пришлось отбиваться с ранеными при переправе через реку Калаус. У меня на руках был убит боец, но все-таки остальных удалось благополучно увезти.

С семнадцатью ранеными бойцами к вечеру добралась я до виноделенских хуторов. Здесь мне одной пришлось организовать питание для раненых и сделать им вторичные перевязки. После трехчасового отдыха ночью я отправилась с ранеными дальше, в Дербетовку. Прибыли мы туда в четыре часа утра. Я поместила четырех раненых бойцов своего эскадрона на квартире у своих родных, а остальных — в помещении Дербетовского ревкома, где всем был дан хороший приют и отдых. Утром организовала через местный ревком питание и сбор белья. Накормила, переодела всех раненых и отправила их в глубинный пункт — в село Рогули. Бойцов сопровождал мой брат. Сама же немедленно вернулась обратно на боевую линию.

Через три дня, когда бои утихли, я по распоряжению командира отряда выехала в Рогули к раненым. Там я организовала прачечную. Всех больных и раненых бойцов остригла. Обновила обслуживающий персонал и, наведя порядок, отправилась обратно в свою часть.

В астраханских степях, когда разразилась эпидемия тифа, я так же активно помогала больным и раненым бойцам.

В апреле девятнадцатого года противник окружил нас со всех сторон и повел ожесточеннейшее наступление. С нашей стороны было много раненых.

Еще утром почувствовала я себя плохо. К двенадцати часам делала перевязку раненым, уже ползая на коленях. Скоро потеряла сознание. Я заболела тифом.

После выздоровления вернулась к своей работе.

Во время боя за овладение села Ремонтного я была сильно контужена. Даже речи временно лишилась.

В боях за реку Дон в районе Воронежа часть 34-го кавалерийского полка была переправлена через железнодорожный мост на сторону противника. Под натиском белых наши бросились обратно через Дон, который уже начинал покрываться льдом. Бойцы переплывали на лошадях, а часть бросалась вплавь, без лошадей. Один из них не смог переплыть и остановился под мостом у быка, посредине реки. Я решила спасти его.

Закончив перевязку раненых бойцов и комиссара дивизии, я взяла с санитарной линейки бечеву, бросилась на мост, вокруг которого рвались спаряды, и спустила ее бойцу, находившемуся в реке. Но вылезти по бечеве он сам был не в силах, так как у него закоченели сильно обмороженные руки и ноги. Все же вместе с другим бойцом мне удалось вытащить его из ледяной воды. Я быстро сделала ему спиртовое обтирание, одела в тулуп и отправила в Воронеж.

Вся моя работа проходила исключительно на передовой позиции.

Вместе с нашими бойцами верхом на лошади по пятам бегущих деникинцев добралась я до Черноморского побережья.

Бывший наш комбриг, а ныне награжденный тремя боевыми орденами, комкор товарищ Апанасенко проявлял большое внимание к нам и всегда заботился о снабжении лазаретов необходимыми медицинскими материалами. Всегда он печалился о больных и раненых красноармейцах.

Очень требовательный в боевой обстановке, он пользовался громадным авторитетом среди бойцов. Его призыв — «Сыны революции, вперед!» — для каждого был законом, требовавшим немедленного исполнения.

Бойцы нашего кавалерийского полка всем, чем могли, помогали раненым товарищам и нам, обслуживающему персоналу. Всевозможными путями они доставали перевязочный материал и все нужное для первой помощи раненому. Особенно были отзывчивы в этом отношении бойцы села Николина балка и само население Николиной балки.

В. ГЛАЗЕПА

СЕСТРИЦЫ

Сентябрь семнадцатого года.

В Ростове формируется Красная гвардия.

Большевики двинулись на заводы и фабрики. Большевистские воззвания призывали к оружию.

Я читала в больнице няням и сестрам «Наше знамя» — большевистскую газету Ростова: «Записывайтесь в боевую рабочую дружину,

обучайтесь и вооружайтесь. Нам еще придется схватиться в мертвой схватке с капиталом...»

Сиделка Нюра, помню, спросила меня:

— Ты пойдешь, сестрица Варя?

Меня почему-то все называли «сестрицей», хотя я была простой санитаркой. Я ведь не училась никогда.

Отец и мать — батраки и сама я — батрачка. В шестнадцатом году солдаткой приехала в Ростов и поступила в областную больницу.

Работала я хорошо, врачи хвалили, а низший персонал меня уважал за то, что я много читала. Я и Ленина читала. Как же можно было теперь не вступить в ряды Красной гвардии?

И вот в ноябре семнадцатого года, когда в Ростове началась гражданская война, я пошла на фронт с боевой дружиной трамвайных рабочих. С трамвайными рабочими я и раньше встречалась. Часто бывала у них на собраниях.

Меньшевики сильно старались обрабатывать трамвайщиков.

Однажды, когда мы переизбирали советы, в трамвайное депо пришли большевики. На собрании было много рабочих, но в президиум вошли случайные люди. Большевикам, выступавшим на собрании, пришлось нелегко. Были недружелюбные выкрики.

В этот момент в депо появились меньшевики и эсеры — Васильев, Гуревич, Локкерман.

С каким апломбом стали выступать соглашатели! Им казалось, что они уйдут победителями, что трамвайщики отдадут им свои голоса в совет...

Но когда Гуревич гневно закричал: «Рабочие сами виноваты в беспорядках и разрухе!», его чуть не стащили с трибуны.

Так меньшевики сами себе вырыли яму. Трамвайные рабочие отдали голоса большевикам. С этим отрядом из трамвайного депо я и двинулась на фронт.

На фронте не было никакой медицинской помощи. Поэтому мне было поручено вербовать среди нянь добровольцев. Сначала были у меня только две охотницы, а затем к нам прибавилось еще пять человек. Моя обязанность состояла в заготовке медикаментов. Получать их надо было в больничной аптеке. Заведующий аптекой вначале категорически отказал нам в выдаче медикаментов. Только под угрозой расстрела он подчинился, и мы получили возможность брать из аптеки то, что было нужно на фронте.

Ростов несколько раз переходил из рук в руки. В город вошли черноморские матросы, калединцы отступили. Когда контрреволюционные банды ушли, часть калединских офицеров решила остаться в тылу, чтобы потом произвести панику и дезорганизацию в Красной гвардии. Тринадцать человек офицеров они оставили в палатах нашей больницы.

Калединцы переодели офицеров в женское белье, забинтовали их и разместили в родильном отделении между женщинами.

В больницу приехали матросы с корабля «Колхида», чтобы узнать, не скрываются ли здесь белые. Офицеров нашли. Их увели из больницы и расстреляли.

При Каледине я, находясь в подполье, распространяла прокламации и вела большевистскую агитацию.

Трудно было передавать листовки по корпусам областной больницы. Медицинский персонал был неорганизован. Большинство было против большевиков.

После самоубийства Каледина красные выгнали калединцев с Дона.

Три месяца на Дону была советская власть, но в апреле восемнадцатого года пришли немцы и генерал Краснов.

В больнице, где я работала, красновцы арестовали всех нянь и сиделок гинекологического отделения. Нас повели на Казанский проспект, 23. Там помещалась контрразведка. Я хорошо знала, в чем дело.

У нас в больнице лежала раненая сестра-большевичка. Раны у нее гнили, так как ей не делали перевязок и вообще не оказывали никакой медицинской помощи.

Что делать? В палате, где лежала сестра-большевичка, среди нянь были две, сочувствующие большевикам. Они ночью крали перевязочный материал и бинтовали ей раны.

Выходили мы нашу больную, но деваться-то ей было некуда. Документов никаких!

Получила я партийное задание: достать для нее в больнице документ умершей больной.

Добыли мы паспорт покойницы. Возраст не подходит, да ничего не поделаешь. Две недели жила она у меня, а потом опасно стало — надо было уходить. Нарядила я ее в свое платье, закутала платком, чтобы поменьше было подозрений, и она ушла. Что дальше было с ней — не знаю.

По этому делу нас и арестовали. Через три-четыре дня по поручительству врачей всех нянь выпустили кроме нас троих, принимавших участие в спасении этого товарища.

За нас поручительства никто не давал, и нам едва удалось выйти на свободу.

Еще при Краснове я вскоре уволилась из больницы. Целиком перешла на подпольную работу в качестве ответственного курьера.

Я ездила по всей области. Возила воззвания и прокламации, деньги и документы в Азов, Таганрог, Сулин, Новочеркасск. При поездке в Таганрог я тщательно укладывала на себе литературу, обматывалась бинтами и полотенцами, а при поездке в Новороссийск клала ее в корзинку. Со мной всегда были ящики, корзинки, мешочки — будто бы я за продуктами еду. Я изображала спекулянтку и при уходе из больницы всем говорила, что буду заниматься спекуляцией.

Приезжая в указанное место, я говорила пароль, товарищ тоже должен был ответить, как в пароле указано.

Одевалась я всегда разнообразно. В каждую станицу, в каждое село я приходила, одетая по-иному.

Очень трудно было ездить в Новороссийск. Из предосторожности я никогда не садилась в пассажирский вагон, а всегда ездила как спекулянтка — на угле, на крышах, с мешком на буферах. Напихаешь в мешок сверх прокламаций хлеба, семечек, старой обуви или еще какого-нибудь барахла, повесишь его на буфера и едешь так всю дорогу.

В Новороссийске явочная квартира была за Крепостной заставой у Марфуши (Крепостная улица, 23).

Помню мой первый приход туда. Дверь мне открыла женщина. Говорю пароль: «У вас сдается в аренду гараж для автомобилей?»

Женщина отвечает: «Нет, не сдается, потому что дворик маленький».

Тогда я спрашиваю:

— Марфуша?

— Да, — отвечает женщина.

У Марфуши я всегда останавливалась и передавала ей все партийные поручения.

Так же я работала и в девятнадцатом году. За Новороссийском, в горах, были наши партизаны — красно-зеленые. Им тоже надо было доставлять сведения, воззвания и т. д.

Мы с Марфушей пробирались туда по тропинкам, по горам, по ущельям. Марфуша знала все посты, где всегда стояли наши часовые.

Один раз мы натолкнулись на отряд белых. Пришлось вернуться.

Переоделись мы до неузнаваемости, у одной старушки попросили козу с двумя козлятами и погнали их пасти. В корзине у нас с собой были «харчи»: сверху насыпаны орехи, а внизу лежали документы.

Погнали мы коз.

Так начали их гнать, что козы, испугавшись, стали от нас удирать, — мы за ними. Так мы, обманув белых, благополучно прошли к красно-зеленым и передали все, что нужно было.

Ездила я в Вавиловку, под Таганрогом. Это было во время большого провала конспиративной квартиры, когда белые захватили типографию и арестовали многих товарищей.

Наши подпольные документы попали в контрразведку. Надо было немедленно выехать, сообщить всем организациям об этом. Члены подпольного комитета все выехали в Вавиловку. Там была явочная квартира, но когда они в Вавиловке все собрались, то и эта квартира провалилась. Поэтому ночью они перешли в шахту.

Один из оставшихся в ростовском подполье товарищей (фамилии его я не помню) вызвал меня и дал задание отвезти письмо в Вавиловку. Туда я отправилась под видом скупщицы соли. На дороге, у самой Вавиловки, меня остановила старушка и спрашивает:

— Вы куда идете?

Я говорю:

— Иду покупать соль.

Оглядела меня старушка внимательно и тихо говорит:

— Если вы не за солью, так вы мне скажите, а то сюда итти нельзя.

— Почему? — спрашиваю ее.

— Казаки всю крышу у Насти раскопали и засаду там оставили.

Заволновалась я, но виду не подаю:

— А почему вы думаете, что я иду туда?

— Мне сказали, если кто-нибудь приедет из Ростова — не допускать его в квартиру Насти.

Привела меня старушка в свой двор и говорит:

— Смотрите, они сидят вон на той горе, в жите. Там есть шахта каменная, они в шахте. Отнесите им поесть.

Положила она в корзину вареных яиц, кислого молока, хлеба. И пошла я в рожь, чтобы пробраться в каменную шахту. Пробиралась я к этой шахте ползком.

— Кто идет? — остановил меня какой-то человек.

— Я...

— Кто ты?

— Я — Варя.

— Подожди. Ни с места! Я тебе сейчас сообщу, — и он ушел.

Через несколько минут я была среди товарищей, которые с аппетитом уничтожали присланную старушкой провизию.

*

При Деникине я переходила белый фронт. Мне было дано задание подпольного большевистского комитета — проникнуть в тыл противника с целью выяснить техническую вооруженность белых. Недалеко от Павловки, у Таганрога, мне пришлось в ожидании прихода белых жить на хуторе у одной казачки, сильно обиженной белыми. У нее трое сыновей были расстреляны, два сына ушли в Красную армию, ее же до того избили, что она вся была в ранах. Попросилась я к ней переночевать и прожила двое суток, пока из Павловки не пришли деникинцы и не заняли этот хутор.

Тогда я пошла дальше.

Шагаешь в степи, прохожие спрашивают:

— Куда идешь, тетка? Да не знаешь ли, где красные да куда движутся белые?

Ну, ругаешь вовсю тех и других.

Так пробиралась я туда, где стояла вражеская артиллерия. Выяснив их силы, я пошла обратно. Как раз на этом участке фронта началось отступление белых. Тут я и застряла. Переночевав в поле, на следующий день добралась до позиции красных, но там меня не пропускали. Я вызвала комиссара и говорю:

— Пожалуйста, под винтовками ведите меня в штаб.

Дали мне двух красноармейцев, которые повели меня. В штабе, в секретной части, я все рассказала и сообщила о добытых сведениях.

В гражданскую войну у меня были две специальности: я была подпольным партийным курьером, а если приходилось попадать в бой, переключалась на медицину.

Лечила больных, перевязывала раненых. Когда последние остатки белых банд навсегда были изгнаны с Дона, я начала учиться. Так по медицине и пошла.

Сейчас я вспоминаю революционные боевые дни гражданской войны... Но не хочу вспоминать, что была я неграмотной солдаткой, что меня били и хозяин, и урядник, и, случалось, муж.

Теперь я работаю помощником директора поликлиники крайпромстрахкассы в Ростове.

ЗМЕЙСКИЙ РАССТРЕЛ[1]

Август восемнадцатого года был на исходе. Закончился во Владикавказе четвертый съезд народов Терека, начатый еще в июле.

Контрреволюционный мятеж казачьих верхов прервал съезд.

Враги укрепились в Моздоке, где вместе с предателями — эсерами и меньшевиками — образовали контрреволюционное «казачье-крестьянское» правительство во главе с меньшевиком Георгием Бичераховым.

На рассвете восемнадцатого августа восемнадцатого года бичераховские банды под командой полковника Соколова напали на Владикавказ и захватили его. Тринадцать дней шел бой за город. Под руководством Серго Орджоникидзе — «чрезвычайного комиссара юга России» — рабочие Владикавказа, трудовые горцы, делегаты съезда дрались с белыми бандами. Владикавказ вновь стал советским.

Съезд закончился после того, как Орджоникидзе и делегаты вернулись с фронта. Часть делегатов уезжала в свои станицы. Ехали по территории, захваченной белыми казаками, от станицы Эльхотово к станице Змейской.

Ранним утром к Змейской подъезжало несколько подвод.

Приближаясь к мосту, делегаты зорко всматривались в сторону станицы, расположенной сейчас же за ним. Обстановка казалась

[1] По воспоминаниям товарищей.

мирной, кое-где на завалинках сидели старики и старухи. Никаких вооруженных сил не было заметно. Но едва переехали мост, как с двух сторон появилось несколько казаков. Они потребовали, чтобы подводы, свернув с прямой дороги, заехали в станичное управление за пропусками.

— Здесь дороги без пропуска нет, — заявили казаки.

Стало ясно: попали в ловушку. Постепенно все подводы собрались на церковной площади у станичного управления. У ворот церкви стояли два орудия.

Богато разодетое казачество злорадствовало, считая, что уже одержана победа над советской властью. Они кричали что-то о бандитах, награбивших много денег, издевались над «совдепией» и «коммуной».

Но попадались в толпе и бедно одетые казаки и крестьяне, смотревшие на делегатов горестно и с испугом.

«Властей» долго не было. Толпа притихла, но не расходилась, ожидая, что будет дальше.

Наконец в час дня из станичного управления вышел офицер и объявил, что пропуска дадут только делегатам съезда. Для этого делегаты предварительно должны сдать свои мандаты. Кое-кто пошел их сдавать. Некоторые говорили, что не следует сдавать мандатов и самое лучшее — спасаться бегством.

На одной из подвод сидел загримированный Пашковский — председатель совнаркома Терской республики — в накладных усах и форменной фуражке. С ним вместе сидела Аня Блюменталь, девушка восемнадцати лет. На съезде самая тяжелая работа лежала на ее плечах. Она устраивала делегатов на квартиры, доставала им пищу и заботилась обо всем.

Аня работала в Кисловодске с начала восемнадцатого года. Ее любили все, кто с ней сталкивался. Энергичная, живая, она организовывала работниц, шла всегда первой на фронт и в самых опасных местах держала себя смело и решительно.

Теперь тяжелая, опасная обстановка оживила ее еще больше. Бодрое ее слово и милая улыбка поднимали настроение товарищей.

Первым ушел за пропуском Тюленев — председатель Кисловодского совета. Видя, что его долго нет и никто еще не получил пропуска, товарищи стали беспокоиться. Технический секретарь большевистской фракции съезда уничтожил документы, сохранившиеся у него: список членов фракции, финансово-отчетные документы и т. п.

Вдруг из станичного управления послышались шум и крик. Прорывались злорадные возгласы и смех:

— Пашковский! Пашковский! Попался, голубчик. Вот он!

Группа казаков и офицеров окружила подводу, на которой человек в форменной фуражке разговаривал с Аней Блюменталь. Сорвав с него накладные усы, с шумом и криком они повели его в управление.

Спустя некоторое время из управления под конвоем вышли Пашковский и Тюленев. Их повели в станицу. Ни у кого не было сомнения в том, что их расстреляют.

Затем снова появился казак и, вызвав нескольких человек по фамилии, сказал:

— Идемте в станицу Александровскую для допроса!

В сопровождении четырех казаков часть делегатов направилась в сторону Нальчика. Было уже часов десять вечера. Тихо и тепло. Светила полная луна.

Люди шли медленно, усталые, голодные. Изредка доносились отдаленные взрывы — это белые взрывали железнодорожные пути.

Когда поравнялись с кукурузным полем, один из казаков показал рукой направо и сказал:

— Здесь их расстреляли.

Все поняли, что он говорит о товарищах Пашковском и Тюленеве. Но никто не произнес ни слова.

Прошли кукурузу, потом часть голой степи. Подошли к другому кукурузному полю. Казаки крикнули:

— Стой!

Остановились. Казаки подняли винтовки, и все поняли, что наступил конец.

В этот момент раздался громкий, взволнованный голос Ани:

— Товарищи! Подождите! Я вам что-то скажу!

Казаки не крикнули, как обычно кричат белые: «Только без «товарищей!» Это вселило надежду на спасение. Казаки продолжали держать винтовки наготове и молча ожидали.

Аня задыхалась. Затем, овладев собой, сказала:

— Большевики — не бандиты, а делегаты народного съезда, который решил вопросы в интересах трудящихся. Национальную вражду раздувают нарочно белые генералы... Вы знаете, кто такие большевики и за что они борются?

Откуда брались слова у этой девушки! Глаза у нее горели, казалось, что она на многолюдном митинге. Остальные товарищи молчали. Их лица, освещаемые зеленоватым светом луны, были мертвенно-бледными. Казаки слушали не прерывая.

— Вы нас убьете. Но чего вы этим достигнете? — звучал голос Ани. — Советская власть все равно будет существовать и еще больше укрепляться. Только на вашей совести будет вечный укор, что вы убили тех, кто боролся и умер за ваши же трудовые интересы... Какие же мы вам враги? Я вот еще совсем молода, только что еще жить начинаю. Если можете — стреляйте!..

Тогда один из казаков опустил винтовку и сказал, обращаясь к другим:

— Я не буду стрелять!

Другой казак прошептал, повернувшись к остальным:

— Я тоже не буду!

Они молча опустили винтовки.

Тогда один из делегатов — Долобко — обратился к ним:

— Товарищи, отпустите нас. В трех верстах отсюда Кабарда. Мы через полчаса будем там. А вы дайте залп в воздух, и никто ничего не узнает.

— Нет, мы этого сделать не можем, — сказал один из казаков. — Нас расстреляют.

У казаков были очень растерянные лица. Видно было, что и большевиков им жалко и белых они боялись и все это дело — им не по душе.

Делегатов повели обратно в Змейскую. Дорогой они много разговаривали с казаками.

Впервые, вероятно, эти казаки услышали большевистскую правду. Долобко так хорошо и так просто все объяснял. Казаки внимательно слушали, задавали вопросы, и видно было, что они очень удивлены. Когда подошли к крылечку правления, двери в него были широко открыты. Возле двери стоял караульный.

— Мы не хотим стрелять, — сказали ему казаки.

Часовой изумленно посмотрел, повернулся и пошел в правление. Через несколько минут позвали туда всех.

— Почему вы вернулись? — спросил полковник Кибиров казаков.

— Мы не хотим стрелять, — ответили они.

Кибиров с досадой хлестнул нагайкой по голенищу и, помолчав, сдержанно сказал казакам:

— Вы свободны!

Кибиров кивнул двум офицерам. Те пошли вслед. Потом он повернулся к оставшемуся офицеру и спросил:

— Ну, а вы как?

— Слушаюсь, господин полковник! — ответил офицер.

Назвав фамилии нескольких офицеров, Кибиров послал за ними казаков. Все делегаты подавленно молчали, так как понимали, что эта отсрочка не меняет дела. Вдруг Блюменталь бросилась с кулаками на Кибирова и закричала:

— Отдайте нам труп Пашковского! Отдайте нам наших товарищей!

Больно было смотреть на ее бледное лицо, на всю напряженную, хрупкую, юную фигурку. Кибиров с усмешкой ответил, что товарищи находятся в Александровской.

— Вот вы туда пойдете и там с ними встретитесь...

После этого всех отвели в соседнюю комнатушку. За перегородкой белые о чем-то долго и тихо говорили. Через некоторое время снова вызвали товарищей Долобко, Хейфец и Блюменталь и объявили им:

— Вы пойдете в Александровскую на допрос.

До Александровской никто не дошел: всех их расстреляли по дороге офицеры.

П. КАРТАШЕВА

В РОСТОВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Весть о свержении самодержавия была получена на табачной асмоловской фабрике в Ростове перед вечером.

Вместе с товарищами я побежала в казармы. Там большевики уже объявили солдатам о революции, о свержении царского правительства. Рабочие и мы, работницы, беседовали с солдатами весь вечер и призывали их на следующий день присоединиться к нашей демонстрации.

На фабрике у нас в эти дни шли митинги. Выступали представители разных партий, даже кадеты — и те ораторствовали.

Помню, выборы в первый совет на нашей фабрике были очень бурными. Одни говорили — надо выбирать большевиков, другие кричали — меньшевиков. Меньшевики вели себя безобразно: подняли крик, свист, учинили дебош.

В Ростово-нахичеванский совет было избрано большевиков человек двенадцать, меньшевиков — больше. Это было в марте семнадцатого года.

Основной вопрос, по которому тогда в совете шла напряженная борьба, был вопрос о войне.

То и дело нас вызывали по телефону на экстренные заседания совета.

В мае семнадцатого года в Ростове произошли большие события. На Дон надвигалась черная туча.

В Новочеркасске двадцать шестого мая семнадцатого года Каледин торжественно был провозглашен атаманом. Большевикам пришлось бороться с казачьей контрреволюцией и с агентурой Временного правительства — комиссаром Зеелером и его свитой из меньшевиков и эсеров.

Меньшевики понимали, какая опасность идет с заводов и казарм, и требовали посылки солдат на фронт. Они говорили:

— Надо заставить солдат ехать воевать!

Под нажимом меньшевиков совет принял решение послать на фронт 249-й полк. Однако на фронт никто не пошел. Четырнадцатого августа семнадцатого года солдаты вышли вместе с рабочими на демонстрацию.

Когда двадцать шестого сентября на общегородском собрании фабрично-заводских комитетов был избран начальником Красной гвардии большевик, рабочие валом повалили в рабочие отряды. Записалась и я в отряд.

В октябре я вошла в новый большевистский совет.

Трудно забыть страшную ночь с двадцать пятого на двадцать шестое ноября, когда на совет напали белые разбойники генерала Потоцкого и убили товарищей Кунда и Казберюка.

На траурном митинге рабочие поклялись отомстить за смерть товарищей.

— Долой калединщину! Да здравствует совет! — неслись отовсюду возгласы.

Митингом руководили большевики.

Глубокой осенью ревком провел переформирование Красной гвардии. Мы в это время были на позиции — в степи около бойни. К нам явился делегат ревкома. Мы все собрались во дворе бойни и выслушали его сообщение.

— Нам нужно, товарищи, — сказал представитель ревкома, — так укрепить Красную гвардию, чтобы она могла защищать права рабочего класса и разбить войска Каледина, протягивающего к Ростову свои кровавые лапы.

Тут же происходила организация подсобных групп рабочих. В красногвардейские отряды записывались не только мужчины, но и женщины. Много работниц нашей фабрики вступило в отряды санитарками, сестрами.

Больные, раненые солдаты-фронтовики оставляли лазареты и тоже вступали в ряды Красной гвардии.

Мы защищали Ростов. Противник захватил Нахичеванский полустанок. Во время боя мы, сестры-санитарки, были в передовой цепи и своих раненых выхватывали прямо из-под огня. Первый перевязочный пункт у нас был в бойнях.

Когда начался бой, работницы бросились на передовые позиции. Вокруг — грохот, стрельба, крики, стоны и смерть. Идем вперед. Бойцы нас предостерегают, кричат: «Ниже головы держите, наклоняйтесь!» Берем раненых, кладем на носилки. Противник, очевидно, нас заметил и начал осыпать пулями.

Раненых мы переносили в первый попавшийся дом, делали перевязки и отправляли на главный пункт — в бойню, а затем их распределяли по лазаретам.

В этих боях с калединцами было убито несколько партийных товарищей. Екатеринодарский партийный комитет командировал товарища на похороны павших героев. Но поезд из Екатеринодара опоздал, прибыл уже после похорон. Помню, как по темным улицам осажденного Ростова мы вместе с товарищем из Екатеринодара пробирались на кладбище, чтобы возложить на могилы павших товарищей ленты с последним приветом от екатеринодарских большевиков.

Кончились бои. На этот раз мы были разбиты, белые победили. К нам на асмоловскую фабрику в фабричный комитет пришли меньшевики.

Мне и другим товарищам, находившимся на профсоюзной работе, они злорадно объявили:

— Можете уходить, мы занимаем ваше место.

Мы ушли, но продолжали подпольную работу в цехах. На нашей фабрике в большевистской организации было двенадцать человек. Собирались мы нелегально.

Остались семьи арестованных и убитых товарищей. Мы ходили по квартирам, делали сборы и помогали этим семьям.

Рабочие все больше и больше отходили от меньшевиков. Как-то пришел к нам на фабрику меньшевик. Собрав митинг, он начал распинаться:

— Войну надо продолжать. Закончим ее, тогда будем выбирать Учредительное собрание.

Рабочие начали кричать:

— Меньшевик! Долой! Вон! Тащи его!

Еле унес ноги.

Фабрика наша была настроена большевистски.

В феврале восемнадцатого года Ростов снова был взят красными.

Первым делом мы отобрали у хозяев фабрики и заводы, установили рабочий контроль, поставили всюду своих людей. Мы укрепляли советскую власть.

В мае город был занят белыми и немцами. Краснов укрепился в Ростове. Наши отступили. Часть осталась в Батайске, остальные пошли дальше. Через месяц наши оставили Батайск.

Белогвардейцы залили Батайск рабочей кровью: расстреливали, резали, рубили, вешали...

Перед отступлением из Ростова меня вызвали в ревком и сказали:

— Оставайся здесь, твоя квартира будет явочной. Будешь держать связь.

Я согласилась. Работы было много.

Первым ко мне приехал товарищ из Донбюро.

На фабрике было неспокойно. Хозяин фабрики, пользуясь тем, что теперь в его руках власть, начал увольнять рабочих. Мы забастовали. Хозяин нам предложил оставить всех работниц с условием снизить расценки. Мы на это не согласились. Выбрали стачечный комитет и провели итальянскую забастовку. Тогда хозяин выкинул нас за ворота. Мы простояли за воротами двенадцать суток и предъявили хозяину снова те же требования. Нам заявили, что рабочих уже набрали, но эти рабочие говорили:

— Мы не работаем, мы гвозди кидаем в машины. Не сдавайтесь! — и выносили нам собранные деньги. Помогали нам также забастовавшие рабочие завода «Аксай».

На тринадцатый день забастовки наши требования были удовлетворены.

В это же время бастовал завод Максимова, находившийся под влиянием большевиков. С этим заводом у нас была большая связь. Когда бастовал какой-нибудь завод, мы собирали деньги, приходили туда, вызывали руководителя, отдавали деньги и обещали свою помощь.

— Только не сдавайтесь, держитесь, — подбадривали мы рабочих.

Во время деникинщины партия послала меня к крестьянам с воззванием. Нужно было сорвать деникинскую мобилизацию.

Нарядилась я крестьянкой и поехала в деревни Каял и Кулиновку.

Положила листовки в сумку, накрыла мешком, сверх картошки насыпала, свертки с сахаром положила, якобы гостинцы для деревни везла.

Обыкновенно было так: отыскав на селе нужного человека, говоришь ему пароль: «Я привезла папиросы «КА». Ну, он и зовет тогда в избу. Тут начиналась наша совместная работа. Крестьянин помогал мне выявить подлежащих мобилизации и распространить среди крестьян на селе воззвания. Дело кончалось тем, что я забирала паспорта товарищей и уезжала обратно. В Ростове мы фабриковали нужные документы, и я опять тем же порядком привозила их обратно в деревню. По этим документам молодежь не подлежала призыву.

Так мы «помогали» Деникину проводить мобилизацию.

После провала нашей типографии в Нахичевани ко мне на квартиру принесли пишущую машинку, прокламации, оружие и у меня отпечатали воззвание «К казакам». Приходили товарищи, и я эти прокламации передавала им.

Кроме явочной квартиры у меня оказалась теперь и подпольная типография. Печатал воззвания Селиванов, погибший в Геленджике.

Тяжелее всего была измена... Когда в наши ряды проникал провокатор — много товарищей погибало!

В конце девятнадцатого года, когда к Ростову подходила Красная армия, к нам прибыли от красно-зеленых шестеро ребят для получения оружия и денег. Мы снабдили их оружием.

Партийный комитет требовал, чтобы они немедленно уехали обратно, так как аресты в Ростове усилились.

Не послушались ребята, остались в Ростове и пошли в цирк. А за ними следили.

Их выдал провокатор Абросимов. Пришли на квартиру к ним сыщики и всех забрали.

Узнав, что ребята наши арестованы, я побежала к одному из подпольщиков, к Романенко, — у него тоже была подпольная явка. Оказалось, накануне белогвардейцы забрали и Романенко.

Все арестованные сидели в сыскном. Мне необходимо было узнать, за каким следователем числятся товарищи Максимович и Романенко. Пошла я в сыскное и добилась личного свидания с Максимовичем. Это стоило двести пятьдесят тысяч рублей. Максимович мне сказал, что числятся они за следователем 8-го участка. Иду туда, к следователю, и как «тетка» арестованных утверждаю, что они — фронтовики, награждены георгиевскими крестами, прибыли сюда временно, не понимаю, за что арестованы, и уверена, что по ошибке.

Я вытираю слезы платком и умоляю следователя:

— Дайте их мне на поруки!

Следователь соглашается и требует за Романенко восемь миллионов, а за Максимовича — двенадцать миллионов. Между прочим он задает мне вопрос:

— А где же вы возьмете такие деньги?

— У меня есть дом, я заложу его, — ответила я.— Заложу все, что имею, но племянников своих возьму на поруки.

Были у Романенко и Максимовича родные, но они от них отказались.

Я проследила, когда Романенко и Максимовича повели в тюрьму. Пошла за ними. Конвоиры— маленькие, слабенькие: толкнуть хорошенько, взять винтовку — и готово!

Но никто на это не решился.

За Романенко деньги были внесены, его сумели выручить, за Максимовичем должна была притти его жена, но она не пришла. Выкупить остальных мы не успели, так как началась эвакуация белых. Ничего нельзя было сделать. Белые перед уходом уничтожили всех политических.

Перед казнью я подошла к тюрьме и стала ходить под окнами. Максимович, наверное, меня увидел, потому что до меня долетели его слова:

— Прощайте, мы больше не встретимся, мы уже осуждены!

Наутро я узнала, что товарищи повешены. Максимовича повесили в городе, Волоцкого — в Нахичевани на 20-й линии, а Бондаренко — на станции. Селезнев висел возле театра.

Погибли товарищи, не дожили до нашей победы!

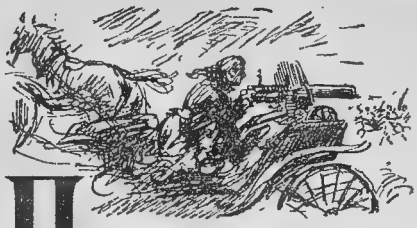
★

Восьмого января двадцатого года в семь часов вечера Красная армия вошла в Ростов снова. Теперь уже навсегда была восстановлена советская власть.

Вот тут я и провалилась как организатор. Комитетом мне было дано задание — организовать встречу кавалерийских войск товарища Буденного с музыкой. Мы думали, они войдут с таганрогского, а буденновские войска вошли с нахичеванского направления — моя музыка оказалась не у дел.

Товарищи Ворошилов и Буденный побывали у нас на фабрике.

Трудно передать тот подъем, энтузиазм, который охватил наш рабочий коллектив во время этой радостной и долгожданной встречи!



З. ПАТРИКЕЕВА

БОЕВОЙ ПУТЬ

Помню, как девятнадцатилетней девушкой очутилась я на улицах Екатеринослава, совершенно одна, голодная и без копейки в кармане. Я бежала из Николаева, где работала на табачной фабрике. Там были сильные бои. Немцы, занявшие город, направо и налево расстреливали безоружных рабочих. Это было летом восемнадцатого года.

Голод меня мучил все больше и больше. На одной из центральных улиц я остановилась перед витриной большого кондитерского магазина. Чего там только не было! Горы тортов, всякие пирожные, шоколад в красивых коробках. Глотая голодную слюну, долго стояла я перед витриной — не в силах оторваться от этих чудесных лакомств.

— Не угодно ли вам поработать? — внезапно услышала над ухом я мужской голос. Передо мной, улыбаясь, стоял незнакомый человек. Оказалось, это был вербовщик рабочих на кондитерскую фабрику Рупанера. Заметив мой голодный вид, он сразу же сообразил, в чем дело. Конечно, я с радостью согласилась.

Навсегда запомнилась мне эта фабрика! Я попала на самую тяжелую работу: крутить тяжелый, семипудовый, раскаленный барабан, где жарилось какао — большие коричневые бобы. Их привозили откуда-то из Южной Америки или Африки. Каторжный был труд. Приходилось с утра до ночи руками вращать барабан. Гнулась и ныла спина, надрывался живот. Ложась ночью спать, я рук и ног своих не чувствовала. Самым мучительным было утреннее пробуждение, когда сильные звонки подымали с коек спящих рабочих и гнали на проклятую работу. Сутулость у меня осталась на всю жизнь.

*

Петлюровцы подошли к Днепру и, стоя по ту сторону реки, засыпали Екатеринослав тяжелыми снарядами.

Трудовое население пряталось по погребам, самые смелые брались за винтовки. Фабрика Рупанера остановилась: разбежались все рабочие.

Артиллерийский обстрел города усиливался с каждым часом. Снаряды били по рабочим окраинам. Все вокруг гремело, дымилось, стонало... Охваченные ужасом, мы бежали, куда глаза глядят, лишь бы только уйти из-под огня. Нас было пятнадцать человек.

Не помню, как выбежали мы на Журавленскую окраину и перебрались через железнодорожную насыпь. Тут уже обстрел был слабее. По дороге встретился нам глубокий овраг. Мужчины — все четырнадцать — благополучно спустились вниз и взобрались на противоположный обрыв, а я одна отстала. Повисла на обрыве, никак не могу взобраться. Кричу изо всех сил, плачу, но ребята не слышат, бегут все дальше и дальше. Руки у меня слабеют — вот-вот сорвусь на дно балки... К счастью, поблизости стояла избушка, где жил старик-крестьянин. Видимо, он услышал мои крики и поспешил на помощь.

— Дочка, — говорит мне сверху дрожащим голосом, — мой сын сейчас расстрелян белыми. Дай руку, я помогу.

Вытащил меня из балки и показал вдаль:

— Вон туда ваши убежали. Беги скорее, а то и тебя убьют.

Дал мне краюху хлеба и пошел обратно в хату, а я пустилась бежать вдоль полотна железной дороги. Только у ближайшего села догнала, наконец, товарищей. Они уже начали обо мне беспокоиться и сильно обрадовались, когда увидели, что я цела и невредима.

★

Дальше мы пошли пешком, все пятнадцать кондитеров. Где-то удалось ребятам раздобыть оружие.

— Возвращаться нам обратно нельзя, — сказал наш старший.— Позади—смерть, а впереди—неизвестность. Так давайте искать лучшее — живой всегда ищет жизни. Будет у нас отряд боевой. Вооружимся, ребята, дойдем до села, там еще наберется группка. Двинемся прямой дорогой на восток и присоединимся к большевикам.

Так и порешили.

Добрались до какой-то деревушки, усталые, голодные. Попросили крестьян дать чего-нибудь поесть. Нас спросили:

— Вы за большевиков или за белых?

— Мы за большевиков, убегаем от белых.

Тогда в деревне покормили нас картошкой и капустой. Хлеба у крестьян не было. Так шли мы много дней, кормясь в деревнях. Мужики часто меня останавливали:

— Ты куда, девушка, с ними идешь?

И предлагали остаться у них. Но я не оставалась, а шла со своим отрядом все дальше и дальше на восток.

Тем временем в Екатеринославе одна власть сменялась другой. Появился бандит-головорез Махно. Белые банды кишели не только позади, но и впереди нас. Несколько раз мы прорывались сквозь неприятельские заграждения.

Как-то встретились с таким же, как наш, партизанским отрядом, соединились с ним и вместе двинулись дальше на Донбасс. Это были мои земляки — екатеринославцы. Руководил отрядом старый большевик—мастер фабрики Рупанера. Ко мне он относился, точно к родной дочери. Видя, что я готова ко всяким лишениям и партизанская жизнь для меня не страшна, он стал давать мне ответственные

поручения. Всякий раз, когда мы подходили к деревне, наш командир посылал меня:

— Пойди, дочка, туда, разузнай, кто там. Только будь осторожна.

Я пробиралась в деревню, узнавала, что нужно, и возвращалась с донесением.

Нам посчастливилось достать у крестьян лошадей. Стал наш отряд конным. Было нас уже полтораста человек, — во всех селах, через которые мы проходили, присоединялись к нашему отряду крестьяне. Я тоже получила коня, хоть и не умела ездить верхом. Трудно было первое время привыкнуть сидеть в седле, ноги ломило. Но я хоть и не умела ездить, однако с лошади не падала. Бойцы любили меня за то, что я старалась не отставать от мужчин и становилась настоящим кавалеристом.

В то время на мне еще была юбка — широкая, деревенская. Странной, вероятно, казалась я крестьянам и крестьянкам: не привыкли они видеть женщину-бойца.

Некоторые смеялись надо мной, а некоторые говорили:

— Не езжай с ними, убьют тебя. Останься здесь. Мужское это дело, а не женское.

Я им ничего не отвечаю. Пришпорю лошадь и лечу вперед, догоняю товарищей.

Мы искали дорогу к Буденному, о котором по степям, как ветер, неслась молва. Рассказывали, что он идет за рабочих, за бедняков и собирает отряды конницы против Деникина.

Помню, как прорывались мы в донских степях, ускользая от белых, как дошли до Северного Кавказа, как крутились под станицей Платовской, родиной Буденного, пока, наконец, не нашли отряд Семена Михайловича и не присоединились к нему.

★

В то время буденновцы представляли собой еще недостаточно организованную массу, кое-как одетую, сидящую на разных конях. Что отбирали у неприятеля, в то и наряжались, только тем и питались.

В нашей части лишь я одна была женщина — табачница, ткачиха и конфетчица.

Дали мне самую никудышную кобылку. Лошадь у меня скверная-прескверная. Несется, бывало, наш отряд, а я от всех отстаю. Очень мне было обидно. Заметил это Семен Михайлович — стал он ребят журить:

— Что же, раз она женщина, вы ей дали наихудшую кобылу?.. Не считайте ее за женщину, а считайте за боевого товарища.

Подозвал меня к себе:

— Как тебя зовут?

— Зина.

— Пусть она будет с сегодняшнего дня Зиновием. И дайте ей хорошего, быстрого коня, чтобы она не отставала, а была впереди.

Тут же выдали мне прекрасную лошадь — вороную высокую, резвую, хорошо оседланную. Села я на вороного коня и стала отныне не Зиной, а бойцом Зиновием. Свою широкую юбку я разрезала надвое, пришила пуговицы, получилось нечто вроде брюк, удобных для езды верхом. Выдали мне защитную шинель, папаху, сапоги. Стала я по виду — мальчишка-кавалерист, боец в бою и сестра милосердия после боя.

Сам Буденный был нам всем близким товарищем. Я неоднократно ходила с ним в атаку. Едва вспыхнет бой, Семен Михайлович первый с саблей наголо несется на врага.

★

Однажды сделали мы налет на станицу Платовскую, занятую деникинцами. Стояла глухая, темная ночь, тускло светил фонарик у станичного управления.

В то время как отряд тихо подобрался к станичному управлению, оттуда выводили на расстрел восемь арестованных большевиков. Буденный, выхватив шашку, первым бросился на деникинцев, за ним — отважный калмык Городовиков. Несколько конвоиров упало, зарубленные на месте, остальные разбежались, побросав оружие. Освобожденные смертники, схватив винтовки деникинцев, тут же присоединились к нам. Бой был упорный. Белые отчаянно защищались. Только к рассвету мы очистили от них станицу.

В руках Буденного оказались две пушки, четыре пулемета, 300 винтовок, до 20 тысяч патронов и 150 оседланных лошадей. Теперь наш небольшой отряд был хорошо вооружен.

Через три дня в станицу Платовскую пришел отряд Никифорова — 300 пеших и 60 конных бойцов. Оба конные отряда слились в один эскадрон под командованием Буденного. Это была уже сила, которая могла померяться с белогвардейскими отрядами и в открытом бою, а главное, под прикрытием ее могла развертываться работа по организации советской власти на местах. Весь Платовский район был разделен на взводные, ротные и батальонные участки. Желающих встать на защиту советской власти оказалось много. Нехватало только оружия. В Платовском районе удалось собрать до трех тысяч бойцов.

Подходя к станции Куберле, отряд Буденного столкнулся с белыми. Деникинцы были отброшены к реке Сал.

Вокруг Куберле скопилось до 20 тысяч беженцев со своим скарбом. Здесь Буденный, присоединив к себе конные части из других отрядов, развернулся в конный дивизион, состоящий из двух эскадронов. Через некоторое время отряд, еще более увеличившийся, превратился в 1-й рабоче-крестьянский конный полк. К концу августа восемнадцатого года в нем было уже одиннадцать эскадронов (всего до 1 500 сабель).

Так росла конница Буденного. Из дивизии она выросла в корпус, затем в пролетарскую Первую конную армию. В боях на реке Маныч конница Буденного проявляла чудеса героизма. Во время

половодья пришлось почти по горло в ледяной воде переправляться через Маныч. Руководимая лично Буденным, красная конница с боем перешла реку и нанесла белогвардейцам жестокий удар. Буденный, хоть и был ранен, все же не оставлял руководства боем. Такая переправа под огнем так подействовала на белых, что они несмотря на численное превосходство в панике бежали.

На станции Сватово красной конницей была захвачена громадная военная добыча: три бронепоезда, двенадцать паровозов под парами, масса продовольствия, телеграфное имущество и пр. При дальнейшем движении, у станции Дебальцево, 4-я кавалерийская дивизия совместно с 6-й наголову разбила знаменитую Марковскую дивизию, почти целиком состоявшую из офицеров. Было это двадцать девятого декабря девятнадцатого года. В тот же день 11-я кавалерийская дивизия лихим налетом захватила станцию Никитовку, где взяла более трех тысяч пленных, три бронепоезда и массу другого имущества.

★

Это было под Царицыном, в Лихой.

Мы зашли в эту станицу—усталые от долгого похода, голодные, замученные. Несколько бойцов, и в том числе я, заглянуло в хату одной зажиточной крестьянки и попросило дать поесть.

— Сейчас, детки, накормлю вас хлебом и кислым молоком, — ласково ответила хозяйка. — Вот только опущусь в погреб.

Мы уселись за стол, ждем.

Вдруг из печки загремели выстрелы в нас. Поднялся переполох. Бросились мы врассыпную — кто в дверь, кто в окно.

Очнувшись от испуга, подскочили обратно к дому, окружили и, открыв огонь, ворвались внутрь.

Я видела в окно: из печки выскочил человек. Он поднялся на чердак и хотел было оттуда бежать в сад. Я ударила из нагана, и он, раненый, свалился с чердака в нескольких шагах от меня.

— Негодяй! — закричала я. — Бросай наган!

Он послушно бросил. Оказалось, это был сын «гостеприимной» хозяйки, белый офицер.

С него сняли допрос о расположении белых в районе Лихой.

А ласковая наша хозяйка долго не вылезала из погреба. Не помню уж, вытащили ли мы ее оттуда или так и оставили.

★

Наша 11-я дивизия подходила на крепких конях к белой твердыне — Ростову.

День был пасмурный, туманный. Перед нами стоял Георгиевский полк, состоящий исключительно из офицеров, награжденных георгиями. Что это были за душегубы!

Когда мы с ними столкнулись, они оказали сильное сопротивление. Тогда мы слезли с коней, обнажили сабли и пошли на дворянских сынков в пешую атаку.

С наганом в руке я врезалась в толпу офицеров и, выпустив все семь патронов, уложила нескольких человек. Какой-то испуганный офицер поднял вверх руки. Я подскочила к нему и сорвала с него погоны и орден. Георгиевский крест был по краям отделан эмалью, а внутри на золотом фоне — изображение Георгия-победоносца, который топчет дракона копытами коня.

Не знаю, кого обозначал тот змей, которого топтал Георгий-победоносец. Может быть, белые хотели так же вот и нас растоптать, однако вышло наоборот.

Под Ростовом мы взяли много орудий и винтовок. Славная была победа!

Мне попался ручной пулемет «максим». Я привязала его к седлу и всегда с тех пор возила с собой. Чуть начнется бой — спешиваюсь и засыпаю белую сволочь пулями.

Товарищи научили меня хорошо стрелять. Я вполне овладела искусством стрельбы из винтовки, из нагана и из пулемета.

При взятии Ростова Климент Ефремович Ворошилов командовал всем фронтом, и вместе с ним на передовых позициях был Семен Михайлович.

Взяли мы Ростов восьмого января двадцатого года.

Белые были застигнуты врасплох. Офицеры гуляли по улицам и пьянствовали в кабаках. Мы налетели на них внезапно, как орлы.

Радовала меня эта победа! Лошадь моя вся была украшена офицерскими погонами — я сорвала их, сколько могла, и прицепила к хвосту и гриве своего коня. Точно так же поступали и другие буденновцы. Забавный вид имели наши боевые кони, обвешенные золотыми и серебряными погонами.

Покормили нас в Ростове отлично. Население встречало с радостью. Хозяйка квартиры, где я остановилась, — местная работница — все допытывалась:

— Много ли вас идет? Долго ли пробудете в Ростове?.. Не пускайте белых обратно, они нас замучили.

Я ей сказала:

— Черное море и Азовское — вот куда мы их погоним.

— Есть ли у тебя родители? — расспрашивает меня дальше хозяйка.

— Я—круглая сирота и не помню своих родителей, — отвечаю ей. — Но напрасно вы меня жалеете. Тяжел наш поход, но дальше лучше будет.

Хозяйке моя речь понравилась.

★

Пошла греметь конница Буденного по широким степям—от Сала к Дону и на Кубань.

Разве перечтешь все наши бои? Вспоминаются лишь главные. Зимою на глубоком снегу был жестокий бой под Батайском. К станции Батайской подошли мы днем. Там в это время шла спешная

погрузка — белые в панике эвакуировались. Мы получили динамит для того, чтобы взорвать железнодорожный путь. Я положила динамит и пошла к полотну. Следом за мной шло несколько красноармейцев. Повстречался мне крестьянин и остановил:

— Ты не ходи, девчонка! Тут сильный бой идет.

— Мне, дяденька, надо домой пройти.

Добралась я до назначенного места и подложила динамит под шпалы. Подошедшие мои ребята беспрепятственно взорвали путь. Так было отрезано деникинцам отступление. Тогда они открыли сильный орудийный огонь — снаряды засыпали весь Батайск, но мы подошли вплотную, ударили на белых и разгромили их. Нам достались богатые трофеи — масса вагонов, эшелоны с обмундированием и с орудием. Разбив белых, двинулись мы дальше.

Это была знаменитая схватка с Деникиным под Батайском.

Помню другой эпизод. Во время одного из боев на Северокавказском фронте группа деникинцев бросилась на товарища Озолина с шашками и стала его рубить. Тяжело раненный, он упал в глубокую лощинку, засыпанную снегом. Кругом кипел бой. Бывшие с Озолиным человек двадцать бойцов — в том числе и я — пытались было отбить своего комиссара. Мы рвались к нему, но не могли пробиться. Белые превосходили нас числом.

Тут на выручку к нам бросился Семен Михайлович со своим эскадроном. А следом за ним и мы пошли в атаку. Белые пустились врассыпную. Подскакали мы к Озолину — он лежит почти неподвижный, истекающий кровью. Мы подобрали его.

★

Когда уже Северный Кавказ был освобожден и деникинская храбрость растоптана в широких степях, на западе вспыхнул новый фронт. Польские шляхтичи пошли на Киев. Не пришлось нам отдохнуть после горячих боев под Батайском, под Белой глиной, под Егорлыцкой, на Маныче. Буденновская конница была переброшена на запад.

Ну что ж — скакать, так скакать!

Созвали Ворошилов и Буденный огромный митинг. Тысячи всадников революции собрались в открытом поле. Ворошилов и вслед за ним Буденный объявили нам, что предстоит великий переход на тысячу с лишним верст от степей Кавказа до киевских полей. Партия и советская власть посылают нас защищать родную землю и выгнать с Украины и Белоруссии польских панов.

— Даешь Варшаву! — громовым криком ответили все бойцы.

Радовалось у меня сердце, что так стремительно несемся мы уничтожать польскую белогвардейщину.

Быстро мы дошли до польского фронта. Шли на своих конях.

Первый бой приняли в местечке Погребище. Здесь нас начали обстреливать поляки. Их огонь был таким сильным, что у нас много бойцов оказалось ранеными.

Я сидела на пулеметной тачанке вторым номером и подавала пулеметную ленту. Когда первый номер был убит, я погнала лошадей вперед, повернула тачанку и начала сама строчить из пулемета. Пришлось одной работать за двоих. Подо мной на дне тачанки лежит мертвый пулеметчик. Мимо на конях проносятся товарищи, летят вперед:

— Гнать их, гнать их! Ура!

Я управляю всей тройкой лошадей, стараюсь не отставать от других. Потом заворачиваю тачанку, берусь за рукоятку и снова строчу, строчу.

А раненых и убитых уже много. Кругом засеянное поле — рожь поднялась густая, высокая, — и вдали небольшой лесок.

На мирные наши поля, думаю, полезла белая панская сволочь. И я поняла, что это продолжение той же самой войны, которую мы вели на южном фронте, и что врага нужно уничтожить во что бы то ни стало.

Когда мы разбили неприятеля, слезла я с тачанки и пошла подбирать и перевязывать раненых. Мертвого пулеметчика привезла я в деревню, и там мы его торжественно, с музыкой, похоронили.

На второй день меня вызвали в штаб. Командир полка горячо благодарил и пожал мне руку:

— За то, что в бою, когда пал пулеметчик, ты не растерялась и заменила его до конца сражения.

Хвалили меня и рядовые бойцы:

— Вот герой у нас Зина Патрикеева! Смерти не боится!

Я в то время стеснялась слово сказать товарищам в ответ и растерялась и так была рада, что слезы у меня выступили.

Вот тебе и героиня!

★

Пошла конница Буденного в наступление на белых поляков, прорвали мы польский фронт и очутились у местечка Червонного, в глубоком тылу.

Я считалась и бойцом и сестрой. Когда надо — с винтовкой несусь вперед, когда надо — достаю бинты из сумочки и перевязываю раненых.

Был бой под Червонным. Наша цепь залегла под бугром, в удобном месте, с пулеметами. За моим пулеметом сидел Петька — пулеметчик. Я была первым номером, старшей над ним. Чуть я отвернусь — он начнет строчить и все патроны мигом израсходует. В то время нехватало пулеметных лент в самую горячую боевую минуту. Я спустилась в лощинку, села на свою лошадь и поскакала в обоз за патронами. Дорога была опасная: видят поляки несущегося всадника и начинают орудийный обстрел. Однако пока все то недолет, то перелет.

Внезапно снаряд разорвался чуть ли не под копытами коня. Всю дорогу землей засыпало. Лошадь поднялась на дыбы, потом остановилась, измученная, дрожащая. Я успокоила ее и поскакала

дальше. Добралась, наконец, до обоза, взяла шесть лент, на себя навязала и помчалась обратно.

Польские пули свистят, со всех сторон ложатся снаряды. На сердце у меня тяжело. Как ни старается прогнать врага пролетарская армия, а все-таки сильные паны, крепкий дают нам бой.

Доскакала я обратно и заняла свое место у пулемета.

— Ну, Петька, — говорю, — не транжирь патроны. — У нас еще большое дело впереди.

Только сейчас я почувствовала, что ранена. Вражья пуля навылет прошла сквозь мякоть руки. Но такой горячий был момент, что сразу я этого и не заметила. Бывший рядом стрелок — китаец — забинтовал мне руку, и я снова начала обстреливать неприятеля.

Остановили мы наступление поляков и погнали их назад.

— Даешь Варшаву! — кричат конники.

Отступавшая шляхта скрылась за лесом, недалеко от местечка Червонного. Мы пролетели мимо них и зашли в тыл.

Снова завязался ожесточенный бой. Была уже ночь — светлая, теплая. Вытащила я пулемет на бугорок и открыла огонь по неприятелю. Но патроны подходили к концу. В это время меня легко ранило осколком гранаты в грудь. В первый момент я и не почувствовала боли.

Тем временем наши подались чуть-чуть назад, и я очутилась одна, верхом на лошади. Вижу, несется на меня с шашкой наголо польский офицер, за ним скачет верховой. Не зная, что осталась совсем одна, полная решимости, я поскакала навстречу. Хотелось отобрать у него сумку с планами и документами.

Офицер подскочил ко мне вплотную и замахнулся саблей. Я во-время спрятала голову за лошадь, так что он только срубил ухо моего коня. А у меня в нагане последний патрон остался.

Я выпустила его и сбила офицера с лошади. Поляк упал под копыта коня. Тогда я понеслась на его адъютанта, наставила пустой наган на него, и он поднял руки. Взяла поляка живым. Держа под дулом пустого нагана, доставила я пленника в штаб полка.

Вот что писала газета «Красный кавалерист» в номере от 19 июня 1920 года:

«Героиня-сестра.

Во время конной атаки под местечком Червонным, когда наш левый фланг был подтеснен противником, выехала вперед сестра милосердия 61-го кавполка Зинаида Патрикеева и одна бросилась на колонну поляков, крича «ура».

Своим мужеством и геройством она увлекла весь полк, который перешел в решительное наступление. Положение было восстановлено. Сестра Зинаида выехала слишком вперед, и вскоре она оказалась около неприятельской колонны, отступавшей в панике. Тут же, не имея никакого оружия, она взяла в плен одного солдата.

Товарищ Патрикеева состоит в партии коммунистов, все время на фронте. Своим поведением она заслужила любовь и уважение

красноармейцев. В наступлении она всегда впереди всех, в отступлении уходит последней».

Когда приехавший на польский фронт товарищ Калинин вручал 61-му и 62-му полкам красные знамена, я стояла рядом с ним, Ворошиловым и Буденным. Происходило это после прорыва польского фронта под Житомиром. Стояло прекрасное лето, все кругом было в зелени. Торжественный это был час. Все бойцы были построены перед тачанкой, на которой стоял Калинин. По окончании речи он передал знамя Буденному, а Буденный отдал его командиру дивизии, ныне покойному Морозову.

★

На моих глазах был убит командир 62-го кавалерийского полка товарищ Иванов. Был он очень храбрым и отважным человеком.

Однажды мы приняли бой с поляками. Иванов дал команду лечь, и все бойцы легли на землю. Несмотря на то, что поляки обстреливали нас из тяжелых орудий, сам командир стоял во весь рост — видно, хотел выяснить, откуда бьют орудия.

Я лежала в цепи рядом с ним и все время просила:

— Товарищ Иванов, ложитесь. Снаряды рвутся слишком близко от вас.

— Ничего, — говорил командир. — Ничего меня не возьмет.

Вдруг вижу — разорвался вблизи снаряд, поднялась густая пыль, и наш боевой товарищ Иванов упал.

Ребята поднялись, стали отступать. Я бросилась к командиру.

— Товарищ Иванов, что с вами?

— Зина, — говорит он, — я умираю.

Приподняла его голову. Смотрю — оторванная правая рука Иванова держится только на рукаве. Да и весь он был изуродован: одна нога отбита совсем, у другой ляжка вырвана, в боку торчит железный осколок.

— Сестра, — шепчет командир, — Зина, я умираю.

И начал синеть.

Бой в полном разгаре. Наши отходят, поляки наступают, а я посредине поля с умирающим, и не могу его бросить, жалко оставить на поле битвы боевого командира.

Отползла я немного в сторону, достала лошадь. Положила Иванова с помощью ординарца на линейку и несмотря на сильный обстрел вывезла его из огня.

Поблизости была деревушка, и я торопилась скорей доставить его туда. Остановилась у первой же халупы, но Иванов уже умирал.

— Зина, напишите письмо моей семье, что я тяжело ранен и умираю, — успел сказать перед смертью и еще добавил:

— Передайте командиру: орудие у них укреплено на возвышенности возле церкви... Пусть обстреляют эту точку...

Тут же и скончался.

Тяжело было потерять такого командира.

*

У Новгород-Волынска пошел в разведку эскадрон 61-го кавполка. С эскадроном и я поехала.

Не доходя Новгород-Волынска, мы натолкнулись на польскую заставу. Поляки стали стрелять.

Нас было четверо — выехавших вперед. Трое поскакали обратно сообщить идущей за нами резервной колонне, что неприятель близко, а я осталась одна и очутилась перед польским офицером. Подлетев ко мне на лихой лошади, он направил дуло винтовки:

— Пшя-крэв!.. Слезай!..

Делать нечего, я спешилась.

— Нас много, — говорю ясновельможному пану. — Всех не перебьете!

Он услышал женский голос и выругался.

Опустил дуло, целясь мне в живот, и выстрелил. Я упала, обливаясь кровью. Рана была тяжелая. Подошли наши, подобрали меня, лежащую замертво, и на линейке довезли до Бердичева. Несмотря на то, что поляки сильно укрепили Новгород-Волынск, буденновцы выбили их и взяли город.

Тяжело вспоминать этот эпизод. На всю жизнь осталась у меня о нем зловещая память.

Я пролежала в передвижном госпитале три недели. Немного оправившись, снова вступила в строй. Опять началась суровая походная жизнь.

Под Дубно был сильный бой у старинной крепости. Мы наступали на Львов, рвались в Галицию, чтобы очистить ее от буржуазной нечисти. Во время сражения был убит командир эскадрона. Тогда я сама повела свой эскадрон в атаку.

— Ребята, за мной! — и все дружно рванулись на поляков.

Началась жестокая рубка. Дубно было взято. Это было на рассвете.

Так я стала помощником эскадронного командира.

Под Ровно я была в третий раз ранена в правую руку, но оставалась в строю и продолжала перевязывать раненых товарищей.

Подвигами все это я не считаю. Я жизнь готова была отдать за советскую власть.

Но я была очень рада услышать слова моих боевых товарищей, когда в двадцатом году, на польском фронте, меня приняли в партию.

— Патрикеева на деле доказала, что она достойна быть в партии Ленина, — говорили они.

Наступление красной конницы продолжалось. Поляки откатывались все дальше и дальше на запад.

Не доходя Львова, мы остановились и подтянули все наши силы. Город находился от нас в полутора верстах.

Мы стояли на мосту и видели, как эвакуируются перепуганные поляки. Радость наполняла наши сердца, мы были уверены, что Львов уже советский. Однако ночью неожиданно был получен

приказ отступать от Львова. Ничего не поделаешь, пришлось повернуть коней назад.

Этим и кончилась для нас польская война.

*

Из Галиции рванулась конница Буденного на крымский фронт — на барона Врангеля. Быстро неслись на юг наши боевые кони. Новые ждали нас схватки, новые тревоги и опасности.

В бою под Айгаманом пал смертью героя знаменитый командир дивизии Федор Максимович Морозов. Это был батрак из сальских степей, друг Буденного, храбрый и бесстрашный человек. Он один-на-один сражался с врангелевским танком, пытаясь застрелить танкиста.

Вслед за Морозовым бросились мы с винтовками, наганами и бомбами, но командир уже лежал мертвым — его перерезал белый пулемет. Отбив у врага тело Морозова, мы перешли в атаку и хорошо расплатились за нашего командира: много белых полегло на таврических полях.

Вместе с Морозовым погиб в тот же день боевой комиссар дивизии — донской казак Бахтуров, веселый товарищ. Стихи, сочиненные им, разучивала и пела вся дивизия.

Вот одна из песен Бахтурова:

Лихая конница из-за суровых, темных гор,
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последним из буржуев битву дать.
Крикнул грозный клич Буденный удалой:
«Эй, товарищи лихие, все за мной,
Эй, ребята, веселей, да не робей!
На врага пойдем лютого поскорей!»
И несется наша конница вперед.
Кулакам-врагам поблажки не дает.
Эй вы, царские холопы-палачи,
Ну, попробуй-ка, попробуй, подскочи!
Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной, вольной жизнью заживем.
Постоим за наше дело головой.
Слава коннице буденновской, лихой!

Когда Врангель был, наконец, сброшен в Черное море и гражданская война кончилась, состоялся в Екатеринославе наш красноармейский съезд. Он прошел торжественно и радостно. Товарищ Ворошилов выступил перед конниками с большой речью, в которой благодарил их от имени партии.

Там я получила орден Красного знамени. Товарищ Буденный сам прикрепил его мне на грудь.

— Ну, Зиновий, — сказал Буденный, — храни этот знак отличия как гордость наших побед.

И поцеловал меня.

А Ворошилов, указывая на меня, сказал:

ИСТОРИЧЕСКАЯ

— Вот наша героиня! Вместе с нами, верхом на лошади, она выпесла все трудности и добилась победы, она — бессменная участница великих переходов Первой героической конармии.

Он меня и сейчас помнит.

Если бы я обладала даром слова, я бы в тот великий момент обратилась к Клименту Ефремовичу, к Семену Михайловичу и ко всем присутствовавшим с речью и сказала бы так:

«Несколько лет тому назад я, Зинаида Патрикеева, очутилась в этом городе несчастной сиротой, голодная и оборванная, измученная нуждой. Отсюда я начала свой боевой путь. Теперь в этом же городе я переживаю самую радостную, самую счастливую минуту жизни».

Но я была взволнована и растерялась. И когда Буденный жал мне руку, у меня не было слов, чтобы ответить ему.

СОДЕРЖАНИЕ

З. Орджоникидзе — Боевые дни 5
Л. Аргутинская — Ксения Ге 21
Т. Резакова — В горах Кавказа 39
Л. Анджиевская — Мать 54
Молодые герои 63
А. Сологуб — «Невеста» 67
А. Шевченко — Солдатка 71
Л. Аргутинская — «Алешка» 75
Маруся 85
А. Исбах — Нарма Шапшукова 88
И. Кононенко — Шесть 94
С. Понятовская — Юность 101
П. Вишнякова — «Холерный барак» 106
А. Мелещенко — Подпольные листки 112
М. Шейко — В застенке у белых 122
Т. Соколова — По этапу 124
С. Калабекова — Пережитое 130
Ф. Макушенкова — В камышах 132
М. Мелешко — Какое счастье, что это не повторится . 135
В. Матюшина — «Ворожка» 136
А. Ряженцева — В лапах Шкуро 141
Л. Аргутинская — Татьяна Соломаха 148
Первая большевичка гор 177
Ж. Бозиева — Партизанка 181
Ж. Ольмезова — Женщина гор 183
А. Кучин — Чеченка Фатимат 185
Е. Литвинова — Сегодня 190
В. Дюбин — Феклуша-пулеметчица 193
Е. Кузнецова — Конноармейка 201
В. Коробков — Три жизни тети Вари 212
Е. Черкасова — Сестра-кавалерист 217
В. Глазепа — Сестрицы 220
Змейский расстрел 225
П. Карташева — В ростовском подполье 229
З. Патрикеева — Боевой путь 234

Редактор И. РАЗГОН
Художественный редактор Л. ЮРКЕВИЧ
Заставки и форзац художн. А. ЕРМОЛАЕВА
Переплет и титул художн. А. ЕРМОЛАЕВА и М. МАЛКИНА
Ответственный по выпуску С. ЛАЗАРЕВ
Корректура под руководством Е. КАЛЕЛОВОЙ

Книга сдана в набор 4/I 1938 г., подписана к печати 7/II 38 г. В книге $15^1/_2$ печ. листов. Бумага $60 \times 92^1/_{16}$ п. л. Общее колич. авт. листов 16,79. В одном п. л. 44 544 знаков.
Уполномоченный Главлита № Б-28915. Тираж 40 000. Заказ № 98.
Цена книги 4 руб. Переплет 1 р. 50 к.

Книга отпечатана в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Цена 6 р. 50 к.